

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

РУСЬ, ИТАЛИЯ
И ВИЗАНТИЯ
в Средневековье

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

**РУСЬ, ИТАЛИЯ
И ВИЗАНТИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

**Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000**

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

**РУСЬ, ИТАЛИЯ
И ВИЗАНТИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

*Подготовка текста к печати
М. В. Скржинской и Н. Ф. Котляра*

*Вступительная статья
Н. Ф. Котляра*

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4
С 45

сканирование
Brizli
973
сборка, дизайн

Скржинская Е. Ч.

С 45 Русь, Италия и Византия в Средневековье /
Вступ. статья Н. Ф. Котляра. — СПб.: Алетейя,
2000 г. — 288 с.
ISBN 5-89329-209-X

Редколлегия серии
«Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров,
А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

В книге собраны близкие по тематике, малоизвестные и одна неопубликованная статьи выдающегося историка и источниковеда Елены Чеславовны Скржинской (1897–1981), посвященные взаимным отношениям Древней Руси, далее Московского княжества с Византией и Италией. Книга открывается работой «Половцы», в которой дано оригинальное, ранее не предлагавшееся объяснение этого этникона, прослежены отношения степняков с Русью и Византией, их отражение в летописях и трудах византийских авторов. Далее помещены статьи, освещающие различные стороны дипломатических связей Московской Руси с Византией и Италией. Завершается книга большой, извлеченной из архива Е. Ч. Скржинской статьей «Московская Русь, Венеция и византийское наследие в 70-х годах XV в.», в приложениях к которой даны никогда не публиковавшиеся в России документы из архива Венеции с выполненными Е. Ч. Скржинской переводами.

Для всех интересующихся историей и культурой Византии, Италии, Руси, а также самого широкого круга читателей.

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4

ISBN 5-89329-209-X На форзацах: *Христос и Богоматерь с младенцем.*
Около 1316–1321. Кахрие джами, Стамбул.
Мозаики в куполах внутреннего нарфика

9785893429209 1

- © Издательство «Алетейя» (СПб), 2000 г.
© Н. Ф. Котляр, вступительная статья, 2000 г.
© М. В. Скржинская, Н. Ф. Котляр, подготовка текста к печати, 2000 г.

**Елена Чеславовна
Скржинская и ее
труды по истории
средневековых
Руси, Византии
и Италии**

Елена Чеславовна Скржинская (1897–1981) прошла долгий и трудный путь в жизни и науке. В течение более полувека, со времени сразу же заслужившего признание специалистов выхода в 1928 г. в Генуе ее корпуса латинских надписей генуэзских колоний в Крыму, она пребывала в первом ряду видных медиевистов нашей страны и мира вплоть до своей кончины, которая настигла ее за письменным столом.

Для того, чтобы ее имя навсегда осталось в мировой науке, было достаточно лишь ее докторской

диссертации — фундаментального издания «О происхождении и деяниях гетов» (М., 1960) Иордана, первого и единственного в отечественной науке вообще. Текст сочинения раннесредневекового историка был подготовлен Е. Ч. Скржинской по всем известным в ее время рукописным спискам труда Иордана (присланным ей коллегами из крупнейших рукописных хранилищ Запада) и снабжен громадным (до 30 авт. л.) научным комментарием, представляющим ценнейшее исследование истории Европы первой половины I тысячелетия нашей эры. Недаром к «Иордану» Елены Чеславовны постоянно обращаются не только историки, но и другие гуманитары, в особенности же археологи и этнологи.

Поэтому подготовленные издательством «Алетейя» новое издание этого труда и ее же «Истории» Олимпиодора, первые публикации которых уже давно стали библиографической редкостью, будут, вне сомнения, с одобрением встречены многочисленными учеными России, а также многих ближних и дальних стран.

Но Е. Ч. Скржинская останется в мировой науке не только своим «Иорданом». В сущности, она написала не так уж много книг и статей, но каждая из них представляет собой оригинальное исследование, поражающее и новизной методического подхода, и глубиной понимания исторического процесса, и свежестью интерпретации источника (чаще всего ею же вводимого в научный оборот), и кажущейся, но только на первый взгляд, парадоксальностью выводов, и, конечно же, неповторимым стилем.

О научном стиле Елены Чеславовны следовало бы написать целое исследование. Он зиждется на

прекрасном знании предмета исследования, свободном владении источниками, глубоком и свежем толковании литературы — всем тем, что составляет истинное понимание истории. И при этом стиль ее научных сочинений обнаруживает недюжинный литературный талант, оставшийся, к сожалению, не востребованным. Ее большая общая культура, душевная тонкость, поразительная начитанность в различных областях знания и литературы, музыкальность (она была хорошей пианисткой, ученицей М. В. Юдиной) — все это логическим образом легло в основу ее стиля.

Названные и многие другие достоинства присущи крупнейшим монографическим работам Е. Ч. Скржинской: «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.» (Л., 1971), в которой издание текстов ценнейших мемуаров двух итальянских дипломатов сопровождается переводом, исследовательскими статьями и обширным комментарием, а также двум основательным публикациям итальянских документов из архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР: «Акты Кремоны XIII–XVI вв.» (М.; Л., 1961) и «Акты Падуи конца XIII–XIV вв.» (Л., 1987). Эти документы происходят из рукописного собрания выдающегося ученого, академика Н. П. Лихачева, у которого училась Елена Чеславовна. Кто знает, не приносил ли их иногда в трудные послереволюционные годы Николай Петрович в заплечном мешке из своего дом на ул. Петрозаводской, 7 (где ныне размещается Петербургское отделение Института российской истории РАН) на лекции, которые слушала молодая Елена Чеславовна? Но о ее учителях речь пойдет впереди.

Как уже было сказано, Е. Ч. Скржинская рано заслужила признание в научном мере. Ее первую книгу о гетуэзских надписях строгий ее учитель, член-корреспондент АН СССР О. А. Добиаш-Рождественская назвала классической.¹ Многие годы она оставалась одним из крупнейших медиевистов в мире. Мне посчастливилось убедиться в том, с каким пиететом относились к ней зарубежные коллеги, в частности, выдающиеся византилисты В. А. Острогорский и И. С. Дуйчев. Работы Елены Чеславовны переводились на итальянский и другие языки, широко цитировались научными авторитетами. Она была членом-корреспондентом Лигурийского исторического общества, почетным членом ряда других иностранных научных обществ.

Но официального признания у себя на Родине Е. Ч. Скржинская не получила. Напротив, ее дважды, в 1930 и 1953 гг., увольняли из Института истории материальной культуры АН СССР. Неординарный талант, яркая личность зачастую вызывают зависть и неприятие у основной массы коллег. А принципиальность, неприятие фальши вообще и фарисейства официальной пропаганды в частности, манера говорить даже нелицеприятную правду в глаза собеседнику также рождали врагов. Добавлю к этому, что дворянское происхождение Елены Чеславовны не вызывало симпатий у чиновников от науки «пролетарского государства».

В 30-е годы она была вынуждена зарабатывать на жизнь работой переводчика, сначала в Институте

¹ См.: *Мажуга В. И.* Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XVIII. М., 1987. С. 8.

гидротехники, затем в Институте экспериментальной медицины, но никогда не переставала заниматься любимой наукой. Не оставляла она своих научных занятий и находясь на пенсии, до самой смерти.

Е. Ч. Скржинская получила основательное образование, которое она пополняла, в сущности, всю свою жизнь.¹ Поскольку в женских гимназиях, в которых она училась (Коломенской и Шаффе), не преподавались классические языки, она изучила их во время прохождения университетского курса, а после усовершенствовалась в них столь основательно, что это позволило ей стать крупнейшим знатоком средневековых латыни и греческого, без знания которых не мыслился ни один настоящий медиевист в дореволюционной России, да и в нашей стране в 20–30-е годы.

Елене Чеславовне повезло с учителями — ими были выдающиеся медиевисты О. А. Добиащ-Рождественская, И. М. Гревс, Н. П. Лихачев. Но она не была пассивной слушательницей, а сама находила своих учителей, стремилась к творческому диалогу с ними. И учителя оценили ее талант, стремление к науке, с каждым годом растущую квалификацию, интеллигентность и общую культуру. О. А. Добиащ-Рождественская в письме к О. Л. Вайнштейну от 19.VII.1928 г. отмечала: «Е. Ч. Скржинская — такая давняя моя ученица, а в последние годы — сотрудница, которую из старших моих учеников я не могу по совести не признать лучшей как по ее глубокой, разносторонней и тонкой учености ...так

¹ Краткое изложение ее жизненного и творческого пути см.: *Медведев И. П.* Елена Чеславовна Скржинская // *Византийский временник*. Т. 44. М., 1983. С. 267–270.

и по яркой и живой талантливости, литературной, педагогической и научной...»¹

Живое и активное стремление к совершенствованию, познанию науки как феномена истории и культуры привело Елену Чеславовну на лекции видного философа Н. О. Лосского, в семинары знаменитого антиковеда М. И. Ростовцева и искусствоведа Д. В. Айналова. Годы ее вхождения в науку были освещены творческим общением с Л. П. Карсавиным — историком, культурологом, историософом, религиоведом, чье подлинное значение для русской и мировой науки и гигантский масштаб личности в наше время раскрываются во всей полноте, когда Россия, да и весь цивилизованный мир, переживают мощный всплеск интереса к этому великому человеку и ученому. Его «Noctes Petropolitanae» посвящены Е. Ч. Скржинской.

Творческий метод Елены Чеславовны был ярким, плодотворным и приводил к выдающимся научным результатам. Первый удачный шаг на пути его всестороннего анализа уже сделан в серьезной, пронизанной пониманием и любовью к своему учителю статье последним учеником Елены Чеславовны Владимиром Ивановичем Мажугой, на которую я уже ссылался. В своей небольшой статье я вовсе не претендую на изучение исследовательского инструментария предлагаемых читателю работ Е. Ч. Скржинской. Позволю себе лишь обратить его внимание на некоторые свойства и особенности ее трудов, связанных с русской тематикой.

Если исходить из списка ее печатных трудов, то может создаться впечатление, что исследовательни-

¹ Цитируется по: Мажуга В. И. Указ. соч. С. 18.

да обратилась к русской проблематике не ранее конца 50-х—начала 60-х годов: в 1971 г. была опубликована ее первая книга этой темы «Барбаро и Контарини о России». Однако это впечатление оказывается ошибочным при ознакомлении с архивом Елены Чеславовны, хранящимся в Петербургском отделении Института российской истории РАН. В нем, в частности, находятся подготовительные материалы (конспекты научной литературы, выписки из источников — венецианских и генуэзских актов и хроник, а также из русских летописей, — всего 260 листов) для написания труда с предварительным названием «Русь, Византия и генуэзцы в их политических взаимоотношениях в XII—XIII вв.». Эта работа была начата в далеком 1943 г., и материалы для нее собирались в течение последующих двадцати лет.

В 1959 г. Елена Чеславовна начала готовиться к написанию работы «Церковные отношения между Византией и Русью. Патриархии». Выписки из греческих хроник и русских летописей, конспекты научных книг и статей велись до 1964 г. и составили хранящуюся в ее архиве обширную папку. Как и в предыдущем случае, ее замысел не был осуществлен. А в 1961 г. вышла ее первая статья русской проблематики: «Греческая надпись из Тмутаракани».

В научном архиве Е. Ч. Скржинской хранится множество набросков, планов, подготовительных материалов для целой серии трудов, посвященных отношениям Руси с Византией и Италией: «Рассмотрение названия “Россия” в хрисовуле 1169 г.» (начато в 1960 г.), «Походы русских князей на половцев» (1962 г.), «Детальное опровержение мнения о

подчиненности Киевской Руси Византии» (сохранились подготовительные материалы, тезисы, доклад, прочитанный в 1962 г.), о толковании летописного названия «Отскалана» (в архиве хранится незаконченный текст статьи, написанной в 1974–1979 гг.) и др. Но все перечисленные темы так и остались нереализованными.

Почему же большинство замыслов Елены Чеславовны, посвященных истории Древней Руси и позднейшей России в их взаимоотношениях с Византией, Италией и другими странами, не было превращено в жизнь? Ответ на этот вопрос не может быть ни простым, ни легким.

Все без исключения хорошо знавшие Е. Ч. Скржинскую коллеги согласно отмечали ее необыкновенную требовательность к себе, чем она выделялась даже на фоне крупнейших ученых ее поколения. Она считала себя прежде всего историком средневековья зарубежных стран и народов, главным образом Византии и Италии, и полагала поэтому, что без столь же основательного овладения летописями и другими древнерусскими источниками, — подобно тому, как владела она источниками византийскими и западноевропейскими, — не имеет права обращаться к русским темам. И с присущими ей в высшей степени тщательностью, основательностью и скрупулезностью Елена Чеславовна принялась в начале 40-х годов (а может быть, и раньше) осваивать новую для себя историческую специальность: источниковедение древнерусских и более поздних русских памятников письменности.

У дочери Елены Чеславовны хранятся экземпляры «Повести временных лет» (М.; Л., 1950), «Ипатьевской летописи» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908), «Нов-

городской первой летописи старшего и младшего изводов» (М.; Л., 1950), «Московского летописного свода конца XV в.» (ПСРЛ. Т. 25. М., 1949), принадлежащих ее матери. Их поля густо испещрены ее замечаниями, отсылками, выводами из прочитанного и сопоставлениями с другими летописями, которые достаточно наглядно и красноречиво показывают движение мысли исследовательницы, развитие ее научного поиска.

Елена Чеславовна необычайно ответственно относилась к древнерусским источникам — точно так же, как к византийским и западноевропейским. Она постоянно обращалась к лингвистической научной литературе, штудировала словари — и достигла такого глубокого и всестороннего знания и понимания памятников древнерусской письменности, какое доступно редкому историку-русисту. Поэтому и достигала она впечатляющих результатов в исследовании тех проблем, которые, казалось, уже давно были либо решены, либо считались нерешаемыми. Примером тому может служить ее большая статья «Половцы», которой начинается это издание.

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны статьи Елены Чеславовны, объединенные темой международных отношений Древней Руси и затем России в XI–XV вв., главным образом с Византией и Италией. На первый взгляд, особняком стоит исследование «Половцы», посвященное в основном решению разгадки этого этникона, — решению смелому и неожиданному настолько, что при первом прочтении статья смутила некоторых специалистов по истории отношений Киевской Руси со Степью. Однако половецкая тема дана в работе в тесной связи с историей Руси и Византии XI–

XIII вв., да и решается она во многом на основе византийских источников.

Три из помещенных в настоящем издании статей опубликованы при жизни Елены Чеславовны. Одна («Половцы») увидела свет уже после ее кончины. Все они напечатаны в малотиражных изданиях, известных разве что узкому кругу специалистов. Наконец, заключает книгу наибольшая из всех по объему статья из архива ученого, названная мною «Московская Русь и Венеция времен Ивана III».

Включенные в сборник трудов Е. Ч. Скржинской все эти статьи, как мне кажется, достаточно хорошо отражают ее исследовательскую методiku, творческое кредо и стиль. Они посвящены мало или вовсе не изученным темам, вносят новое слово в науку, открывая ранее не известные имена исторических персонажей, факты, процессы и явления. Их объединяет также глобальная проблема — взгляд современного ученого на средневековую Европу и Малую Азию как на историческое, евразийское целое, раздираемое политическими, религиозными, да и экономическими противоречиями, но в то же время объединенное мировыми процессами и явлениями, препятствующими политическому хаосу, всеобщему военному противостоянию и хозяйственной стагнации.

Итак, попытаюсь сперва представить читателю объемистую статью Елены Чеславовны «Половцы. Опыт исторического истолкования этника». Подобно всем известным мне работам автора, она отличается широтой взгляда на проблему, умением извлечь из частного общее, наиболее характерное для эпохи, и ярким, красочным и неповторимым, исключительно неповторимым стилем.

Вчитаемся в строки, открывающие эту статью: «В летописном отражении истории Киевской Руси, в особенности XII в., видно, что само существование Древнерусского государства в целом, и прежде всего южной его части, его ядра ...было всегда неотделимо от извечного антагонизма к кочевнической степи. Без внимания к последней, без постоянной оглядки на ее обитателей и их передвижения непредставима Киевская Русь. Борьба с кочевниками, порой кровопролитная и тяжелая, — обязательный элемент повседневной жизни средневековой Руси и постепенного формирования ее политической силы. Возможно, что постоянный фронт сопротивления степнякам оказывался в конечном счете и элементом своеобразных форм роста, укрепления и зрелости феодального Киевского государства».

В этих строчках, написанных уверенной рукой крупного профессионала, ощущается тонкое и точное понимание и вычленение одной из магистральных (если не главной) линий внешнеполитической и военной деятельности Древнерусского государства. Замечу при этом, что исследовательница и в этой, и в других работах почти не пользуется модно-обязательными в ее время терминами «феодальная формация», «феодальная раздробленность», «феодализация общества и государства», не говоря уже об открытом неприятии ею непреложного в те годы постулата о прямой и жесткой зависимости фактов и явлений политической, культурной и духовной жизни от процессов жизни социально-экономической.

Штудии последних лет подтвердили важную, зачастую решающую роль фактора половецкой угрозы в истории Руси, его скрепляющей силы для это-

го государства не только во времена существования относительно единой и централизованной монархии второй половины XI—первой трети XII вв., но и в эпоху удельной или феодальной раздробленности, когда государство превратилось в федеративную монархию. Вне сомнения, половцы в течение почти двух столетий были мощнейшим внешнеполитическим фактором, во многом определявшим и внутреннюю жизнь, и международную политику Киевской Руси.

Фактор этот был всецело дестабилизирующим для существования Древнерусского государства, что бы там ни писали тюркские патриоты-дилетанты, находящие в половецкой степи едва ли не живой источник для Руси. Часто, временами едва ли не ежегодно, стремительная половецкая конница вторгалась на Переяславщину, южную Киевщину и Восточную Черниговщину, угрожая даже стольному граду Руси Киеву. Горели города и села, вытаптывались посевы, гибли и были уведимы в неволю многие тысячи русских людей. Князьям приходилось объединять и напрягать все силы для отражения набегов хищных кочевников, и эти объединения исторически объективно способствовали сплочению государства даже во времена его политической разобщенности.

Половцы сильно досаждали и Византии, вторгаясь на ее придунайские земли и даже угрожая Константинополю, как случилось, например, в 1197 или 1198 г., о чем поведал Никита Хониат. Анна Комнина (и об этом упоминается в статье Елены Чеславовны) рассказала, как в 1091 г. 40-тысячное половецкое войско под командованием печально известных грабительскими набегами на Русь ханов

Боняка и Туторкана приблизилось к армии ее отца Алексея I, которому в то время угрожала еще и неисчислимая орда печенегов. Император сумел привлечь на свою сторону половцев и с их помощью сокрушил печенегов:

Поэтому не будет преувеличением утверждение, что половецкий фактор, постоянная угроза со стороны энергичных и агрессивных кочевников непрерывно влияли на судьбы и Руси, и Византии и были своеобразным мостом, соединявшим внешнеполитические устремления и действия двух государств.

Но после столь масштабного введения к статье Елена Чеславовна скромно определяет задачу этой своей работы: «Пересмотреть этимологию слова “половцы”, продержавшуюся, правда, в ряде вариантов, более ста лет». Однако по зрелом размышлении приходишь к выводу, что между двумя процитированными высказываниями ученого нет противоречия. Потому что решить загадку этникона «половцы» автору представлялось возможным единственно на материале широкого исследования не только отношений Руси и кочевников, но и общей истории Византии, народов Центральной и Южной Европы. И решить на фундаменте всего комплекса известных науке источников, отечественных и иноземных.

Главный недостаток и даже ущербность существовавших до появления этой статьи этимологий этникона «половцы» состоял, думается, в том, что исследователи — а это были почти исключительно лингвисты — пытались решить проблему сугубо лингвистическими средствами, да еще и исходя из зависимости этого термина от слова «половый» (светло-желтый, соломенный). Отсюда рождались удивительные мнения о белокурости тюрков-половцев —

не отмеченной, к слову, ни одним современным им источником.

Е. Ч. Скржинская исходила из уверенности, что «слово “половцы” — явно русское, оно должно значить для русского человека нечто существенное, важное в сфере его встреч с этими кочевниками в историческом их — русских и половцев — соприкосновении и бытии». Следовательно, этникон «половцы» был придуман на Руси. Греческие (византийские) и латинские источники знают их под именем «куманы», а восточные — «кипчаки».

Статья объемом немногим более 2 авторских листов подготавливалась и писалась Еленой Чеславовой особенно тщательно. В ее архиве хранятся 5 папок с материалами к этой статье: выписки из источников и литературы, конспекты статей и книг, наброски разных лет, обширная библиография и незаконченный текст самой статьи. Всего в этих папках находятся 1192 листа, собиравшиеся и писавшиеся в течение десяти лет (1970–1980 гг.).

Работа о половцах начинается нетрадиционно — с обзора мнений о них средневековых писателей, начиная с Матвея Меховского и Сигизмунда Герберштейна (оба — XVI в.). Далее рассматриваются труды ученых XIX в. (А. А. Куник, П. П. Голубовский др.) и XX в. (Д. А. Расовский, И. Маркварт и др.). И только после этого Елена Чеславовна приступает к анализу собственно источников, современных обитанию половцев в южнорусских степях и вблизи рубежей Византии. Подобное нестандартное построение первой части статьи имело, по-видимому, целью сначала сообщить читателю мнения крупнейших ученых разного времени по этому вопросу и тем самым подготовить его к восприятию источ-

ников, разбор свидетельств которых произведен таким образом, что вы проходите вместе с исследователем страницами актов, хроник, исторических сочинений и летописей.

Важно отметить, что во всех своих работах, в том числе и тех, которые преимущественно касаются Руси и России, Е. Ч. Скржинская систематически и широко использует византийские и западноевропейские источники, либо вовсе недоступные историкам-русистам, либо читаемые (отдельные из них) в переводах, что, вне сомнения, обедняет работы последних, а то и приводит их к неверным мнениям и выводам. Ведь каждому профессиональному историку известно, что любой, даже наиболее приближенный к оригиналу перевод есть уже интерпретация источника, его толкование переводчиком. Поэтому-то историки-русисты XIX—первой половины XX вв., учившиеся в классических гимназиях и совершенствовавшиеся затем в древних языках всю свою жизнь, превосходно владели и греческим, и латынью. Чем теперь могут похвастаться, увы, лишь отдельные мои коллеги. Но вернусь к «Половцам».

Разбор сведений средневековых византийских авторов: Анны Комниной, Евстафия Солунского, Никиты Хониата, каждому из которых даны живые индивидуальные характеристики, выполнен предельно тщательно и конкретно — с выделением языковых и стилистических особенностей каждого сочинения. Приводятся контексты их сведений о половцах. При этом не обнаруживается и следа упоминаний не то что о белокурости, но и о чем-либо необычном во внешности этих кочевников. Это же относится и к анализу сочинения германского

автора Оттона Фрейзингенского, также писавшего о половцах.

Затем Елена Чеславовна убедительно показывает несостоятельность гипотез лингвистов, поныне стремящихся вывести загадочный этникон от слова «половый» в значении «соломенно-желтый» или «синий» (Синяя Орда А. И. Соболевского, существовавшая, правда, не у половцев, а у татар XIII–XIV вв.). После чего исследовательница приходит к логичному выводу: «Удовлетворительное объяснение сугубо русского слова “половцы” могут дать только русские же, точнее, древнерусские источники, летописи». И переходит к тщательнейшему, неспешному и вдумчивому рассмотрению всех содержащихся в летописях свидетельств об этих кочевниках.

Выглядит научным парадоксом то обстоятельство, что до появления этой статьи Елены Чеславовны никто из русских ученых не обратился к системному анализу русского летописного материала, пытаясь объяснить сугубо русское слово «половцы». Обычная в подобных случаях оговорка (или отговорка), будто бы летописи не содержат необходимых для этого сведений, здесь лишена смысла. Как справедливо отмечает исследовательница, «нет оснований ссылаться на неполноту и отрывочность лингвистически близких материалов и даже аналогий», потому что они в достаточном для решения этой загадки количестве и в нужном качестве встречаются в летописях, среди которых она выделяет Киевский свод XII в.

Как полагала Е. Ч. Скржинская, главным в ее исследовании был вопрос: почему половцы, которые сами себя называли куманами, получили на Руси особое название? Их самоназвание не вошло в

древнерусский язык (в отличие от этника «печенеги», которым именовали себя сами эти кочевники), хотя и известны отдельные случаи его упоминания в летописях.

Работу над разгадкой этника «половцы» исследовательница начинает с локализации основных мест кочевий этого народа и, вполне в соответствии с показаниями летописей, определяет их на Левобережье Днепра. Точнее говоря, памятники древнерусской письменности размещают половцев в основном между Волгой и Днестром. Правда, известны нередкие случаи, когда половцы заходили далеко на Левобережье Днепра и даже достигали Дуная. Но все же главная область их обитания простиралась на восток от Днепра.

Ключ к разгадке рождения термина «половцы» дала Елене Чеславовне Новгородская первая летопись младшего извода, в которой выражением «он пол» определялась часть города на правом берегу Волхова, противоположная расположенной на его левом берегу. Отсюда производное: «они половици», т. е. люди с противоположного берега. Подобные выражения и понятия обнаружены ею и в Киевской летописи XII в. — в ней не раз Левобережье Днепра называется «Половецкой стороной». Следовательно, для живших на правом берегу реки русских людей кочевники-куманы были «они половици», или просто «половици». Это слово с течением времени трансформировалось в «половцы».

Е. Ч. Скржинская полагает, что термин «половцы» родился в Киевской летописи также для обозначения противостояния куманов с черными клобуками, верно служившими Руси, которых летописец неоднократно называет одобрительно «наши

поганые», т. е. язычники. А черные клобуки постоянно обитали на Правобережье Днепра.

Скрупулезно выполненное на фундаменте широкого круга древнерусских источников исследование позволило Елене Чеславовне сделать вывод, которым завершается статья: «Слово “половцы” родилось на Днепре, на его Правобережье, куда с “оного пола” постоянно врывались страшные кочевники... По всей видимости, термин “половцы” появился довольно рано и вскоре перестал пониматься как происходящий от “пол” (“он пол”)».

Вовсе не случайно мною уделено наибольшее внимание статье «Половцы», открывающей этот сборник избранных трудов Е. Ч. Скржинской. Она в высшей степени характерна для ее творческого метода и понимания средневековой истории, наглядно раскрывает ее манеру работы с источниками, редкое умение извлекать из них факты, оставшиеся незамеченными предшественниками, и делать в результате всего этого выводы, составляющие новое слово в науке. Наконец, в этой работе можно проследить увлекательный процесс рождения оригинальной и необычной идеи.

В течение всей своей творческой деятельности Елена Чеславовна оставалась верна первой любви — эпиграфике средневековых надписей, корпусом которых она так блистательно вошла в науку в 1928 г. Поэтому представляются закономерными для ее творчества небольшие статьи «Греческая надпись из Тмутаракани» и «Венецианский посол в Золотой Орде». Посвященные различным историческим периодам, они близки географически и творческой методикой. В них дан всесторонний анализ эпиграфических памятников в сочетании с привлечением

возможно большего круга письменных источников и реликтов материальной культуры, что позволяло исследовательнице подниматься до важных научных обобщений и выводов.

Работа «Греческая надпись из Тмутаракани» тематически и хронологически недалеко от «Половцев» — Русь и Северное Причерноморье в XI веке. Вообще же относящиеся к Руси эпиграфические памятники того времени чрезвычайно редки. Этот же, ввиду его скромной информации, после опубликования его академиком В. В. Латышевым в начале XX в. был прочно и, казалось, навсегда забыт.

Полагаю, что Е. Ч. Скржинскую побудили обратиться к изучению краткой и неэффективной надписи о смерти монаха Иоанникия в 1078 г. не столько дата, сколько место, где была найдена плита с нею: на Таманском полуострове, в Тмутаракани (или недалеко от нее), центре Древнерусского княжества, поныне представляющего одну из самых больших загадок восточнославянской истории конца X—XI вв. Этот лапидарный этнографический памятник послужил отправной точкой для исследования по истории клочка русской земли, к которому автором привлечены разнообразные источники: Киево-Печерский патерик, летопись, раннесредневековые печати и монеты.

Изучению самой надписи посвящена основная часть статьи. Оно выполнено четко, уверенно и изящно, с великолепным знанием средневекового греческого языка и особенностей палеографии памятников такого рода. Тактично исправлены ошибки первого публикатора надписи. На упоминании в ней о том, что по профессии монах Иоанникий

был зодчим в том самом монастыре, в стену которого вделана плита с надписью о нем, Елена Чеславовна основывает предположение, что построенный им монастырь имел отношение к одной из самых ярких личностей в истории Киевской Руси.

Е. Ч. Скржинская сопоставляет сам факт постройки монастыря Иоанникием с рассказом Киево-Печерского патерика о заложении его в Тмутаракани в 1061 г. выдающимся церковным, культурным и политическим деятелем Руси Никоном, бежавшим туда от гнева киевского князя Изяслава Ярославича. Она не утверждает, что именно Иоанникий создал монастырь для Никона, но сдержанно пишет, что «подобное сопоставление закономерно» — и по времени жизни зодчего, и по месту возведения постройки.

Далее в статье произведен увлекательный, основывающийся на значительном комплексе источников обзор истории Таманского полуострова в XI в. «В этот далекий край, — справедливо пишет Елена Чеславовна, — расположенный, однако, на чрезвычайно важных международных путях, бежали в силу политических неудач и князья, и другие люди». Действительно, с середины XI в. Тмутаракань была прибежищем оппозиционно настроенных к Киеву князей-изгоев. Здесь вызревали планы передела Русской земли в интересах безземельных или малоземельных князей. Отсюда побывавший в ссылке на Родосе изгой Олег Святославич предпринял свои знаменитые походы на Чернигов.

Е. Ч. Скржинская рассматривает затем другие памятники материальной культуры, связанные с Тмутараканью. Она считает важным и безусловно подлинным «Тмутараканский камень» — источник

в то время мало изученный и вызывавший сомнения в его аутентичности. Елена Чеславовна причисляет его к тому же кругу выдающихся памятников таманской эпиграфики, к которому принадлежит и плита с надписью Иоанникия. Рассматриваются также тмутараканские сфрагистические (печати Ратибора и Феофано Музалон) и нумизматические (монеты Олега-Михаила) памятники, близкие по времени надписи с именем монаха Иоанникия.

Е. Ч. Скржинская специально не исследовала привлеченный ею в этой статье для исторических сопоставлений и подтверждений эпиграфический, сфрагистический и нумизматический материал. Однако случайно ли после появления этой ее небольшой и узкой по теме статьи вновь возник интерес к этим давно введенным в науку источникам? И к «Тмутараканскому камню», и к печати Феофано, и к монетам Олега-Михаила, относимым нумизматами все к тому же Олегу Святославичу? Думается, «Греческая надпись из Тмутаракани» могла дать творческий импульс по крайней мере части позднейших исследователей перечисленных памятников.

Закономерен вывод, сделанный Еленой Чеславовной из ее работы: исследование плиты, «как бы ни был скромен вопрос о надписи зодчего Иоанникия, может быть включено в общее изучение крупной проблемы об исторических связях между славянскими странами и Византийской империей».

Три статьи, помещенные далее в этой книге, объединены и тематически, и хронологически. Они посвящены венецианско-татарским и русско-итальянским, точнее, русско-венецианским отношениям второй половины XIV–XV вв. В действительности

тематический и географический кругозор этих работ гораздо шире. Даже относящаяся, казалось бы, в основном к конкретному эпиграфическому памятнику статья «Венецианский посол в Золотой Орде» рисует масштабное полотно истории средиземноморской и черноморской торговли с экскурсами в политическую историю Италии, Византии, Монгольской империи и Золотой Орды. Что же касается работ «Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию» и «Московская Русь и Венеция времен Ивана III», то они отличаются широтой взгляда на мировую политическую жизнь второй половины XV в., выявлением ее движущих сил и государственных интересов основных участников: России, Италии (в данном случае преимущественно Венеции), Мореи — осколка погибшей совсем недавно Византии, папства, а также Османской империи, Золотой Орды, Монгольской империи, Персии и др.

Творческим импульсом для написания статьи «Венецианский посол в Золотой Орде» послужило скромное, с лапидарной надписью надгробие 1362 г. консула Венеции в Танае Якопо Корнаро, который был также одно время послом республики в Орде. Давно, еще в XIX в., введенное в науку, это надгробие, из которого предыдущие исследователи не смогли извлечь ничего выходящего за рамки прочтения его краткой надписи, позволило Е. Ч. Скржинской создать работу, внешне несколько гипотетическую, однако крепко сделанную и в конечном счете покоряющую своей убедительностью.

Написанию статьи о надгробии Якопо Корнаро, как это всегда бывало у Елены Чеславовны, предшествовала долгая и основательная подготовительная работа. Она была начата в 1948 г., а увидела

свет в 1973-м! В процессе ее подготовки и написания накопилось две папки конспектов, выписок, фотографий и пр., в которых содержится 388 листов.

«Венецианский посол в Золотой Орде» открывается введением, содержащим краткую историю венецианской колонии Таны в устье Дона, ее отношений с татарами и извечными соперниками Венеции — генуэзцами. Подобные введения, выражающие взгляд исследовательницы на ту или иную проблему, она, вероятно, считала необходимыми для ознакомления читателей с историческим фоном, на котором действовали ее герои.

Елена Чеславовна никогда не декларировала своей принадлежности к той или иной исторической школе, приверженности к тем или иным историческим теориям. Не принимала она и марксистскую методологию — разумеется, в той вульгарной и примитивной форме, которую навязывали ученым партийные органы. Ее работы пронизаны живым интересом к людям средневековья, стремлением познать их внутренний мир. Недаром в центре ее трудов об итальянско-русских связях всегда стоят исторические персонажи: Барбаро и Контарини, Корнаро и Ралевы, Тривизан и Фрязин... И сегодня, четверть века спустя после выхода последней из напечатанных ее работ названной проблематики, они кажутся чуть ли не более современными, чем в начале 70-х годов.

Анализ едва ли не предельно скупой надписи на надгробии Якопо Корнаро выполнен четко и профессионально: сказались многолетние занятия палеографией и эпиграфикой. Изучение надписи органично сливается с исследовательски написанными страницами об отношениях Таны, других

итальянских колоний Причерноморья с татарами во время большой смуты («замятни» русских летописей), охватившей Орду после смерти хана Джанибека в 1357 г. Е. Ч. Скржинская сумела проникнуть в чрезвычайно запутанную историю Орды конца 50–60-х годов XIV в., разобраться в калейдоскопической смене ханов на ее престоле, во взаимодействии противостояний различных политических группировок ее правящей верхушки. А это было очень непросто. «В это смутное время, — пишет она, — в Орде менялись ханы, часто лишь номинально возглавлявшие государство, а на деле способствовавшие анархии. Хронологические пределы их призрачных царствований трудно установить: они как бы наплывали одно на другое».

В известных исследовательнице документах из архивов Венеции среди имен консулов республики в Тане нет имени Якопо Корнаро. Однако Елена Чеславовна убедительно доказывает, исходя из косвенных, но достаточно весомых свидетельств источников, что он и только он мог им быть в 1360 — первой половине 1362 г. Потому что венецианский консул в то время находился в Тане, а о том, что им был Корнаро, рассказывает его надгробие.

Далее в статье ставятся вопросы (и даются на них убедительные ответы): 1. К какому хану ездил Корнаро и 2. Каких привилегий добился он для Венеции. Для этого Елена Чеславовна вновь обращается к истории борьбы за власть в Орде и частой смены ханов. Она показывает, что Корнаро мог посетить Хызра (русская летопись называет его Хидырем), сменившего хана Науруза осенью 1360 г. Исследовательница не исключает и того, что Корнаро побывал в Сарая у преемника Хызра Мурада,

и это могло произойти не позднее лета 1362 г. Этот венецианский консул добился у ордынских властей увеличения торговых льгот для купцов его республики.

Так на основании оригинального прочтения скромного эпиграфического памятника и изучения его с привлечением большого комплекса источников и научной литературы Е. Ч. Скржинская сумела вписать новую страницу в историю отношений Венеции с Золотой Ордой в 60-х годах XIV в.

Две помещенные далее в этой книге статьи о русско-венецианских отношениях писались в конце 60-х годов, тогда, когда Елена Чеславовна интенсивно работала над книгой «Барбаро и Контарини о России». Они сюжетно близки к этой книге.

Посвященные загадочным (Ралевы) или почти неизвестным (Тривизан) историческим личностям, эти статьи стремительно бросают читателя в самую гущу большой европейской — да и мировой! — политики XV в., в общих чертах сводившейся к противостоянию мусульманского и христианского миров, представленных соответственно Османской Портой с ее вассалом Золотой Ордой и странами Западной Европы, возглавляемыми богатой, мужественной и отважной Венецианской республикой. Над участниками этого противоборства витала тень Византийской империи, задушенной турками в 1453 г., но продолжавшей жить в умах и сердцах людей Руси, Востока и Запада. Ничтожные осколки Византии чудом сохранились на Пелопоннесе: в Морее и ее центре Мистре, где доживали свой век последние Палеологи.

Е. Ч. Скржинская в статье «Кто были Ралевы» ярко и выпукло начертала образ гибнущей Визан-

тии и ее восточносредиземноморского владения: «Столица Византийской империи — огромный и уже полуразрушившийся городской центр, окруженный ничтожными остатками предельно сузившейся территории, доживала последние годы. Морея уже не ощущала защиты Константинополя и, бессильная помочь ему, испытывала в это время агонии империи в самый, быть может, напряженный и жестокий период местных, истязавших ее войн».

Морейскими греками и были Ралевы, не раз упоминавшиеся в русских летописях второй половины XV в., изредка под именем Палеологов («Иван Раль Палеолог»). Но были ли Палеологами Ралевы? Перед нами — вновь историческая загадка и вновь изящная, кажущаяся легкой отгадка: еще одна черта творчества Е. Ч. Скржинской, когда решение или вывод напрашиваются как бы сами собой к вящему удовольствию сообразительного читателя! И только строгость и стройность неспешно развертываемой аргументации, глубокий анализ и четкая организация материала источников раскрывают перед нами долгий и тщательный труд высококвалифицированного историка.

Сами по себе Ралевы как личности и дипломатические агенты Ивана III особого интереса для историка не представляют. У великого князя московского бывали дипломаты и политики намного удачливее и ярче, хотя бы итальянец Иван Фрязин, один из персонажей заключающей эту книгу статьи об Иване Тривизане. Однако раскрытие судеб Ралевых, идентификация их с сановниками, входившими в ближайшее окружение морейских Палеологов, позволили Е. Ч. Скржинской конкретизировать, сделать более ярким и выпуклым образ мировой

политической жизни XV в., главным образом, его последней четверти. Мы видим здесь красочные штрихи к характеристике дипломатии Ивана III, динамическую картину деятельности Венецианской республики на Пелопоннесе, главной целью которой было сдерживание турецкой экспансии. Россия и Венеция станут главными действующими силами заключающей эту книгу работы «Московская Русь и Венеция времен Ивана III».

Эта статья, повествующая о несчастливой миссии посла Венецианской республики Ивана Тривизана в Москву в 1147–1474 гг., готовилась в течение десяти лет (1966–1975), и готовилась чрезвычайно тщательно. По словам Елены Чеславовны, она одно время намеревалась включить рассказ о Тривизане в книгу «Барбаро и Контарини о России», однако сочла затем, что этот сюжет нарушает стройность ее повествования о миссии Контарини в Москву. В трех папках подготовительных материалов, находящихся в ее архиве (623 единицы хранения), содержатся подробные выписки из русских летописей и итальянских документов и хроник, обширная библиография предмета, фотокопии документов из библиотеки св. Марка в Венеции на греческом и староитальянском языках. Существует законченный вариант этой статьи, который нуждался лишь в незначительной редакционной работе, а именно: частичной перегруппировке материала путем перенесения некоторых слишком больших ссылок в основной текст.

В приложении к этой статье даны извлечения из русских летописей, итальянского актового и нарративного материала. Тексты итальянских документов были опубликованы в 1856 г. Э. Корне, так

же как и хроника Доменико Малипьеро (А. Сагредо, 1843–1844), однако остались неизвестными русским историкам и не использовались даже учеными, специально исследовавшими русско-итальянские связи XV в. Итальянские источники снабжены выполненными Еленой Чеславовой переводами и краткими, но основательными комментариями. Все это повышает научную ценность самой статьи, вводит в отечественную науку дополнительные источники и помогает лучше понять творческую методику автора.

История несчастливой миссии венецианского дипломата Джана Баттисты Тривизана (называемого русскими летописями Иваном Тревизаном) к Ивану III сама по себе является необычайно интересной, имея, как теперь говорят, детективный сюжет. Посланный венецианским Сенатом к хану Большой Орды Ахмеду с тайным предложением принять участие в грандиозной войне против Османской империи и ударить по ней в Молдавии и Фракии, Тривизан прибыл в Москву, дабы заручиться, в соответствии с полученными им инструкциями, поддержкой Ивана III. Вместо этого, по наущению другого венецианца Джана Баттисты Вольпе (Ивана Фрязина русских летописей), он обманул князя, скрыв от него истинную цель своего приезда в Россию.

Причины рискованного обмана государя оказались, как мне кажется, самыми низменными: соотечественники решили утаить от Ивана III и присвоить себе присланные ему правительством Венеции подарки. Финал этой истории был поистине драматичным: случайно узнав об обмане, великий князь московский в припадке вполне понятного гнева лишил жизни своего недавнего любимца Ивана

Фрязина (которому не раз поручал самые ответственные дипломатические миссии, в том числе сватовство и подготовку великокняжеского брака с Зоей Палеолог), а Тривизана бросил в темницу.

Подробно исследовав историю несчастливой пребывания Ивана Тривизана в Москве, ни на йоту не отступая от буквы источников и проникнувшись их духом, создав также впечатляющий образ этого далеко не лучшего венецианского дипломатического агента, исследовательница бросила тем самым взгляд на дипломатическую историю Европы последней трети XV в.

Упорно и безуспешно борющаяся с Османской империей Венеция в ходе войны с нею 1463–1479 гг. все настойчивее стремилась вовлечь в нее все новые и новые европейские страны. Силы сторон были явно неравны, и в конце 1460-х годов в Венеции стали вызревать планы согласованного наступления на турок войсками союзных держав. Наряду с западноевропейскими странами республика делала ставку на Московскую Русь, а также Персию и Большую Орду хана Ахмеда.

Для того чтобы привязать Ивана III к этой коалиции, в Венеции тогда же возник проект женитьбы великого князя московского на внучке последнего василевса и дочери морейского деспота Фомы Палеолога Зое. Называемая в России Софьей, Зоя Палеолог вышла замуж за Ивана III в Москве 12 ноября 1472 г. Однако расчет венецианских политиков на немедленное (пусть даже скорое) участие Ивана III в союзе европейских держав против турок не оправдался. Московский князь был, по-видимому, трезвым и прагматичным политиком. Елена Чеславовна доказывает, что, вопреки поныне рас-

пространенному в научной литературе мнению, Иван III вовсе не прельстился призрачной ролью «наследника» византийского престола и не пожелал взваливать на свои плечи какие-либо обязательства, связанные с отвоеванием Константинополя у неверных.

К тому же Тривизан своим корыстным поступком загубил данное ему Сенатом республики поручение к хану Ахмеду. Когда, наконец, венецианец с более чем двухлетним опозданием прибыл к хану Большой Орды, оказалось, что благоприятный момент был упущен. Ахмед отказался принять участие в антитурецкой коалиции, напуганный, вероятно, сокрушительным поражением его союзника, персидского шаха Узун-Хасана, в битве с турками под Эрзинджаном 10 августа 1473 г. Кто знает, если бы Тривизан не прельстился подарками Сената Ивану III и прибыл бы к Ахмеду в 1472 г., не двинулась ли бы Большая Орда к Средиземноморью и не помогла Венеции и ее союзникам воевать против турок?!

Так в истории мелкого авантюриста, неосмотрительно назначенного Сенатом послом Венеции в Москву и Орду, как в капле воды, отразились хитросплетения всеевропейской политики. Поучительная судьба Тривизана заставляет задуматься о том, как деяния одного, вовсе не выдающегося человека могут повлиять на течение мировой истории и даже привести к ее крутому повороту...

В заключение хочется сказать несколько слов о том несомненном и сильном обаянии человеческой и творческой личности Елены Чеславовны, которое, уверен, не могли не испытывать общавшиеся с ней коллеги, ученики, знакомые и друзья. Это обаяние не сразу поражаало ваше воображение, а раскрыва-

лось постепенно, в процессе общения с нею. При первых же встречах Е. Ч. Скржинская могла показаться сдержанным, малообщительным и даже суровым человеком. Но от встречи к встрече, в процессе обстоятельных и неспешных разговоров, Елена Чеславовна обнаруживала живое участие к собеседнику, неподдельный интерес к его занятиям и мнениям. Ее лицо освещалось вниманием к собеседнику.

Она была выдающимся учителем — ненавязчивым, лишенным дидактизма и стремления поразить своими знаниями, которые представляются мне действительно огромными. Но — учиться у Е. Ч. Скржинской, тем более научиться, мог далеко не каждый аспирант или научный сотрудник, а лишь тот, кто был к этому подготовлен и этого хотел. Елена Чеславовна более всего, наверное, учила своим примером подлинного и успешного служения науке. Она ставила превыше всего источник и предметно показывала, как можно извлечь из него всестороннюю и предельно полную информацию, как работать с нею и переходить от конкретики к обобщениям и выводам. Ее отношение к источнику было и уважительным, и критичным. Е. Ч. Скржинская учила также своим невероятно скрупулезным подходом к историческому факту или явлению. А ее историографические обзоры могут быть примером творческого изучения и использования научной литературы.

Впрочем, обо всем этом и многом другом расскажут ее работы. Предоставим слово немногим трудам Елены Чеславовны, собранным в этой книге.

**Член-корреспондент АН Украины
Н. Ф. Котляр**

Половцы. Опыт исторического истолкования этникона

*(Из архива ученого)**

В летописном отражении истории Киевской Руси, в особенности XII в., видно, что само существование Древнерусского государства в целом, и прежде всего южной его части, его ядра, называвшегося по преимуществу Русской землей, было неотделимо от извечного антагонизма к кочевнической степи. Без внимания к последней, без постоянной оглядки на ее обитателей и их передвижения непредставима Киевская Русь. Борьба с кочевниками, порой кровопролитная и тяжелая, — обязательный элемент повседневной жизни средневековой Руси и постепенного формирования ее политической силы. Возможно, что постоянный фронт сопротивления степнякам оказывался в конечном счете и элементом своеобразных форм роста, укрепления и зрелости феодального Киевского государства.

В XII в. Древняя Русь не только не потеряла своего экономического и политического значения, сложившегося еще в предыдущее время — при Яро-

* Печатается по изданию: Византийский Временник. № 46. 1986. С. 255–276.

славе, его сыновьях и его внуке Владимире Мономахе, но и была способна поддерживать это значение на достаточной высоте. Русь не была и не могла бы быть изолированным, «периферийным» государством. Она развивала связи и в сторону Севера, и в сторону Запада, и особенно в сторону Юга. Однако последнее направление, будучи для Киевской Руси и экономически, и культурно, и географически наиболее естественным, было осложнено препятствиями: полоса южнорусских степей, Половецкая земля, бескрайняя Дешт-и-Кыпчак лежала как трудно преодолеваемый барьер, как опасный заслон на путях в Причерноморье, на Дунай, в Византию. Много десятилетий, до конца 30-х годов XIII в., когда Киевское государство пало под ударами орд Батыея, Русь пробивалась через этот барьер и выходила в сферу средиземноморской экономики, политики и культуры, сама становясь хотя и не центральным, но полноправным членом этой сферы.

В этой статье мы решаемся пересмотреть этимологию слова «половцы», продержавшуюся, правда, в ряде вариантов, более ста лет. Согласно этой широко признанной ныне этимологии происхождение племенного названия «половцы» ведется от русского слова «полóвый» (полóва означает «солома») — светло-желтый, беловатый, а отсюда — белокурый.

Слово «половцы» — явно русское, и оно должно значить для русского человека нечто существенное, важное в сфере его встреч с этими кочевниками, в историческом их — русских и половцев — соприкосновении и бытии, представленными столь ярким изложением в летописях, как непрерывная конфронтация, почти всегда губительная и порой трагическая. Нельзя отрицать, что половцы с се-

редины XI до середины XIII в. были постоянным элементом истории Киевского государства. И загадку возникновения все еще загадочного этникона «половцы» следует искать в сфере русско-половецких взаимоотношений.

В древнерусских летописных сводах, в хронологических пределах от середины XI в. до 20–40-х годов XIII в. почти нет страниц, на которых не упоминались бы половцы. На иных языках: тюркских, греческом, латинском, венгерском, армянском и др. — были в ходу совершенно другие ни фонетически, ни этимологически не сходные со словом «половцы» названия.¹

Русские люди называли своих степных врагов особым именем, не бытовавшим нигде, кроме Руси. Это было не собственное их наименование, не самоназвание народа, а придуманное для него другим народом, так сказать, прозвище со стороны. В таком случае народ, пустивший в ход свое наименование другого народа, непременно — и это психологически оправданно — должен иметь веские основания, чтобы, игнорируя собственное его имя, придумать новое, неведомое прозываемым людям название с известным лишь его авторам смыслом. При толковании слова «половцы» как «люди с волосами соломенного цвета» трудно видеть какое-либо веское основание для подчеркивания всего лишь белокурости (нейтрального признака) голов этих страшных и постоянных врагов Руси.

Для нас несомненно, что название «половцы» — не племенное имя, не этническое определение. Это

¹ См. о различных названиях половцев: *Расовский Д. А. Половцы. Ч. 1. Происхождение половцев // Seminarium Kondakovianum. 1935. VII. С. 252.*

только прозвище, данное народом, который жил с ними в соприкосновении и, конечно, отразил в этом прозвище некую характерную — со своей точки зрения — черту этого соседа.

Так именно и воспринималось название «половцы» уже самой летописью. В связи с крупным половецким нашествием на Русь¹ в «Повести временных лет» говорится о происхождении этих кочевников, «безбожных сынов Измаиловых». От их родоначальника Измаила, сообщает летопись, произошли четыре колена: «торкмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половцы».² В данном контексте выразительно звучит наречие «рекше» (т. е. «что значит», «что означает»)³. Оно свидетельствует о том, что летописец считал названием племени слово «куманы», поставленное им в ряд с племенными наименованиями «печенеги» и «торци», однако тут же пояснил: «кумани, рекше половцы» — куманы, т. е. половцы, или: куманы, по-нашему половцы, как мы их называем, половцы. Такой смысл слова «половцы» подтверждается даваемым здесь же разъяснением относительно названия сарацины — «срацини»: «а срацини от Измаиля творятся (выдают себя за. — Е. С.) сарини, и прозваша имена себе саракыне, рекше: сарини есмы»⁴ (мы приходим

¹ Поход Воняка, дошедшего почти до Киева: «мало в град не въехаха... и придоша на манастирь Печерьский», в 1096 г. См.: Повесть временных лет / Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (далее: ПВЛ). Ч. 1. С. 151.

² Там же. С. 152–153.

³ Ср. сделанный Д. С. Лихачевым перевод соответствующего места «Повести временных лет» (ПВЛ. С. 353).

⁴ ПВЛ. 1. С. 152.

от Сары, мы — Сáрины. — Е. С.). Здесь наречие «рекше» совершенно ясно служит для раскрытия значения слов «срацини», «сарини» и обнаруживает даже причину появления подобного слова.

Равным образом причину возникновения названия открывает летописец в разъяснениях таких общеупотребительных определений различных групп славянского населения, как, например, древляне («зане седоша в лесах») или полочане («речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота»), подчеркивая при этом, что, наоборот, славяне, сидящие по Ильменю, сохранили исконное общеплеменное имя и не получили более частного определения или, так сказать, прозвища, но «прозвашася своим именем».¹ Средневековые авторы, писавшие на греческом и латинском языках, неизменно называли половцев куманами или команам: οἱ Κομάνοι, Κομάνοι, Cumani, Commanis.² А русские также неизменно име-

¹ ПВЛ. 1. С. 11. См.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»: (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. Приложения. С. 107. Анализируя сообщение Нестора о расселении славян, Д. С. Лихачев пишет: «Свои названия славянские племена получили по тем местам, где они первоначально (после продвижения с Дуная. — Е. С.) сидели: "от тех словен разидошася по земле и прозвашася имени свои, где седише на котором месте..."»; часть словен села около озера Ильменя прозвалась "своим именем", т. е. славянами».

² См., например: *Ann. Comn.*, VIII, 4 и другие места; *Nic. Chon. De Is. Ang.*, III, 3. P. 561; *Idem. De Alex. Is. Ang.*, fr. III, 5. P. 691–692; *Robert de Clari* / Ed. par Ph. Lauer. P., 1924 (*Classiques français du Moyen âge*). P. 65; *Villehardouin G. de* / Ed. par E. Bouchet. P., 1891. P. 78–82; *Joinville J. de* / Ed. par de Wailly. P., 1874. P. 97.

новали куманов половцами. Значение этого слова пытались разгадать давно. По этому вопросу высказал свое мнение краковский ученый, врач и историк Матвей Меховский (1457–1523). В своем сочинении «*Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana*», которое вышло первым изданием в Кракове в 1517 г.,¹ он пишет (приводим в переводе А. С. Аннинского): «Половцы в переводе на русский язык значит “охотники” или “грабители”, так как они часто, делая набеги, грабили русских, расхищали их имущество, как в наше время делают татары».²

Вторично Меховский разбирает значение слова «половцы» в связи с появлением татар в причерноморских степях: «Во время прихода и вторжения татар те земли населяли готты (реминисценция этнической географии IV в. — Е. С.), называвшиеся у соседей половцами. На языке славян — русских и московитов — это значит “хищники” и “грабители”, потому что как ныне татары, так и тогда гот-

¹ Русский перевод труда М. Меховского: *Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях* / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936 (приложен латинский текст).

² *Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях*. I, 1, 2. С. 47–48. Латинский текст (Указ. соч. С. 129) таков: «*Polowci autem lingua Rutenorum sonant et interpretantur vanatici seu rapaces*». Следует отметить неправильное понимание Аннинским фразы «*lingua Rutenorum sonant et interpretantur*» как «в переводе на русский язык». Она должна быть передана так: «на русском языке значит (буквально: звучит) и истолковывается», потому что русское слово «половцы» вовсе не является каким-то переводом, причем неизвестно с какого языка.

ты, подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их».¹ В этом тексте важно упоминание о *соседах* половцев, о *соседних* народах, которых они постоянно разоряют. Именно ближайшие, соседние обитатели, постоянно имевшие дело с половцами, и могли придумать для них специальное название.

Итак, Меховский вкладывает в прозвище «половцы» значение охотников, грабителей, хищников. Комментатор труда Меховского Аннинский полагает, что автор трактата производит слово «половцы» от польского *polowac*, *polowanie* — русского «полевать», «заполевать зверя». Однако это сближение едва ли точно: «полевать» и «заполевать» имеют в основе «поле», хотя и в применении к охоте (см. «Толковый словарь» В. Даля). Лучше в данном случае (т. е. именно для уяснения предлагаемого Меховским толкования) вспомнить нередко встречающееся в летописях древнерусское слово «ловы» — охота.

Не усмотрев в предложенном им самим глаголе «полевать» исходного слова «поле», но обратив внимание лишь на его значение «охотиться», Аннинский назвал другого автора XVI в., Герберштейна, «красноречивым оппонентом» Меховского потому,

¹ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях, I, 2, 1. С. 148. Латинский текст таков: «Gotthi illas terras tempore adventus et ingressione Thartarorum incoluerunt, a vicinis Polowci nuncupati, quod sermone Slauorum Rutenorum et Moskouitarum rapaces et spoliatores sonat, quia tunc Gotthi, quemadmodum nunc Thartari, tanquam canes venatici, vicinas invadentes nationes molestabant et spoliabant». Здесь перевод Аннинским глагола «sonat» правилен.

что тот производит слово «половцы» от «поле». Сигизмунд Герберштейн (1486–1566) в своем прославленном труде о Московии действительно кладет в основу этникона половцы слово «поле» и считает, что если, по Меховскому, половцы — охотники, ловцы, то по его, Герберштейна, мнению половцы значат «полевые», *campestres*.²

Итак, в XVI в. считали, что слово «половцы» произошло либо от «ловы», «охота» (но разумели половцев-охотников лишь в смысле охоты на людей и их имущество), либо от «поле» (в значении, по-видимому, обитания половцев в степи, они — *campestres*, степняки). Однако по законам языкознания образование слова «половцы» от «ловы», «ловить» или от «поле» неоправданно.

Название, понятное, казалось бы, школьнику, знакомое по курсу русской истории, частое и обычное на страницах летописей, продолжало оставаться неистолкованным и, собственно, загадочным. Не разъяснился и вопрос о том, почему именно половцы назывались на разных языках различными именами и что эти имена значат.² Например, соответ-

¹ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. С. 207 (примеч. А. С. Аннинского). Сочинение С. Герберштейна «*Rerum moscoviticarum commentarii*» издано впервые в Вене в 1549 г. В 1557 г. вышло немецкое переложение его труда под названием «*Moscovia*». Эти сочинения Герберштейна изданы в: *Scriptores exteri saeculi XVI historiae ruthenicae*. Berlin; Petersburg, 1841–1843. Русский перевод А. Ю. Малеина: Записки о Московских делах. СПб., 1908.

² Предшественники половцев в южнорусских степях, печенеги, родственный половцам тюркский народ, говоривший на общем с половцами языке, так и назывались

ствует ли значение имени половцы смыслу слова «кипчаки» или «фалоны» (так у Оттона Фрейзингенского в его «Хронике» VI, 10).

Долгое время исследователи отмечали, что имен, определяющих половцев, много, и перечисляли эти имена.¹ Однако в вышедшей в 1935 г. статье Расовского, упоминавшейся выше, кроме перечисления различных имен половцев, устанавливается и значение если не всех, то большинства из них. В числе последних и русское наименование «половцы».

Задолго до появления работы Расовского было высказано, затем обсуждено и, в сущности, принято наукой (быть может, из-за отсутствия иного

печенегами в дошедших до нас разноязычных источниках, иногда с небольшими фонетическими изменениями и различиями. Например: у Константина Порфирородного (X в.) — Πατζινακῖται; у Анны Комниной (XI в.) — Πατζινακοί; у Иоанна Киннама (XII в.) и у Никиты Хониата (XII–XIII вв.) — Πατζινακοί; у Титмара Мерзебургского (X–XI вв.) — Pecinegi, Pedenei; у Адама Бременского (XI в.) — Pescinagi; у Оттона Фрейзингенского (XII в.) — Pesenati, Pezenati. См. еще богатейший материал этнических названий по византийским источникам в книге венгерского ученого Д. Моравчика: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen.* 2 Aufl. B., 1958. Bd. II. S. 247–249.

¹ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XII вв. Киев, 1884. Гл. II. Племенное родство и происхождение кочевников. С. 36: «Половцы награждаются средневековыми писателями массой различных имен. Половцы, Plauci, Balwen или Balwen, Walwen, Κομανοι, Cumatī, Cuni, кипчаки — вот под какими названиями известно было новое кочевое племя». Д. А. Расовский добавляет к этому: «Уже с давних пор и русским и западноевропейским историкам

объяснения) мнение А. А. Куника,¹ утверждавшего, что исходным понятием для имени «половцы» было слово «полóвый» — изжелта-белый, желтоватый, соломенно-желтый. Русские люди, следовательно, прозвали своих соседей-кочевников XI–XII вв. половцами по причине их желтых, белокурых, похожих на солому волос, потому что русское «полова» (церковнославянское «плáва») значит «солома». Расовский подвел итог ученым спорам по этому поводу, указав на возражения Миклошича, Блау, Куна, Вамбери, Бретшнейдера и установив, что «долго оспариваемая эта конъектура теперь окончательно принята».² При этом он сослался на авторитет Иосифа Маркварта и на весьма компетентных рецензентов его труда.³

много хлопот создавали половцы тем, что в русских, арабских, армянских, византийских, мадьярских и немецких источниках они упоминаются под различными именами: у русских — половцы, у арабов и вообще в мусульманской письменности — кипчаки, кафчаки, у армян — хардеш, у византийцев — куманы, у мадьяр — куны, куманы, а также пáлочи, у немцев — фалоны, фальвы или, как в остальных западноевропейских источниках, команы, куманы. Поляки и чехи знают половцев и в русском наименовании (только обычно без русского полногласия) — plawci, plauci, и в общелатинском — команы» (*Расовский Д. А. Указ. соч. С. 252*).

¹ Впервые А. А. Куник высказал его в примечании к книге Б. А. Дорна. См.: *Дорн Б. А. Каспий. О походах древних руссов в Табаристан // Записки Имп. Академии наук, 1875. Т. 26. Кн. 1. С. 387.*

² *Расовский Д. А. Указ. соч. С. 255. Примеч. 22.*

³ *Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse, N. F., 1914, XIII, 1, 1914.*

Расовский отметил также, что возникали серьезные сомнения относительно вышеуказанной этимологии — именно из-за того, что едва ли тюрки-кочевники могли быть светловолосыми. Однако, как он говорит, «все источники, описывающие внешний вид половцев, единодушно сходятся в характеристике их как народа рослого, стройного, красивого и светловолосого».¹ Последний эпитет между тем не подтверждается сколько-нибудь авторитетными источниками. Приведенные же Расовским аргументы в пользу белокурости половцев не опираются на аутентичные источники, каковыми в этом случае могут быть лишь памятники письменности народов, с ними близко соприкасавшихся, прежде всего русских и византийцев.

Русского описания половцев в источниках не сохранилось. В летописях встречаются лишь различные отрицательные эпитеты,² но общего рассказа о половцах как о племени (они «иноплеменники») нет. Его, пожалуй, и не могло быть, так как половцы,

S. 28–29. См. рецензии: *Pelliot P. A propos des Comans // Journal asiatique. XI série. 1920. Т. XV. № 1; Бартольд В. В. Новый труд о половцах // Русский исторический журнал. 1921. Кн. VII. См. также: Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. С. 57–59.*

¹ Д. А. Расовский. Указ. соч. С. 258.

² Общий эпитет половцев в древнерусских летописях — «поганые», что является не только указанием на их язычество, но и общим порицательным их прозвищем. Иногда они называются «беззаконными», «окаянными» («оканьный»). Половецкий хан Боняк охарактеризован как «безбожный, шелудивый... хыщник» (ПВЛ. 1. С. 151).

при всей серьезности и опасности встреч с ними, стали, если можно так выразиться, обыденным явлением в жизни русских людей. Лишь изредка в источниках можно найти упоминания некоторых их особенностей, не свойственных ни русским, ни полякам, ни венграм, ни византийцам, воевавшим с половцами.

Таково живописное, хотя и краткое изображение в летописи ночного выезда половецкого хана Боняка в поле накануне битвы под Перемышлем в 1097 г. Боняк гадал об исходе предстоящего сражения половцев — союзников владимирского князя Давида Игоревича — против венгров — союзников Ярослава, сына киевского князя Святополка Изяславича: «Яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози».¹ Этими словами летописец нарисовал подлинно живописную, яркую и жуткую картину половецкого гаданья и посредством нее передал одну из черт, присущих верованиям кочевнического народа.² В более полном описании —

¹ ПВЛ. 1. С. 179.

² О ночном вое по-волчьи, раздававшемся из рядов кочевников-угров, писал автор «Паннонского жития» Константина Философа (конец IX в.). В 856–858 гг. Константин ездил в Хазарию; его путь лежал через Таврику. Где-то между Херсоном и Сугдеей (Сурожем) на Константина напали угры: «Возврати же ся философ в свой путь и в первый час (т. е. глубокой ночью. — Е. С.) молитву творящу ему, нападоша на нь угри, яко и волчскы воюще, хотяше и убити» (Бодянский И. М. Кирилл и Мефодий. Собрание памятников... // Чтение в Обществе истории и древностей при Московском университете... 1865. Январь—март. Кн. 1. С. 12).

здесь или в другой части летописи — не было надобности: спустя уже полвека после своего прихода в южнорусские степи половцы были вполне знакомым явлением. Летописца едва ли даже интересовала вообще та или иная характеристика половцев, их какие-либо необыкновенные в глазах русских людей свойства. Его занимал своеобразный прогноз победы, полученный Боняком на основании каких-то примет при переключке имитированным волчьим воем с настоящими волками.

Иначе относились к сведениям о половцах люди, не сталкивавшиеся с ними в своей исторической судьбе столь часто и регулярно и в течение столь длительного времени, как русские. Приведем известия о половцах, содержащиеся в сочинениях византийских авторов: Анны Комниной, Евстафия Солунского, Никиты Хониата.

Анна не дала особой характеристики только что вторгшимся на территорию империи «новым» кочевникам — половцам. Она кратко обрисовала их бросившимися в глаза ее современников чертами, и то лишь в связи с войнами ее отца, императора Алексея I Комнина, против печенегов, докатившихся почти до стен Константинополя. То был один из наиболее критических моментов существования Византийской империи.

Однако утонченная и коварная византийская дипломатия, выработанная еще искусством Юстиниана I, дипломатия натравливания варваров на варваров, вывела империю из тягчайшей ситуации 1090–1091 гг. Сложилось неожиданное соотношение сил: половцы (их Анна и другие византийские писатели обычно называли команамι: Κομάνοι, иногда же — общим для всяческих кочевников антич-

ным наименованием скифов) при первой встрече с византийской армией оказались ее союзниками, и благодаря им печенеги были сокрушены в грандиозном побоище 29 апреля 1091 г. близ города Эноса, около устья реки Гебра — Марицы.

В своем рассказе Анна не скрывала трудного, почти безвыходного положения, в котором оказался ее отец: ему угрожал не только «приход несметных скифских (т. е. печенежских) полчищ»,¹ по сравнению с которыми византийское войско являлось «ничтожной частицей»,² но еще и появившаяся с другой стороны будто бы 40-тысячная масса половцев под предводительством Тугоркана и Боньяка. Император попал в самое трудное, беспомощное и растерянное состояние и испытывал страх. Анна так и пишет, не преуменьшая трагичности состояния своего отца: он был ἐν ἀμνηνία καὶ φόβῳ, он боялся «страшной войны» — δεινὸς πόλεμος; в случае, если бы печенеги и половцы объединились, его государству грозила бы полная, всеобщая гибель: ἡ πανωλεθρία.

Ввиду того что Алексею Комнину пришлось вступить в переговоры с половцами, византийцы установили контакт с вождями племени. Анна отмечает, что «Тогортак» («Тугоркан тесть Святополчь» русских летописей) и «Маньяк» (Боняк древнерусских источников) среди половецких предводителей (ἡγεμόνες) были самыми главными (προαγοί δὲ πάντων) и вместе с остальными являлись необыкновенно воинственными мужами (ἄνδρες μαχηώτατοι).³ Дого-

¹ *Ann. Comn.* VIII, 4: ἡ ἔλευσις ἀμνηστῶν Σκυθικῶν στρατευμάτων.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

вариваясь о союзе с половцами против печенегов, император «боялся» (так и пишет в своей «Алексиаде» Анна — ἑδεβίει, применяя столь неприятный глагол δεῖδω к воспеваемому ею отцу) основного — в восприятии византийцев — их весьма неудобного качества: половцы отличались «податливостью», «изменчивостью» (εὐάγωγον) образа мыслей, и приходилось серьезно опасаться, как бы союзники не стали врагами и противниками и не причинили бы византийцам величайшего вреда.

Эта «склонность к самообману», в сущности же — к явному вероломству, причем вовсе не расцениваемая самими половцами как таковая, а являющаяся основой, главным образом, военных действий кочевников (военная хитрость), была хорошо известна русским. В летописях, однако, отразилось иное к этому явлению отношение: русские князья, даже зная, что половецкие ханы чрезмерно изменчивы в своих симпатиях и антипатиях, тем не менее постоянно «водили их роте», т. е. брали с них клятву верности, и, несомненно, не особенно удивлялись, когда те изменяли этой клятве.

Так поступали, впрочем, и сами русские князья, даже воспетый летописцами за свои добродетели Владимир Мономах.¹ Они, по-видимому, так же как и византийцы, знали об этой особенности половцев, характерной для их весьма примитивной политики в отношении как врагов, так и союзников и просто соседей.

¹ В 1095 г. Владимир Всеволодович колебался перед убийством половецких военачальников Итлара и Кытана: «Како се могу створити, роте с ними ходив» (ПВЛ. 1. С. 148).

Анна Комнина рассказывает, как половцы помогли самозванцу, выдававшему себя за сына императора Диогена, уйти из Херсона, где он находился в заключении. «Девгениевич» (так его именует летописец) со стен укрепления сумел договориться с половцами, которые и помогли ему бежать. Половцы же находились в Херсоне «для торговли и для того, чтобы получить себе там все необходимое».¹ В русских летописях под 6603 (=1095) г. совместные действия «Девгениевича» и половцев против византийцев в придунайских областях и, быть может, на фракийских равнинах изображены следующим образом: «Идоша половци на Грькы с Девгениевичем, воеваша по Гречьстей земли; и цесарь я Девгенича, и повеле ѿ слепити».²

В другом месте своего труда Анна повторила, уже в более общей форме, характеристику половцев, указав на их наиболее остро ощущаемое византийцами качество: «Команы, как (вообще все) варвары, обладают непостоянством и изменчивостью; это как бы некое природное, присущее им свойство».³

Евстафий Солунский, образованнейший человек, известный писатель и оратор своего времени (умер в 90-х годах XII в.), включил некоторые элементы описания половцев (у Евстафия — «скифов») в речь

¹ *Ann. Comn.*, X, 2.

² ПВЛ. 1. С. 148. См. еще: Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 109–117; Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1948. Т. III. С. 177.

³ *Ann. Comn.*, X, 3: οἱ δὲ Κόμανοι ὡς βάρβαροι τὸ κοῦφον καὶ εὐμετάβλητον ὡς φυσικὸν τὴ παρακολούθημα κεκτῆμενοι...

экспромт (αὐτοσχέδιος λαλία), импровизированную им перед Исааком II Ангелом в Филиппополе после того, как император двумя удачными ночными нападениями отразил грабительские набеги половцев.¹

Евстафий обладал прекрасным, выразительным слогом, богатым словарем, живым воображением; все его произведения написаны интересно и талантливо. Даже если при огромной начитанности и сильной памяти он иногда употребляет привычные для античных авторов слова, то тем не менее изложение его отличается красочностью и реализмом. Таковы и набросанные им в упомянутой речи черты кочевой жизни племени половцев. Евстафий пишет: «Это племя (ἔθνος) не способно пребывать устойчиво на одном месте, ни оставаться [вообще] без передвижений; у него нет понятий об оседлости, и потому оно не имеет государственного устройства» (δι' αὐτὸ δὲ οὐδὲ πολιτικόν). Половцы не в состоянии заселить какую-либо территорию: они — племя «многоблуждающее» (πολυπλάνητον).

Среди образных выражений для характеристики кочевников есть такие: они — «люди крылатые, перелетные» (πετόμενοι ἄνθρωποι); они — «безгородные» (ἀπόλιδες) и совершенно неуловимые, недостижимые. Последнее качество автор связывает с глаголом θηρᾶω — гнать, преследовать, отыскивать на охоте зверя, отсюда прилагательное δυσθήρατοι. Немногими энергичными словами изображается вне-

¹ Ad Isaacium Angelum imperatorem post Scythas fugatos allocutio Philippopoli. — *Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula* / Ed. Th. L. Fr. Tafel. Francof. a. M., 1832. P. 41–45.

запно появляющийся и быстро исчезающий кочевник-грабитель. Вот он схватил добычу, что выражено одним резким аористом: ἤρπασε, затем следует переход к настоящему времени для живости картины: половец хватает поводья, δρᾷτται χαλινῶν, и гонит коня то пятками, то плетью (καὶ τὸν ἵππον κεντρίζει τὰ μὲν πτέρναις, τὰ δὲ μάστιγι). «В бегстве он отдается во власть ветров, вознося молитву, чтобы улететь быстрее ястреба: его еще не успели и рассмотреть, а он уже скрылся из глаз». И наконец, автор, увлеченный картиной, которую сам же нарисовал, заключает: «Эти скифы-номады (кочевники) на самом деле дромады (бегущие); они, так сказать, не имеют [неподвижного] места под ногами» (τοιοῦτοι δὴ ὄντες οἱ δρομάδες νομάδες, οὗτοι Σκύθαι, ὡς οὕτως εἰπεῖν, ἄτοποι).¹

Третий из авторов, привлекаемый нами в качестве примера описания половцев, — Никита Хониат, принадлежавший к числу крупнейших византийских историков, политический деятель и оратор

¹ Все приведенные цитаты из речи Евстафия см. в указанном издании Тафеля на с. 44, 49–50. Едва ли прав В. Г. Васильевский (Труды. Т. 1. С. 6, примеч. 1), предполагая заимствование Евстафием при описании кочевников выражений из речи Феофилакта Болгарского (речь к императору Алексею I Комнину в 1092 г. — MPG., 126. Col. 287). Феофилакт главным образом подчеркивает быстроту, неуловимость печенегов при набегах, огромное множество степняков: их больше, чем пчел весной. Правильнее думать, что почти в одних и тех же местах, при аналогичных обстоятельствах и впечатления обоих авторов от сходных между собой печенегов и половцев были в некоторой степени одинаковы. При этом оба византийских автора принадлежали к наиболее талантливым и образованным писателям XI–XII вв.

(середина XII в. — 1213 г.). Его «Хроника» представляет собой первоклассный источник по истории Византии и сопредельных стран и народов XII — начала XIII в. Хониату принадлежит одна из наиболее подробных в византийской историографии характеристик половцев, которых он называет и куманами, и скифами.

Приводим эту характеристику в нашем переводе, выполненном по новейшему изданию И. А. ван Диетена: «Для скифов (куманов. — Е. С.) переправа через Истр не представляет трудности, [и поэтому] они легко совершают нападения ради грабежа и [так же] легко и неустойчиво отступают.

Их оружие — горит с кривым луком и стрелами, привешенный сбоку к бедру. Есть среди них и такие, которые бросают дротики против врагов, обращившись [при этом назад на всем скаку].

Лошадь и носит скифа в тяжелых битвах, и питает его [кровью] из рассеченной вены.

Плотом для скифов — при переправе через реку — [служит] кожаный мешок, наполненный соломой и зашитый так тщательно, что ни капли жидкости не может просочиться внутрь. И вот скиф садится верхом на этот мешок, привязывает его к конскому хвосту и сверху накладывает седло и орудия войны; затем, используя лошадь подобно лодке, пользующейся парусом, он переплывает широкий, как море, Истр».¹

Образ действий половцев у Никиты Хониата подобен описанному другими византийскими авто-

¹ *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. A. van Dieten. Pars prior praefationem et textum continens. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 94.

рами: они грабят и похищают все, что попадаетеся им на пути, быстры и неутомимы в своих операциях против ромеев.¹

Как видим, даже близко соприкасавшиеся с половцами греки не обнаружили в их внешности ничего сверхъестественного. Во всяком случае, это не отразилось в византийских исторических сочинениях. Тем более трудно ожидать этого от западноевропейских хронистов, знавших половцев понаслышке. Пример тому — доведенная до 1146 г. «Хроника» Оттона Фрейзингенского (ок. 1115–1158 гг.), в которой упомянуты названия племен печенегов и «фалонов» (*falones*).²

Оттон Фрейзингенский называет эти племена мимоходом, не останавливаясь на их истории, не указывая их территории. В первом случае, чтобы объяснить, насколько велика была дикость угров, когда они в IX в. изгнали авар из Паннонии, он пишет: «Дабы кому-либо не показалось это невероятным, пусть он знает, что печенеги и те, кого называют фалонами, до сего дня питаются сырым и нечистым мясом, а именно: конским и кошачьим».³ Затем германский хронист отмечает искусство печенегов и фалонов в стрельбе из лука: они посылают стрелы даже «*dorsa vertentes*», т. е. поворачиваясь спиной к врагу.

¹ Ibid. P. 93–94.

² *Ottonis episcopi Frisingensis Chronica* / Ed. Hofmeister-Lammers (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters. B., 1960. Bd. XVI), VI, 10. P. 448.

³ «...quod ne cui incredibile videatur, audiat quod Pecenati et hii qui Falones dicuntur, crudis et inmundis carnibus, utpote equinis, cattinis, usque hodie, vescuntur».

Во втором случае Оттон при описании Паннонии сообщает, что «между севером и востоком находятся степи печенегов и фалонов».¹

Кого же германский хронист назвал неизвестным и необычным именем фалоны? Как истолковать это этническое наименование, нигде, кроме сочинений Оттона Фрейзингенского, не встречающееся?!

Оба раза фалоны названы в «Хронике» Оттона вместе с печенегами и вслед за ними. Но упоминания об этих двух племенах различны. Печенеги прямо названы своим именем, «*pescenati*», которое употреблено автором без пояснений, как известное и понятное всем. Имя же фалонов дано в «Хронике» в несколько усложненной форме, а именно: говорится не прямо «*falones*», а «те, кого называют фалонами» («*hii qui Falones dicuntur*»), т. е. читателю дается понять, что это не широко известное название племени, подобно наименованию печенегов, а нечто вроде прозвища.

Словами «до сего дня» («*usque hodie*») Оттон Фрейзингенский определяет время бытования печенегов и фалонов: до 1146 г., когда была окончена его «Хроника», или же, беря шире, период, который охватывал конец XI и первую половину XII в.

По-нашему убеждению, последовательность в перечислении племенных названий: сначала печенеги, затем фалоны, некоторые общие черты (характер пищи, приемы стрельбы из лука) и время действия говорят за то, что фалоны — половцы.

¹ «...inter aquilonem et orientem Pecenatorum et Falonum... campania».

Неясно, однако, почему Оттон, будучи германским писателем, не назвал половцев куманами, т. е. так, как они именовались в средневековых европейских источниках (греческих, латинских, славянских с Балканского полуострова), или не определил их общеизвестным архаизирующим именем скифов.¹ Последнее, правда, присуще в основном византийским авторам.²

В новом издании «Хроники» Оттона Фрейзингенского слово *falones* приравнено к немецкому *Falben*, от прилагательного *falb*, что означает светло-желтый, белесоватый, а само слово *falones* объяснено как куманы.³ Подобное толкование вызвано тем, что слово «половцы», как показано выше, принято производить от «полова» — солома, «половый» — соломенно-желтый.

Однако правильно ли и *falones* подводить все к той же полове и находить в этом названии все тот же курьезный смысл: *Falben*, желтые, белокурые, светловолосые?

¹ *Moravcsik Gy. Op. cit. Bd. II. S. 167–168, 280–282.*

² Так писали о печенегах и половцах писатели XI–XII вв.: Михаил Пселл, Анна Комнина, Евстафий Солунский, Георгий Акрополит, Иоанн Киннам, Иоанн Цец, Феодор Продром и др. Вообще же византийские историки от V до XV в. называли скифами гораздо большее число племен и народов: гуннов, савиров, авар, болгар, узов, угров, печенегов, куманов, татар и турок. См., например: *Moravcsik Gy. Op. cit. B., 1958. Bd. I. S. 609.*

³ См. указатель к кн.: *Ottonis episcopi Frisingensis Chronica. P. 270.* Точнее прилагательное *falb* означает блеклый, выцветший оттенок, главным образом — впадающий в серый оттенок желтый цвет; особенно это слово приложимо к конской масти (по-русски — буланый).

Прежде всего следует отметить, что в Верхней Баварии, где писалась Оттоном его «Хроника», никогда никаких половцев не было; вообще на территории Южной Германии население их не видело. Годы, непосредственно предшествовавшие написанию «Хроники»,¹ воспринимались автором как весьма тяжелые и мрачные для многих европейских стран;² но, описывая бедствия Паннонии, он не отмечает войн или набегов, в которых бы участвовали половцы. Одним словом, Оттон Фрейзингенский не вводит половцев в число действующих лиц истории своего времени и региона, хотя, упоминая о них, и сообщает, что они существуют «до сего дня» (*usque hodie*).

Совсем иная картина представлена русскими летописями. Примерно в то же время, при киевских князьях Владимире Мономахе (ум. в 1125 г.), Мстиславе Владимировиче (ум. в 1132 г.) и Изяславе Мстиславиче (ум. в 1154 г.), продолжаются почти непрерывные и жестокие столкновения с половцами: «Бяху бо тогда налегли Половци на Русь».³ Еще жива была память о грозных половец-

¹ «Хроника» создана в 1143–1146 гг., когда Оттон был (с 1138 г.) епископом во Фрейзингене. В 1145 г. он ездил по поручению Конрада III в Италию, к папе Евгению III. Уже за пределами освещаемого в «Хронике» времени он как участник Второго крестового похода побывал в Константинополе, в городах Малой Азии, в Иерусалиме. Оттон вернулся в Германию в 1148–1149 гг. (см. Введение к указанному изданию «Хроники»).

² *Naec mala nostris deibus in vicinis regnis pullulare cognoscimus* // Ibid. VII, 21. P. 538.

³ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908 (далее: Ипат.). Стб. 303 (6648=1140 г.).

ких ханах Туторкане и Боняке, которые водили «всю Половецкую землю» и к Днепру, и к Карпатам, и к Дунаю, и чуть ли не к стенам Константинополя, перед которыми в 1091 г. трепетал за судьбу своего государства византийский император Алексей I Комнин.

Действительно, половцы уже с конца XI в. доходили до Дуная и нередко переправлялись через него, угрожая Фракии и самой византийской столице. Киевские князья либо сами выезжали против половцев, либо посылали лучших своих воевод, дабы отогнать этих хищников в глубину степей, на Левобережье Днепра или на Дунай, чтобы защитить днепровское Правобережье.¹

Итак, в XI–XII вв. куманы (название, употребляемое в византийских источниках) временами угрожали владениям Византийской империи, и они же, но только под именем половцев (так их называют древнерусские источники), непрерывно нападали на Русскую землю. Из этих мест, из Подунавья или же из Поднепровья, могли приходить в Южную Германию известия о степных кочевниках, вначале печенегах, а затем и половцах.

Оттон Фрейзингенский до 1146 г. (когда он окончил «Хронику»), по-видимому, не знал названия «куманы», хотя оно звучало и записывалось в Византии и на Балканском полуострове. Естественно предположить, что он получил сведения о куманах

¹ См., например: ПВЛ. 1. С. 186 (6614=1105/1106 гг.): киевский князь Святополк Изяславич послал на половцев, напавших на волынские земли, воевод Яня, Иванка Захарыча и Козарина, которые гнали кочевников до Дуная (ср.: Ипат. Стб. 257).

явно из тех мест, где куманы не назывались этим именем, скорее всего, из Руси, от русских. Это представляется вполне возможным.

Фрейзинген, расположенный на Изаре, правом притоке Дуная, и лежащий на путях к придунайским городам Пассау и Регенсбургу, оказывался в известной степени приближенным к... Руси. В XI–XII вв. русские купцы приезжали в Регенсбург, даже имели собственное подворье в этом городе. Торговля русскими товарами (это были главным образом отличные меха) в Регенсбурге и его экономические связи с Киевом вызвали оживленное движение между этими городами. Путь между ними простирался почти прямой магистралью через значительные торговые центры Восточной Европы — Краков и Прагу.¹

Таким образом, приезжавшие в Регенсбург русские люди могли рассказать и, несомненно, рассказывали своим немецким знакомым о кочевниках, воевавших, а то и вступавших в мирные отношения с русскими. Рассказчики, конечно, называли кочевников половцами. Это слово, звучавшее нелепо и непонятно для немецкого уха, могло породить и, по всей видимости, породило искаженное отражение в виде названия *falones*. Кажется, ничто не мешает предположить, что слово *falones* представляет собой искажение русского названия «полов-

¹ Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888, июль; Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34); Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 342–343.

цы», прошедшее через многих людей, не понимавших его, не умевших его ни произнести, ни тем более верно записать.

Примечательно, что Оттон не решился назвать этих фалонов прямо и просто их (предполагаемым) именем; быть может, он почувствовал, что это — специально их русское прозвище, и поэтому написал: «те, которые называются фалонами». Ведь и русский летописец, поясняя этническое имя куманы, вообще им вовсе неупотребляемое, прибавил словечко «рекше», т. е. «иначе», «что значит».¹

В других случаях, когда Оттону требовалось что-либо объяснить, он обращался все к тому же обыкновенному и общеупотребительному глаголу *dicere*. Так, говоря о багдадском халифе, он пишет: «Багдад был отдан высшему своему первосвященнику, которого персы называют Халиф».² А говоря о прозвище одной из римских базилик, Оттон замечает: «В церкви Спасителя, которая называется Константиана».³

¹ В «Повести временных лет» (1. С. 153) читаем: «Кумани, рекше Половцы» (6604=1096 г.). В Новгородской Первой летописи по Синодальному списку под 6732 (1224) г. термины «Половчи» и «Куманы» употреблены поочередно, в качестве синонимов: «Много бо зла створиша ти оканънии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивый Бог хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее НПЛ. С. 62).

² *Ottonis... Chronica*, VII. 3. P. 504: ...summo sacerdoti suo, quem ipsi (Perse) Caliph dicunt.

³ *Ibid.* VII, 18. P. 540: ... in ecclesia sancti Salvatoris, que Constantiniana dicitur.

Итак, даже в наиболее подробных описаниях половцев, содержащихся в византийских и западноевропейских источниках, отсутствуют указания на их белокурость.¹ Нам, во всяком случае, не удалось их обнаружить, равно как и нашим предшественникам, хотя некоторые из них и утверждали, что в источниках подобные указания имеются.

Тем не менее предложенная А. А. Куником этимология слова «половцы», искусственная и умозрительная, до настоящего времени кочует из работы в работу — как по инерции, столь губительной для науки вообще, так и потому, что взамен не было предложено иного, сообразующегося с духом источников, прежде всего древнерусских, объяснения этому этнику.

Показательна в этом плане небольшая статья А. Пономарева,² который попытался сохранить традиционную этимологию слова «половцы», устраняя несуразность ее выведения от невероятной «белокурости» этого тюркского народа. Вначале А. Пономарев утверждает, что вопрос о происхождении этого этника «можно считать разрешенным», ссылаясь на мнение А. А. Куника и на то, что это мнение «получило всеобщее признание».³

¹ Вспомним, что византийские авторы, впервые соприкоснувшись со славянами, отметили их белокурость как черту, отличающую их от ромеев: «Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный» (*Procopius Caesariensis. De bello vandalico. III, 14, 27* / Ed. J. Haury. Lipsiae. 1906. Vol. II. P. 357). Рус. пер.: *Прокопий из Кесарии. Война с готами* / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 297.

² Пономарев А. Куманы-Половцы // Вестник древней истории. 1940. № 3/4. С. 366–370.

³ Там же. С. 366–367.

Одновременно А. Пономарев был вынужден согласиться с тем, что народы и отдельные люди, близко соприкасавшиеся с половцами, ничего не говорят об их светлых волосах (русские летописи, византийские и венгерские хроники). К этому он прибавляет, что поздние путешественники вроде Плано Карпини (середина XIII в.) также умалчивают о белокурости половцев.

Поэтому А. Пономарев ставит вопрос иначе: «Не является ли слово “половцы” простым переводом какого-либо собственно половецкого (турецкого) названия?» По его мнению, русское «половцы» и есть перевод тюркского слова «куман» или «кубан» (известно чередование звуков «м» и «б» в тюркских языках). Термин произведен от слова «куба», которое означает бледный, бледно-желтый. Таким образом, этникон половцы хотя и произведен от прилагательного бледно-желтый, тем не менее не связан с внешностью этих кочевников.

В ответ на могущий законно возникнуть вопрос, почему же русские перевели племенное название половцев, а не просто воспользовались им, А. Пономарев отвечает: «Переведено то, что поддается переводу, печенеги, татары и др. — непереводаемы».

В подтверждение своего мнения А. Пономарев приводит еще одно, как ему кажется, решающее соображение: в ногайском эпосе, например, слово «куба» в приложении к человеку содержит насмешливый оттенок, намек на уродство. Быть может, печенеги и торки, разбитые половцами и бежавшие к русским границам, передавали собственное имя половцев в подобном бранном значении. Оно и было принято русскими в соответ-

ствующем смысловом переводе, но без презрительного оттенка.¹

Как видим, и А. Пономарев в предложенной им этимологии не смог оторваться от образа чего-то желтого, белесоватого. Его мнение и систему доказательств принял Б. В. Лунин.²

Приведенное выше построение выглядит искусственным. Остается открытым вопрос: кто и когда произвел этот перевод и как он мог распространиться на Руси? У нас нет сомнений в том, что этникон половцы родился на восточнославянских землях и имеет чисто русское происхождение.

Сознавая неестественность идущей от А. А. Куника этимологии слова «половцы» от «половый» в значении светловолосый, А. И. Соболевский скорректировал это мнение, ссылаясь на Ф. Миклошича, считавшего, что половцы не были светловолосыми и поэтому подобная этимология их племенного имени невозможна.³ «Но, как кажется, дело не в том, — продолжает ученый, — было ли в половцах что-нибудь “полового”, а в названии их главной орды», которая именовалась Синей. А. И. Соболевский отмечает, что у татар была Синяя орда.⁴ Действительно, известный по восточной литерату-

¹ Пономарев А. Указ. соч. С. 370.

² Лунин Б. В. Очерки истории Подонья—Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949. Кн. 1. От древнейших времен до XVII ст. С. 133.

³ Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886. S. 256.

⁴ Соболевский А. И. Этимологические заметки // ЖМНП. 1886, сентябрь. С. 154. См. также: Он же. Несколько этимологических названий. 4. Половцы // Русский филологический журнал. 1910. Т. LXIV. С. 175.

ре Улус Джучи, возникший в 30-х годах XIII в., назывался также Синей ордой. В восточнославянских источниках его именовали Золотой Ордой.¹ Однако науке ничего не известно о половецкой Синей орде.

А. И. Соболевский утверждает, что в славянских языках (сербском, например) слово «плав» означает голубой, а «малорусское “половый” иногда употребляется как определение волов голубоватого цвета».² Однако последнее мнение опровергается авторитетным словарем украинского языка Б. Д. Гринченко, в котором, в частности, говорится: «О масти: светло-рыжий; ... серый с желтым отливом... Ой воли моп та половіі, чом же ви не орете?».³ Как синий рассматривал половой цвет и А. Е. Крымский, полагая, однако, что имя половцы дано степнякам по шапкам синего цвета.⁴ Это предположение выглядит малоубедительным.

Еще одно объяснение происхождения слова «половцы» предложил В. А. Гордлевский. Он отметил, что, по его мнению, А. И. Соболевский стоял на верном пути, видя в этниконе половцы простой перевод тюркского термина. Но сам В. А. Гордлевский полагает, что половцы — перевод этникона кыпчаки, а не куманы. Он ссылается на историка монгольской эпохи Рашид-ад-Дина (XIII–XIV вв.), толкующего слово «кыпчак» как пустое дерево, дуп-

¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 35.

² Соболевский А. И. Указ. соч. С. 154.

³ Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. III. С. 285.

⁴ Кримський А. Тюрки, їх мови та літератури. Київ, 1930. 1. Тюркські мови. Вип. II. С. 158–159.

ло. Ученый предлагает считать словосочетание «поле Половецкое» буквальным переводом средневекового мусульманского понятия «Дешт-и-Кыпчак» (поле или степь Кыпчаков).¹

Следовательно, В. А. Гордлевский присоединяется, впрочем, не очень решительно, к толкованию Рашид-ад-Дином понятия «кыпчак» как нечто пустое, иначе говоря — полое. Заметим по этому поводу, что, хотя объяснение Рашид-ад-Дином слова «кыпчак», быть может, и верное, не следует, однако, предполагать, что уже в XI в. в Киеве и Поднепровье существовало точное понимание смысла этого этникона. К тому же, и это самое главное, слово «кыпчак» неизвестно древнерусским летописцам. Не знают его византийские и латиноязычные авторы Европы.

Выглядит курьезной предпринятая в последнее время румынским историком П. Диакону попытка возродить наивную средневековую этимологию слова «половцы». Произведя этноним куманы от слова «кум» — степь, равнина, пространство, песок, он вкладывает в него смысл: обитатели степей, степняки. Далее П. Диакону сближает оба понятия семантически и утверждает, что «половцы» происходят от «поля». ² Тем самым русское слово «половцы»

¹ Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1947. Т. VI. Вып. 4. С. 320. Примеч. 38. Впервые в отечественной литературе толкование имени кыпчак Рашид-ад-Дином приведено в статье: Березин И. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. 1853. IX. С. 235–236.

² Diakonu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe s. Bucuresti, 1978. P. 9.

представляется автору калькой тюркского «куманы». Разумеется, возвращение к наивной этимологии позднесредневековых хронистов, к тому же лингвистически несостоятельной, не может способствовать объяснению происхождения этникона половцы.

Мало проясняет этот вопрос и обращение к авторитетным словарям. Сообразуясь с выводами научной литературы своего времени, составители словарей обычно не выходили за рамки этих выводов. Например, А. Щекатов в начале XIX в. полагал, что «название Половцев дали им Россияне, как некоторые мнят, от “полей”, по которым они кочевали, или от “полона”, чинимого ими у Россиян»,¹ — это и немудрено, ведь предложенная А. А. Куником этимология половцев от «половый» появится лишь в 70-х годах этого столетия. Зато впервые увидевший свет в 1910–1914 гг. словарь А. Г. Преображенского уверенно выводит половцев от прилагательного «половый».² Менее уверен был в подобной этимологии М. Фасмер, но и он, не видя альтернативы, отметил в своем словаре: «Во всяком случае, связано [слово “половцы”] с др.-русским “половъ” = “светло-желтый”»; одновременно ученый привел без опровержения и мнение Пономарева—Гордлевского, исходивших из значения «голубой».³

¹ Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1805. Ч. 4. Отд. 1 (М-П). Стб. 1225.

² Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. II (фототипическое воспроизведение издания 1910–1914 гг.).

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 313.

По всей вероятности, отсутствие удовлетворительного с исторической точки зрения объяснения этникона половцы в научной литературе не раз приводило к тому, что авторы ряда работ, посвященных кочевникам южнорусских степей, и в прошлом и в настоящем обходили молчанием этот вопрос. Можно назвать упомянутую выше книгу П. Голубовского, а также вышедшее в конце 40-х годов нашего века историко-географическое сочинение К. В. Кудряшова² и сравнительно недавнюю обстоятельную статью С. А. Плетневой.³

Не случайно такой выдающийся знаток древнерусской письменности, каким был академик Н. П. Лихачев, однажды воскликнул: «Навсегда ли останется тайной убедительная этимология названия “половцы”? Не безнадежно ли это?»⁴

По нашему убеждению, удовлетворительное объяснение сугубо русского слова «половцы» могут дать только русские же, точнее, древнерусские источники, летописи. К анализу их свидетельств мы и переходим.

Выше было показано, что слово «половцы» — не самоназвание и вообще не этническое наименование тюркского кочевого народа в буквальном смысле данного понятия. Это дал почувствовать нам сам древнерусский летописец («Кумани, рекше Половци»). По всей вероятности, сами половцы называли себя именно куманами. Так, в Ипатьевском,

¹ Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

² Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

³ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. С. 29.

Хлебниковском, Погодинском, Академическом и Радзивилловском списках «Повести временных лет» читаем: «И въда Мьстислав стяг Володимерь Половчину именемъ Куману».¹ А в описании похода русских князей на половцев 1103 г. в том же источнике среди 20 убитых половецких князей назван и Куман.² Но тем не менее русские книжники пользуются в основном термином «половцы». Слово «половцы» родилось благодаря какой-то характерной черте куманов. Для ответа на вопрос, какой именно, придется углубиться в летописи.

Как ни странно, но при поисках объяснения слова «половцы» нет оснований ссылаться не неполноту и отрывочность лингвистически близких материалов и даже аналогий, как это делается обычно в подобных случаях. Надо только всмотреться и вдуматься в замечательные фонды древнерусского языка в летописях, особенно же в тех, где больше всего слышится живая речь о событиях, связанных с половцами. Мы имеем в виду главным образом Ипатьевскую летопись (в той части, где помещен Киевский свод XII в.) и кое-какие лингвистические образцы из древнейшей Первой Новгородской летописи.

Вот эти-то материалы — далеко не скудные — в соединении с общей картиной под названием «Русь и кочевая степь» (в их борьбе и соприкосновениях) дают возможность подыскать ключ к загадке.

Неизбежно встает вопрос: почему половцы, имея общеизвестное — и знакомое русским! — имя куманы, получили на Руси особое название? Ведь в

¹ Ипат. Стб. 229. См.: Seneffler L. Textkritischer Apparat zur Nestorchronik. München, 1977. S. 743.

² ПВЛ. 1. С. 184.

древнерусский язык без изменений вошло другое племенное наименование — печенеги, хорошо известное по иностранным источникам.

«Повесть временных лет» под 915 г. сообщает: «Придоша Печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир с Игорем, и приидоша к Дунаю».¹ Под 968 г. этот источник вновь отмечает: «Придоша Печенези на Руску землю первое, а Святослав быше Переяславци, и затворися Волга в граде Киеве».² Между этими двумя известиями нет противоречия: во втором случае печенеги впервые («первое») воевали Русскую землю.

Примерно так же появляются в «Повести временных лет» и половцы. Первые сведения о них содержатся в летописи Нестора под 1055 г.: «В семь же лете приходи Болушь с Половци, и створи Всеволод (Ярославич) мир с ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли».³ А под 6569 г. (что соответствует 1062 г.) в «Повести» сказано: «Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволод же изиде противу им, месяца февраля в 2 день. И бившимся им, победиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг».⁴ Как видим, описания появления тех и других кочевников на рубежах Руси в летописи идентичны, и не в них надо искать загадку рождения этнонима половцы.

Отметим, что записи «Повести временных лет» под 1055 г. о первом появлении половцев на Руси

¹ ПВЛ. 1. С. 31.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же.

непосредственно предшествует сообщение о войне киевского князя с другими кочевниками тюркского происхождения — торками: «В се же лето иде Всеволод на Торкы зиме к Воиню,¹ и победи Торкы». ² Это — первое заслуживающее доверия сведение о встрече русских с торками (известие Нестора 985 г. о торках как о союзниках Владимира Святославича в войне с болгарами, по всей вероятности, относится к печенегам, поскольку торки пришли в южнорусские степи лишь в середине XI в.³). Здесь впервые половцы названы рядом с торками. Мы считаем это важным обстоятельством в деле решения вопроса о происхождении этникона половцы.

Ничего не дают для объяснения этого загадочного слова и наблюдения над особенностями употребления в летописях терминов «куманы» и «половцы». Рассказ Новгородской Первой летописи старшего извода (Синодальный список) о первом приходе татарских завоевателей на Русь в 1223 г. убеждает, что летописец употребил имя куман в качестве синонима имени половец, дабы разнообразить изложение: «Слышахом бо, яко многы страны поплениша [Татары], Ясы, Обезы, Касоги, и Половчъ безбожных множество избиша, а инех загнаша, и тако измроша убиваемы гневомъ Божиимъ и Пречистыя Его Матере; много бо зла створиша ти оканънии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивый Бог хотя погубити безбожных сыны Измаиловы Куманы, яко да отмъстятъ кровь крестьянъску, еже и бысть над ними безаконными.

¹ Древнерусский город-крепость в устье р. Сулы.

² ПВЛ. 1. С. 109.

³ ПВЛ. 2. С. 329 (комментарии Д. С. Лихачева).

Проидоша бо ти Таурмени (здесь: Татары. — Е. С.) всю страну Куманьску и придоша близ Руси, идеже зоветься вал Половьчскы». ¹

Интересно отметить, что в менее распространенном рассказе Галицкой летописи об избиении татарскими ордами половцев в 1223 г. последние выступают только под этим именем: ² по-видимому, лапидарный характер повествования не побудил летописца прибегнуть к синониму куманы. Зато в текстуально близком к известию Новгородской Первой летописи старшего извода и генетически зависящем от него подробном рассказе Московского летописного свода конца XV в. о тех же событиях мы встречаем наряду с именем половцы и этникон куманы, и «страну Куманьску». ³ Точно так же в качестве синонима и одновременно объяснения употребляет галицкий летописец термин «Измайлтяне»: князь Роман Мстиславич «ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганья Измалтяны, рекомыя Половци». ⁴

Рассмотрение ранних известий летописей о вторжениях половцев в пределы Русской земли приводит к выводу, что чаще всего они действуют на Левобережье Днепра. Так, первое локализуемое летописью сражение русских с половцами в 1068 г. состоялось на р. Альте, неподалеку от Переяслава: «Придоша иноплемьници на Русьску землю, Половци мнози. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод

¹ НПЛ. С. 62.

² Ипат. Стб. 740–741.

³ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 118.

⁴ Ипат. Стб. 716.

(Ярославичи) изидоша противу имь на Лыто»¹. В том же году «Половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собрав дружины неколико, изиде на ня ко Сновьску».² В 1078 г. Олег Святославич и Борис Вячеславич привели своих союзников половцев «на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с Половци. Всеволод же изиде противу има на Съжице,³ и победиша Половци Русь».⁴

Итак, впервые половцы вступают в противоборство с Русью на левом берегу Днепра. В связи с этим уместно поставить вопрос о локализации основного района половецких кочевий.

Хотя нередко случаи появления и даже длительного пребывания половецких орд на правом берегу Днепра, все же обитали они главным образом к востоку от этой реки, т. е. на днепровском Левобережье. Об этом прямо говорят летописи.

Когда в 1152 г. война между Изяславом Мстиславичем киевским и Юрием Долгоруким суздальским достигла высшей точки накала, «тогда же Ярославичь Ростислав с братнею и с Рязанци, и с Муромци поидоша с Гюргем, а не отрекоша ему тако же и Половци, и Отперлюеве, и Токсобици, и вся *Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром*»⁵ (тут и далее курсив наш. — Е. С.).

Описывая первый приход татарских войск в Восточную Европу, галицкий летописец сообщает: «Приде неслышанная рать, безбожнии Моавитяне,

¹ ПВЛ. 1. С. 112.

² Там же. С. 115.

³ Приток р. Сулы.

⁴ ПВЛ. 1. С. 132.

⁵ Ипат. Стб. 455.

рекомыи Татаръве, придоша на землю Половецкую ... И мнози [Половцы] избъени быша, до реки Днепра. Татаром же возвратившись, идоша в вежа своя. Прибегшим же Половцемъ в Руску землю»¹ (т. е. за Днепр, на Правобережье. — Е. С.). Продолжая свой рассказ, летописец отмечает: «Переидоша же вси князи реку Днепр, инии князи придоша, и поидоша в поле Половецкое».² Следовательно, Половецкое поле начиналось сразу же за Днепром.

Естественно поэтому, что летопись называет правую сторону Днепра Русской — в противоположность и противопоставление левой, Половецкой. В 1193 г. Ростислав Рюрикович вместе с союзными черными клобуками пошел на половцев. «И ехаша изъездом, — повествует киевский летописец, — и быша на Ивле, на реце на Половецкой, и ту изымаша сторожа Половецкыя, и взявше у них вестъ, аже Половци днища вдалье лежать, и стада по сей стороне Днепра, по Руской».³

Эта Русская сторона Днепра считалась тогда также Киевской. Под 1170 г.⁴ Киевский свод сообщает: «Тое же зимы придоша Половци на Киевскую страну и взяша множество сел за Киевом»,⁵ а под 1185 г. тот же источник свидетельствует: «Молвяшетъ бо Кончак: "Поидем на Киевскую сторону, где суть избита братья наша"».⁶

¹ Ипат. Стб. 740.

² Там же. Стб. 742.

³ Там же. Стб. 677.

⁴ Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 187.

⁵ Ипат. Стб. 562.

⁶ Там же. Стб. 646.

Вслед за Б. А. Рыбаковым С. А. Плетнева обратила внимание на следующее место «Слова о полку Игореве»: «Збися див, кличет врѣху древа: велить послушати земле незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутараканьскый блъван!». ¹ Исследовательница полагает, что в этом отрывке «перечислены почти все пограничные половецкие земли, устанавливаемые и по статуям». ² Ею составлена карта распространения каменных половецких изваяний, из которой также следует, что половцы занимали обширные земли между Днестром и Волгой.

Наряду с упоминанием о половцах в целом летописи с 40-х годов XII в. особо выделяют диких половцев. Высказывалось авторитетное мнение, что дикие половцы — остатки половецких орд, разбитых на Дону в результате походов русских войск в 1111–1116 гг. и осевших в бассейне Дона. ³ С. А. Плетнева считает орды диких половцев принципиально новыми образованиями, составленными уже не по кровнородственному признаку (как, например, орды Отперлюеве, Токсобичей, Ельтукови), но по принципу вассально-иерархических отношений и сложившимися к середине XII в. Она соглашается с тем, что одна из орд диких половцев кочевала в Подонье. Это следует из несомненной связи диких половцев с черниговскими Ольговичами и Юрием Долгоруким, в подтверждение чего приводятся примеры из летописей 1146–1151 гг. ⁴

¹ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 12.

² Плетнева С. А. Указ. соч. С. 276.

³ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 44. Рис. 15а.

⁴ Плетнева С. А. Указ. соч. С. 279.

Вместе с тем С. А. Плетнева думает, что часть диких половцев располагалась на Правобережье Днепра. Она руководствуется следующими соображениями. В 1161 г. против киевского князя Изяслава Давидовича ополчилась коалиция из нескольких князей, объединившихся в верховьях Стугны и Роси. Об этом узнали дикие половцы, «устерегоша рать и пригнаша к Изяславу, и поведаша ему рать велику».¹ По мнению С. А. Плетневой, дикие половцы узнали об этом только потому, что кочевали в указанном районе Правобережья.² Но почему не допустить, что дикие половцы служили тогда кому-нибудь из русских князей или вообще совершили набег на Правобережье?

Еще менее весом другой аргумент С. А. Плетневой. В 1195 г. Ярослав Всеволодович черниговский обязался перед Рюриком Ростиславичем киевским «не востати на рать до ряду» (до попытки уладить дело миром со Всеволодом суздальским и Давидом смоленским). Рюрик тогда «роспусти дружину свою, и братью свою, и дети своя, и дикыи Половци отпусти в вежи своя, одарив я дарми многими, а сам еха во Вручий своих деяя орудий».³ По поводу данного фрагмента Киевской летописи исследовательница пишет: «Может быть, эти два события поставлены рядом потому, что оба они касаются западной окраины Киевского княжества?». И уверенно утверждает, что наряду с левобережными существовали и правобережные дикие половцы.⁴

¹ Ипат. Стб. 517.

² Плетнева С. А. Указ. соч. С. 281.

³ Ипат. Стб. 690.

⁴ Плетнева С. А. Указ. соч. С. 282.

Но внимательное изучение летописной статьи 1195 г. приводит к мнению, что дикие половцы были приведены в Киевскую землю Всеволодом Юрьевичем суздальским, союзником Рюрика в его кампании против Ярослава и «всех Ольговичей», — в этой кампании Всеволод явно играет ведущую роль, и именно к нему апеллируют Ольговичи: «Ажь ны еси вменил Кыев тоже ны его блюсти под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим». Однако, когда Всеволод решил идти на Ольговичей, те «кланяючися и емлючися ему по всю волю его».¹ А суздальские князья систематически опирались на половецких ханов в политической борьбе на Руси.²

В действительности летописцы уверенно и единодушно указывают область обитания диких половцев к востоку от Днепра. К подтверждающим это мнение примерам из летописи, приведенным С. А. Плетневой, добавим следующие. В 1149 г. Изяслав и Ростислав Мстиславичи воевали с Долгоруким. «Изяслав же и Ростислав, — сообщает Киевский свод XII в., — исполциста воя своя и поидоста к Переяславлю. И в то верема примчаша к ним Половцина дикого, емъши у Переяславля, идеже они стреляли, и на часта его прашати: “От которого есте становища поехали”, он же рече: “Издаlechа есми поехали”»,³ т. е. из глубин территории, простиравшейся к вос-

¹ Ипат. Стб. 688–689.

² См., например, одну из многих аналогичных по смыслу записей в Киевском своде о сотрудничестве Юрия Долгорукого с кочевниками: «И Половци дикие придоша к Гюргеви ту на Супой многое множество» (Ипат. Стб. 377. 1149 г.).

³ Ипат. Стб. 379.

току от Днепра. В 1196/97 г. Рюрик Ростиславич киевский ждал в Чернигове Всеволода Юрьевича суздальского «с братьею своею, и с дружиною своею, и с дикими Половци».¹ А в 1197 г. Ярослав Всеволодович черниговский «еха противу Всеволоду [Юрьевичу] и Давыдови [Ростиславичу], совокупив братью свою, и сыновця своя, и дикыи Половци».² Из обоих контекстов 90-х годов XII в. следует, что дикие половцы кочевали недалеко от рубежей Черниговской земли.

Из сказанного проистекает, что летописную локализацию Половецкой земли «межи Волгою и Днепром» следует признать достоверной. Половцы обитали на Левобережье Днепра, которое в противоположность Русской стране (стороне) считалось тогда Половецкой страной.

Днепр вообще играл выдающуюся роль в жизни Древней Руси. Мощный природный водный рубеж, он не только отделял Половецкую землю от Русской, но и служил границей между Киевской и Черниговской землями. В 1026 г. Ярослав Владимирович «совокупи воя многы, и приде Киеву, и створи мир с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону».³

Летописцы в известиях о междукняжеских столкновениях и вторжениях кочевников часто упоминают Днепр в качестве естественной границы или преграды. Когда в 969 г. Святослав Игоревич с дружиной находился в Болгарии, печенеги осадили

¹ Ипат. Стб. 694.

² Там же. Стб. 698.

³ ПВЛ. 1. С. 100.

Киев. «И затворися Волга [Ольга] в граде с унуки своими... — пишет Нестор. — И оступиша печенежи град в силе велице... Собрашася людье *оная страны Днепра* в лодьях, *об ону страну стояху*, и не бе льзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем».¹ В 1015 г. Ярослав пошел на сидевшего тогда в Киеве Святополка. «Повесть временных лет» описывает это следующим образом: «Слышав же Святополк идуща Ярослава, пристрои бецисла вой, Руси и печенег, и изыде противу ему к Любичю *об он пол Днепра*, а Ярослав *об сю*» (сторону. — Е. С.). А в начале следующей летописной статьи, под 1016 г., Нестор отмечает: «Приде Ярослав на Святополка, и стаща противу *обапол Днепра*»,² т. е. по обеим сторонам реки.

В кампании против половцев хана Тугоркана 1096 г. у Переяславля «Святополк [Изяславич] же и Володимер [Мономах] поидоста на нь *по сей стороне Днепра* (правым берегом. — Е. С.) и придоста к Зарубу и ту перебродистася... и исполчишася поидоста к граду»³ — стоящему на левом берегу Переяславлю. «Оная сторона Днепра» в значении противоположной Русской, правобережной, неоднократно выступает в летописных записях первой половины XII в.⁴

Знаменательно, что в политической жизни Новгорода Великого река Волхов играла не менее важную роль, чем Днепр — в Южной Руси. Именно

¹ ПВЛ. 1. С. 47.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 151.

⁴ См., например: Ипат. Стб. 296 (1134/35 г.), 398, 416 (1150–1151 гг.), 423–424 (1151/52 г.) и др.

Новгородская летопись, по нашему мнению, подводит к объяснению образования этнонима половцы.

В древнем Новгороде выражением «он пол» определялась часть города на правом берегу Волхова, противоположная той, на которой находился Кремль («сия сторона»). Под 1097 г. в Новгородской летописи читаем: «Погоре он пол».¹ А в летописной статье 1157 г. о «въстани» против Мстислава Юрьевича нарисована яркая картина, в которой немалое значение имеет Волхов: «И въсташа на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити из Новагорода, *тѣрговый же пол* сташа в оружии по немь; и съвадишася братья, и мост переимаша на Влъхове, и сташа сторожи у городьных ворот, а друзии *на оном полу*».²

Под 1218 г. в Новгородской Первой летописи старшего извода, источнике чрезвычайно авторитетном, помещен рассказ о народных волнениях в Новгороде: «И въиде лжа в город: выдал Твьрдислав (новгородский посадник. — Е. С.) князю Матя, и възвониша у святого Николы *они половици* церес ночь... И поидоша *они половици* и до детии в брънях, акы на рать, а неревляне (жители Неревского конца. — Е. С.) такоже; а *загородьци* и не въсташа ни по сих, ни по сих, нъ зряху перезора... И бысть сеця у городьных ворот, и побегоша *на он пол*, а друзии в коньць [Неревский] и мост переметаша, и переехаша *они половици* в лодьях, и поидоша силою».³

Отсюда следует, что «они половици» — люди с той стороны (Волхова в данном случае). Поражает

¹ НПЛ. С. 202.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 58–59.

сходство, даже тождество этого словосочетания со встреченным нами в Киевской летописи под 1170 г.: «Глеб [Юрьевич] ехал на ону сторону к онемь Половцемь». ¹ Таким образом, по «оной стороне» Днепра обитали «они Половцы» — тамошние, левобережные половцы. Случайно ли это сходство? Мы полагаем, что нет.

Действительно, из приведенных выше свидетельств летописей следует, что русские люди воспринимали половцев как народ, живший на противоположной стороне Днепра — Половецкой, т. е. на «оной», «оном полу» или просто «полу». Ибо своя сторона Днепра считалась «сей», Русской. ² Следовательно, слово «половец» образовано по месту обитания кочевников — подобно другому слову — «тоземец».

Рассказывая об основании в середине 50-х годов XIII в. города Холма, галицкий летописец сообщает, что Даниил Романович «вопраша тоземец, как именується место се». ³ Тоземец — житель той земли, точно так же, как половец — житель того, «оного пола».

На возможность образования этникона половцы от слова «пол» указывает и этникон низовцы, произведенный от понятия «низ». Низовской землей, или просто Низом, называли в XIII в. Верхнее и Среднее Поволжье, Ростово-Суздальский край. В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович сразился с немцами под Юрьевом и победил их. «И възвратишася новгородци сдрави вси, — отмечает новгородский лето-

¹ Ипат. Стб. 556.

² Там же. Стб. 677.

³ Там же. Стб. 842.

писец, — а низовъчь неколико паде». ¹ Низовцы составляли заметную военную силу в войске Александра Невского в битве с Тевтонским орденом на Чудском озере в 1242 г.: «Поиде князь Олександр с новгородци и с братом Андреем и с низовци на Чюдъскую землю на Немци». ² А когда в 1256 г. шведские феодалы напали на Новгородскую землю, «тогда же не бяше князя в Новегороде, и пошлаша новгородци в Низ к князю по полкы». ³

Может возникнуть законный вопрос: почему же предшественники половцев в южнорусских степях печенеги выступают в древнерусских источниках под собственным именем и не получили специально русского наименования, как это случилось с куманами? Как нам кажется, существовало две причины этого. Во-первых, печенеги кочевали на пространстве между Днестром и Дунаем, ⁴ следовательно, на Русской стороне Днепра. Здесь не могло возникнуть противопоставление. Во-вторых, во времена печенежских нападений на Русь там не знали других кочевников, обитавших, как и печенеги, вблизи южных границ восточнославянского государства и которых можно было бы противопоставить печенегам. Такими кочевниками во второй половине XI–XII в. были союзные Руси тюркские племена, которые русские летописцы в XII в. называют сборным именем черные клобуки. Они представляли собой остатки племен печенегов, берендеев, ковуев и др., которых половцы вытеснили из чер-

¹ НПЛ. С. 73.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 81.

⁴ Васильевский В. Г. Византия и печенеги. С. 9.

номорских степей. Половцы и черные клобуки постоянно враждовали между собой. Чаще других среди черноклобучьих племенных союзов летописцы называют торческий.

Торки, как упоминалось, появляются в южнорусских степях одновременно с половцами. Под 1054 г. «Повесть временных лет» повествует: «В се же лето иде Всеволод [Ярославич] на торкы зиме к Воиню, и победи торкы».¹ Русские войска нанесли решительное поражение торкам в 1060 г.,² после чего те в 1064 г. перешли Дунай и даже подступили к Константинополю. Грекам удалось рассеять их; часть торков была поселена в Македонии, а те, кто вернулся в Северное Причерноморье, поселились на южных окраинах Киевского государства.³ В 1080 г. жившие на рубежах Переяславского княжества торки «заратипаша», но Владимир Мономах усмирил их,⁴ после чего эти тюркские племена выступают в летописи исключительно в роли вассалов русских князей.

Торки постоянно воевали с половцами, которые угрожали самому существованию их племенного союза. В 1093 г. половцы осаждают их племенной центр Торческ, и киевский князь Святополк не в силах помочь торкам. В 1116 г. торки в союзе с печенегамы восстают против половцев, военная мощь которых была подорвана успешными действиями русских войск под предводительством Мономаха.⁵

¹ ПВЛ. 1. С. 109.

² Там же.

³ Васильевский В. Г. Византия и печенеги. С. 26–29.

⁴ ПВЛ. 1. С. 135.

⁵ Там же. С. 145, 201. См.: ПВЛ. 2. С. 483 (комментарии Д. С. Лихачева).

Летописцы не раз подчеркивают приверженность торков к русским, противопоставляя их в этом смысле половцам. Так, киевский летописец под 1125 г. замечает: «Слышавше же се врази Половци смерть Володимерю, и присунушуся к Барючу, рекше: «Возмем Торкы их»». ¹ Когда в 1154 г. внезапно умер великий князь киевский Изяслав Мстиславич, борьба за киевский стол достигла особой остроты. Вокняжившийся в Киеве его брат Ростислав, узнав, что Глеб Юрьевич привел к Переяславлю множество половцев, «пойде полкы своими, и пойма Всеволодича Святослава, и Мьстислава Изяславича, и Торкы, [и] Кыяне, и переиде Днепр [у] Вышегорода». ²

Вместе с русским войском торческие отряды часто встречаются половцев на Русской, или Киевской, стороне Днепра: «Тое же зимы (1169/70 г. — Е. С.), — эпически повествует киевский летописец, — придоша Половци на Киевьскую страну, и взяша множество сел за Киевом с людми и скоты и с коньми, и поидоша со множеством полона в Половье». Киевский князь Глеб Юрьевич послал на врага своих братьев Михалка и Всеволода. Те «идоста вборьзе по Половьцех и згониша я за рекою Бугом с Береньдеи и с Торкы». ³

С середины XII в. на страницах летописей появляются черные клобуки. Под 1169 г. киевский летописец объясняет этот термин: «И поиде Мьстислав Киеву на стол... и приде к Микулину, и ту придоша ему Берендичи вси, и Торpci, и Печенези, и *всь Черный Клобук*». ⁴ Как и их составная часть

¹ Ипат. Стб. 289.

² Там же. Стб. 472.

³ Там же. С. 562.

⁴ Там же. Стб. 533.

торки, черные клобуки обитали на Русской стороне Днепра, в бассейне реки Роси. В борьбе за Киев Изяслав Мстиславич в 1146 г. вышел из Переяслава (стоящего на левом берегу Днепра) «и переиде Днепр у Заруба; и ту (на правом берегу. — *Е. С.*) прислапаша к нему Чернии Клобуци и все Поросье». ¹

Как по велению русских князей, так и по собственной инициативе черные клобуки совершают рейды за Днепр, вторгаясь в половецкие степи. В 1188 г. «сдумав Святослав (Всеволодович, великий князь киевский. — *Е. С.*) со сватом своим с Рюриком [Ростиславичем] посласта Черный Клобук на вежа [половецкие] за Днепр и Романа Нездильовича воеводою. И взяша вежа за Днепром... Половци бо бяхуть шли в Дунай и не бе их дома в вежах своих». ²

Летописцы неоднократно создают зримый образ противостояния половцев и черных клобуков на разных берегах Днепра. В разгар соперничества за киевский стол между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким в 1151 г. последний обратился за помощью к традиционным союзникам — половецким ханам. Изяслава поддерживали вассальные черноклобучьих предводители. Киевский свод сообщает: «Половцы же Гюргеви идяху по лугу (по левой стороне Днепра. — *Е. С.*), Вячьслав же (Владимирович, дядя Изяслава. — *Е. С.*) и Изяслав с братом своим Ростиславом, и с Изяславом Давыдовичем, и с Ярославом братом своим, и с Городень-

¹ Ипат. Стб. 323.

² Там же. Стб. 659.

ским князем, и с дружиною своею, и с Кияны, и с Черными Клобуки и тако угадавше, поидоша по сей стране Днепра».¹

Черные клобуки сами признавали Днепр границей с половцами. В 1192 г. они вместе с русскими князьями Святославом и Ростиславом Владимировичами (правнуками Мономаха. — Е. С.) пошли против половцев, полагая, что основные силы тех ушли в Подунавье. Однако оказалось, что половцы остались в местах своих кочевий, на Левобережье Днепра. «Черные же Клобуци, — замечает киевский летописец, — не восхотеша ехати за Днепр, бяхуть бо свато[ве] (т. е. половцы. — Е. С.) им сидяще за Днепром близ, и роспревшися, и возвратишися во свояси».²

Следовательно, древнерусские источники второй половины XI—XII в. рисуют яркую картину конфронтации половцев и черных клобуков на противоположных берегах Днепра. На это военное противостояние двух ветвей кочевников обратил внимание еще Д. А. Расовский: «Если пристальнее присмотреться ко всем большим междоусобиям конца XI и всего XII в., то не трудно будет в них увидеть, что эта борьба, борьба за Киев, велась между Приднепровьем правым и левым, между князьями суздальской, черниговской, северской Руси и волынскими и смоленскими князьями, в обладании которых преимущественно был Киев. В Правобережье для этой борьбы существовала замечательно удобная и количественно большая сила Черных Клобуков, которой киевские князья очень широко и пользо-

¹ Ипат. Стб. 424.

² Там же. Стб. 674.

вались. Левобережье же не могло из собственных сил противопоставить что-либо равноценное этим тюркским вспомогательным войскам. Отсюда — обращение левобережных претендентов в степи к “диким” Половцам, единственно равной Черным Клобукам военной силе».¹

Предложенный Д. А. Расовским взгляд на сущность политической жизни Древней Руси эпохи феодальной раздробленности, конечно, далек от реальности, равно как и на причины, побуждавшие, по его мнению, суздальских и черниговских князей обращаться за помощью к половецким ханам. Однако историк чутко уловил постоянное поле напряжения на русско-половецкой границе, полюсами которого были противостоявшие друг другу племенные союзы половцев и черных клобуков.

Таким образом, рассмотренные выше летописные свидетельства убеждают в том, что для русских людей половцы были обитателями той («оной»), чужой стороны Днепра (об он пол = половцы²) и в этом качестве отличались от «своих поганных», черных клобуков, обитавших на этой («сей»), своей стороне реки. В этом противопоставлении и родился специфический русский этникон они половици, или просто половици, трансформировавшийся в процессе развития древнерусского языка в половци.

¹ *Расовский Д. А.* О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // *Seminarium Kondakowianum*. 1927. I. С. 105.

² В словаре М. Фасмера зафиксировано понятие «оно-полец, онополовец — живущий по ту сторону реки. Производное от церковнославянского об он пол» (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 142).

Звуковые процессы старославянского языка (на основе которого сложился язык древнерусский), отразившиеся в памятниках письменности конца XI в., характеризуются, в частности, утратой слабого сверхкратного «и», вместо которого часто пишется «ь». ¹ Это явление, по нашему мнению, проступает в этниконе половци, который в летописных текстах в ряде случаев сохраняет звук «ь». Так, под 1106 г. видим в Новгородской Первой летописи старшего извода: «Избиша Половьче на Дунаи». ² В этом же источнике под 1111 г. сказано: «Иде Святотѣлк, Владимир, Давыд и вся земля просто Руская на Половьче». ³

Написание этникона половци с мягким знаком после «в» сохраняется в Новгородской и некоторых других летописях во второй половине XII—первой трети XIII в. Под 1167 г. Новгородская Первая летопись старшего извода отмечает: «На ту же зиму ходи Мьстислав на Половьче, и победи е». ⁴ Описывая битву на Калке 1223 г., новгородский летописец также употребляет этникон половьци. ⁵ Эта форма встречается изредка и в Киевском своде XII в. ⁶

В заключение отметим, что слово «половцы» родилось на Днепре, на его Правобережье, куда с «оного пола» постоянно врывались страшные кочевники. Но этот этникон звучал и вдали от сред-

¹ Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1963. С. 100.

² НПЛ. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 32–33.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ См., например: Ипат. Стб. 556.

него Поднепровья, и вообще за пределами Руси. Люди и близких и далеких языков вряд ли могли связывать слово «половцы» с понятием «пол» или «он-пол», для них это было чуждо по отношению к народу. По всей видимости, термин «половцы» появился довольно рано и вскоре перестал понимать-ся как происходящий от «пол» («он-пол»). Возможно, в дальнейшем его могли связывать с более понятным прилагательным «половый».

Таково объяснение возникновения сугубо русского этникона половцы, основывающееся на сравнительном изучении летописей.

Подготовил к печати Н. Ф. Котляр

Греческая надпись из Тмутаракани*

В начале нынешнего столетия Керченский музей пополнил свое собрание эпиграфических памятников плитой с греческой надписью XI в. Плита была куплена в Тамани у местного купца Г. П. Фоки, который приобрел ее у казака Кравченко. И место находки, и условия, при которых плита была обнаружена, забыты. Но даже единственное сведение о ней, а именно то, что она происходит с Таманского полуострова, возбуждает интерес: ведь надпись относится ко времени наиболее частых и подробных свидетельств письменных источников о русской Тмутаракани.

Таманская плита представляет собой прямоугольный блок (0,67×0,17×0,21) белого мрамора с синеватыми жилками, имеющий гладко отесанную лицевую сторону, на которую нанесены три строки надписи. На остальных, грубо обработанных, сторонах плиты заметны следы заделки в стену какого-то здания. Сохранность плиты прекрасная, и если правый конец ее несколько сбит, то это не нарушает общей целостности надписи.

Вскоре после приобретения плиты Керченским музеем надпись была опубликована академиком

* Печатается по изданию: Византийский Временник. № 18. 1961.

В. В. Латышевым.¹ Однако это издание едва ли можно считать достаточно полным и тщательным. Таманская плита заслуживает большего внимания, но ею до сих пор не занимались медиевисты.

Надпись на плите гласит о смерти монаха Иоанникия, умершего 23 октября 1078 г. Судя по содержанию надписи, плита была надгробием, с обычным первым словом известной формулы, объявляющей об умершем: ἐκοιμήθη — «упокоился», «почил» (букв. «уснул»).

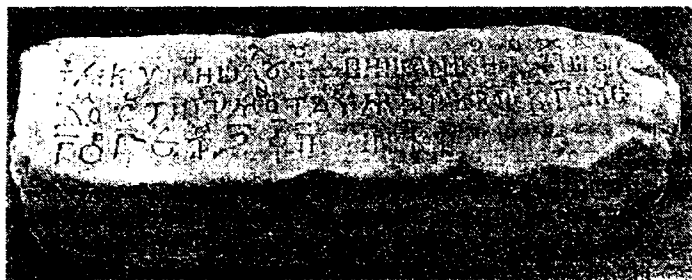
Тем не менее, судя по наружному виду плиты, она не могла служить надгробием, т. е. камнем, положенным на месте захоронения. Небольшие размеры при значительной толщине (0,21 м) и следы раствора на задней и боковых сторонах камня свидетельствуют о том, что он помещался в стене здания (вероятно, церкви), поблизости от которого и был погребен называемый в надписи человек.

Таким образом, плита 1078 г. с именем Иоанникия — не надгробие в точном смысле слова и не может быть признана могильной плитой. Это плита с записью, почетного и поминального характера, о звании и дате смерти некоего — отнюдь, по видимому, не рядового — лица, могила которого не была, однако, непосредственно связана с этой плитой, но находилась вблизи, либо у подножия стены, в которую был вделан камень с надписью, либо, может быть, в крипте монастырской церкви, в кладку которой плита была вставлена.

Буквы надписи высечены неглубокими линиями; их четкий рисунок выдает уверенную, опыт-

¹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1903–1905 гг. // ИАК. Вып. 14. 1905. С. 132–133.

ную руку: строки ровны, текст расположен обдуманно и ясно. Лучший эпиграфический материал — мрамор и искусная работа резчика создают впечатление в известной мере богатого памятника, не похожего на рядовые надгробия массового характера.¹ Особенность надписи в целом составляют несколько нарушающие ее стройность выносные (надстрочные) буквы и знаки, которых насчитывается двадцать — необычайно много для одной фразы из двадцати пяти слов на трех строках.

*Мраморная плита с надписью Иоанникия.
Керченский музей*

Текст надписи (без изменения орфографии, но с раскрытием сокращений) таков:

1. + εκμηθ(η) ω δουλ(ος) τ(ου) θ(εο)υ ηωαννηκη(ς)
μοναχ(ος) ω (και) υ[κο]
2. δομ(ος) (ης)ς την αγ(ιαν) μον(ην) ταυτ(ην) μιν(ος) (του)
ωκτοβρ(ιου) κγ ημερ(α)
3. Γ ορ(α) Γ ετου(ς), ΞΦΠΓ ινδ(ι)κ(τιωνος) Β

¹ Примером рядового надгробия может служить изданное мною греческое надгробие из Алушты («История

В надписи, как видно по ее транскрипции, наблюдается влияние фонетики среднегреческого языка, а именно влияние итацизма, т. е. явления одинакового произношения (как звук «и») ряда букв и дифтонгов: η, ι, υ, ει, οι. Буквой υ передан дифтонг οι в словах εχρηθη — ἐχομήθη, υχοδομος — οἰκοδόμος. Буква η смешивается с ι; это трижды повторяется в имени Иоанникия: ἰωαννης — Ἰωαννίκιος; наоборот, ι поставлена вместо η в слове μινος — μηνός.

Кроме букв в надписи применены и тахиграфические значки. Их три: они изображают предлог εις, артикль род. п. τοῦ и дифтонг ου.

Предлог εις передан тахиграфическим значком, вырезанным над буквой ζ; этот значок является композицией тахиграфической η (= косая, справа налево, линия) с присоединенной к ней внизу тахиграфической сигмой.¹ Следовательно, знак ι, помещенный выше буквы ζ, никак нельзя принимать за букву ι. В данном случае (т. е. во втором слове

и археология средневекового Крыма». М., 1958. С. 156–165). К рядовым надгробиям относятся многие плиты, изданные В. В. Латышевым (Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 24, 73, 88, 89, 91, 95). Несколько рядовых надгробий, из числа недавно найденных, остаются пока неопубликованными (сохраняются в музеях Херсонеса, Бахчисарая, Судака и др.). Все эти надгробия представляют собой небольшие плиты из простого местного известняка. Впрочем, и мрамор в Северном Причерноморье, в частности на Тамани, не является ни особенно редким, ни очень дорогим материалом.

¹ См.: *Церетели Г.* Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. 2-е изд. СПб., 1904. С. 47, 63, 67.

второй строки) резчик, по-видимому, не осмысляя тахиграфического знака (ης — εις), поставил его над излишней здесь буквой ς, хотя значок над нею уже выражал предлог εις.

Также тахиграфическим значком, отчетливо вырезанным над буквой ν в слове μιν(ος), передан артикль τοῦ, определяющий падеж названия месяца — Ὀκτωβρ(ίου). Этот значок состоит из вертикальной черты, оканчивающейся крючком вправо, и двух точек по бокам этой черты: 'Ϛ'.¹

Дифтонг ου встречается в двух начертаниях. Одно — обычная лигатура этих букв (в словах δοῦλος и ἔτους). Другое выражено надписным тахиграфическим значком 'Ϛ, несколько напоминающим букву υ, но, в отличие от нее, округлой формы (артикль τοῦ на первой строке).²

Возможно предположить, что употребление тахиграфических знаков в надписи на камне свидетельствует о том, что резчик либо сам был писцом, либо имел случай изучить греческое письмо на пергамене.

Лигатуры букв надписи обычны и просты. Это вязь букв: Ν и Η (ἡωαννης), Η и Ν (την), Η и Μ (ημερα), Π и Γ (в обозначении года).

Артикль мужского рода дважды обозначен через ω : ω δοῦλος, ω καὶ υκοδομος.³ Любопытным обра-

¹ Ср.: Церетели Г. Указ. соч. С. 105, 124–125.

² Ср.: Церетели Г. Указ. соч. С. XXII и 104.

³ Однако такому выражению артикля мужского р. имеется аналогия на надгробии игумена Никиты 906 г., которое было изготовлено в Партенитском монастыре. Общим с надгробием Иоанникия здесь является ω δοῦλος (5-я строка); кроме того — ω εν ωτω τι μνημη ω θεοφορος πατηρ (8-я строка). — Латышев В. В. Сборник греческих надписей... № 69, табл. VIII.

зом чередуется употребление о и ω : ωκτωβρίου — 'Οκτωβρίου, ορα — ὄρα.

В грамматически правильной транскрипции текст читается следующим образом:

1. + ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Ἰωαννίκιος μοναχὸς
ὁ καὶ οἰκο-

2. δόμος εἰς τὴν ἁγίαν μονὴν ταύτην μηνὸς τοῦ
'Οκτωβρίου κ̅γ̅, ἡμέρᾱ

3. Γ ὥρᾱ Z ἔτους Z̅Φ̅Π̅Z̅ ἰνδικτιῶνος B̅.

Перевод: Почил раб божий Иоанникий монах, он же строитель в этом святом монастыре. Месяца октября 23-го (числа), в день 3-й, в час 7-й, года 6587-го, индикта 2-го.

Аббревиатуры, встречающиеся в тексте надписи, многочисленны, но не замысловаты. Особенно часто отсекаются концы слов, причем без знака сокращения, а способом постановки обрывающей слово согласной над предшествующей буквой или вообще над концом сокращаемого слова. Таковы сокращения слов ἐκοιμήθ(η), δουλ-(ος), μοναχ(ος), ...δομ(ος), μον(ην), ταυτ(ην), ημερ(α), ορ(α)¹. К числу подобных сокращений следует отнести и первую часть слова οἰκοδόμος, расположенную в конце первой строки. Здесь край камня несколько сбит и оттого неразличима выносная буква κ над буквой υ, заканчивающей строку. Это единственный случай частичного дополнения текста в данной надписи.²

¹ Ср.: во введении к цитированной выше книге Г. Церетели. С. VIII–X.

² Чтобы подкрепить чтение слова οἰκοδόμος, разделенного переносом и слегка поврежденного в своей первой части, можно сослаться на два случая написания именно через υ (=οι) слов οἶκον и οἰκεῖν в почти современных надгробию Иоанникия надписях. Это надпись X–XI вв. на

Конечный слог *ος* в имени Иоанникия заменен надписным *ο*; этот прием практиковался еще в первых веках нашей эры и не вышел из употребления и в средние века, являясь одним из немногих пережитков курсива¹.

Способом косо брошенной волнистой линии, пересекающей справа налево нижнюю часть последней выписанной буквы, сокращены слова *αγ(ιαν)*, *οκτοβρ(ιου)*, *ετου(ς)*.²

Почти всегда применяемое сокращение слова *ινδικτιωνος* состоит в том, что даются первые три буквы, пропускается, как правило, четвертая (йота), а признаком сокращения служит особо написанная буква *κ* в виде извилистой линии, проведенной в вертикальном направлении. Подобное начертание произошло от древнего надписного курсивного *κ* и в средневековом письме особенно закрепилось в сокращении *ινδ(ι)κ(τιωνος)*.³

Привычная контракция слова *θεοβ* через титл в виде волнистой черточки вызвала случайную в столь

античной стеле из Херсонеса (см.: *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей... № 12. С. 24: *τὸν οἶχον τοῦτον*) и надгробие игумена Никиты 906 г. из Партенита (там же. № 69. С. 74–77, табл. VIII).

¹ Ср.: *Церетели Г.* Указ. соч. С. 99–101.

² Там же. С. 10.

³ *Церетели* (указ. соч. С. 72–75) определяет букву *κ* в слове *ινδικτιωνος* как «сильно сборчатую линию». В качестве примера сокращения длинного слова *ινδικτιωνος*, присутствующего почти в каждой дате как эпиграфических, так и рукописных текстов, можно указать на надпись 1059 г. из Херсонеса: на последней строке при 6567 г. поставлен 12-й индикт. См.: *В. В. Латышев.* Сборник греческих надписей..., № 8. С. 16. Здесь начертание буквы *κ*, будучи извилистым, напоминает букву *z*.

тщательно высеченной надписи ошибку резчика: после буквы θ он оставил неисправленным буквенный знак, не сходный ни с лигатурой дифтонга ou (эта лигатура представлена в словах $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\tau\omicron\upsilon\varsigma$), ни с буквой υ (она имеется в словах $\epsilon\kappa\upsilon\mu\eta\theta\eta$, $\tau\alpha\upsilon\tau\eta$), которые должны были бы стоять под титлом в сокращении слова $\theta\epsilon\omicron\upsilon$: $\theta\tilde{\upsilon}$ или $\theta\tilde{\upsilon}$.

Из сиглей, то есть условных общеизвестных значков, в надписи есть значок союза $\kappa\alpha\iota$ в виде латинской буквы S (в конце первой строки). Это начертание, как известно, родилось из небрежного курсивного $\kappa\alpha\iota$, когда в скорописи соединилось написание буквы κ со слогом $\alpha\iota$, что и дало в средние века привычный сигль S.¹

Текст надписи делится на две части: 1) собственно содержание — известие о кончине монаха и строителя Иоанникия; 2) подробно выраженная дата.

Чрезвычайно ценной, как для всякого исторического памятника, является вполне сохранившаяся

¹ Ср.: Церетели Г. Указ. соч. С. 79 и 82. Считаем нужным предупредить, что приводимые в данной статье подробности в раскрытии текста и палеографических особенностей единичного памятника, каково надгробие Иоанникия, вызваны тем, что средневековые надписи Северного Причерноморья, не очень многочисленные, но довольно разнообразные, вообще до сих пор редко подвергались тщательному текстуальному и палеографическому анализу. Подобные штудии над отдельными надписями необходимы, на наш взгляд, для того, чтобы постепенно систематизировать средневековые эпиграфические памятники причерноморских областей, установить, насколько возможно, характерные черты как в формулах, так и в палеографии средневековой причерноморской эпиграфики, еще не разработанной в этом отношении.

ся, пространная и точная, допускающая проверку дата надгробия.

Она представлена шестью элементами. В ней указаны по порядку: месяц, его число, день недели, час дня, год и индикт.

Год дается, как было принято в летосчислении Византии и средневековых славянских государств, «от сотворения мира» (ἀπὸ κτίσεως κόσμου), иначе «от Адама» (ἀπὸ Ἀδάμ). 6587 г. надписи соответствует 1079 г. н. э. Однако в данном случае это не 1079, а 1078 г., так как октябрь византийского года, начавшегося с 1 сентября, приходится по современному летосчислению на предыдущий год.¹³ День дается также по средневековому счету, по которому первым днем считалось воскресенье. Следовательно, день 3-й, ἡμέρα τρίτη, соответствует вторнику. По календарю выясняется, что 23 октября 1078 г. действительно приходилось на вторник.¹ Это совпадение доказывает правильность даты надписи. Есть возможность и другой проверки, а именно, проверки согласованности между годом и индиктом. Оказывается, что 6587 г. действительно является годом 2-го индикта, так что дата надписи и в этом отношении верна. В ней в полном соответствии находятся как число месяца с днем недели (23 октября, вторник), так и год с индиктом (6587 г., 2-й индикт). Видна грамотность составителя даты; ее сложность была специфической особенностью над-

¹ Gardthausen V. Griechische Paleographie. Bd. II. 2. Aufl., Leipzig, 1913, S. 450.

² Grumel V. La chronologie. Paris, 1958 (Bibliothèque byzantine. Série «Documents». № 4. Traité d'études byzantines. 1). P. 316: «Calendrier perpétuel».

гробных надписей, в которых нередко фиксировались, помимо месяца, года, и индикта, еще и день и час смерти.

К сожалению, в публикации надписи Иоанникия, изданной академиком В. В. Латышевым, в чтение даты вкралась ошибка. Семерка, обыкновенно выражаемая буквой ζ, вычерчена в надписи в виде особого знака, по-видимому, представляющего собой реминисценцию древнего способа изображения числительных на основе начальных букв их названий.¹ По этой системе семерка изображалась буквой Π (в старинном написании с короткой правой ножкой — Γ), начальной в слове πέντε — пять, с присоединением к этой букве двух единиц: ΓΠ. Видоизменение этих знаков могло дать то обозначение семерки, которое имеется в надписи надгробия Иоанникия — Γ. Таким начертанием здесь обозначено число 7 — в определении часа и в единицах четырехзначного числа года. В. В. Латышев, несмотря на то, что рядом же, при названии числа месяца и дня, четко вырезана буква Γ = 3, не заметил небольшого, но ясного зигзага, продолжающего горизонтальную черту другой буквы, действительно схожей с Γ, и принял то, что обозначает семерку, за тройку. Поэтому он прочел не «час 7-й», а «час третий». Неправильное прочтение часа смерти Иоанникия, конечно, не имеет никакого значения в расшифровке надписи, но точное прочтение года — огромной ценности любого датированного исторического памятника — всегда имеет первостепенное значение. Эта же семерка стоит в лигатуре с буквой Π = 80 в составе числа года. В. В. Латышев не

¹ Gardthausen V. Op. cit. S. 354–355.

заметил этой лигатуры вышеупомянутого, здесь вполне четкого, зигзага и прочел 6580 г., вместо 6587 г. Вследствие своей ошибки он не мог подтвердить соответствия года указанному в надписи индикту и счел ошибкой резчика поставленный в дате индикт 2-й, указав даже, что надо было поставить 10-й индикт.¹ Проверки дня, то есть соответствия 23 октября вторнику, он не произвел, но если бы произвел, то обнаружил бы несогласованность и здесь, так как в 6580 г.² 23 октября приходилось не на вторник, а на воскресенье. Таким образом, В. В. Латышев не мог констатировать полной грамотности составителя надписи и ее даты, но, напротив, напрасно уличил его в небрежности или незнании.

В сообщении о кончине Иоанникия указываются и некоторые, не часто попадающиеся в лаконической речи надписей добавочные сведения. Монах Иоанникий был по профессии архитектором (οἰκοδόμος)³ в том самом монастыре (εἰς τὴν αὐτὴν μονήν

¹ См. названную выше публикацию В. В. Латышева в ИАК (вып. 14. С. 131–133).

² Октябрь 6580 г. соответствует не 1072, а 1071 г. (по современному летосчислению), чего В. В. Латышев также не учел.

³ Οἰκοδόμος (в классическом словоупотреблении) значит именно строитель, зодчий. В дальнейшем, в ранних и последующих средневековых памятниках, это слово встречается не часто. В указателе особенных греческих слов (index graecitatis), приложенном к сочинениям Прокопия (*Procopii Caesariensis. Opera omnia. Recog. J. Haury. Vol. III, 2. Lipsiae, 1913*), отмечено слово οἰχοδομή со значением «строительство» (aedificatio); оно встречается у Прокопия один раз в трактате De aedificiis. I. 1.23. Извест-

ταύτην), в стену которого и была, очевидно, вложена его надгробная плита. Все это ведет к предположению, что Иоанникий, будучи зодчим, быть может, построил монастырь, где был монахом, где умер и был погребен.

Трудно представить себе, что в XI в. на Таманском полуострове могло быть много или хотя бы несколько монастырей. Трудно также предположить, что этот окраинный район Северного Причерноморья, своего рода аванпост степей Восточного Приазовья, областей по Нижней Волге и берегам Каспийского моря, мог быть подходящим местом для основания христианских монастырей. Поэтому монастырь, построенный Иоанникием, скорее всего мог находиться где-либо в городе или около него, причем, вероятно, близ морского побережья, откуда было бы удобно поддерживать связи с крупными церковными центрами Малой Азии, Константинополя, Таврики или Киевской Руси. Таким городом на Таманском полуострове в XI в. была, конечно, Тмутаракань, неоднократно упоминаемая в русской летописи,¹ или Тама-

ный исследователь средневековых греческих терминов, обозначающих должности и специальности в Византии, французский историк Р. Гийан (R. Guiland) сообщил мне, что он, не оспаривая моего понимания слова οἰχόδομος — «зодчий», допускает и более широкое значение: «synonyme de ktistes, fondateur», но отвергает значение устроителя, попечителя, покровителя, распорядителя в монастыре, равно как и значение игумена. См. о термине οἰχόδομος в малоазийских греческих надписях: *Huntton E. Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure // Byz. IV. 1927–1928. P. 108–109.*

¹ Повесть временных лет, под годами 988, 1022, 1023, 1024, 1064, 1065, 1066, 1077, 1078, 1079, 1081, 1082, 1094. — ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. Ленинград, 1926. Повесть

тарха (Ταράταρχα), много раз называемая в византийских «Списках епископий» (Notitiae episcopatum) ряда веков (от VIII до XIV в.¹), в знаменитом трактате Константина Порфирородного, «Об управлении империей»,² в хрисовуле 1169 г. императора Мануила I Комнина,³ на одной из печатей XII в.⁴

Иоанникий мог построить упомянутый в его надгробной надписи монастырь когда-то в течение зрелого периода своей жизни, то есть в течение трех-пяти десятилетий, предшествовавших его смерти в 1078 г.⁵

Примечательно, что как раз для этого времени мы имеем отчетливое свидетельство о построении

временных лет. Ч. I. Текст и перевод. Ч. II. Приложения. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Статьи и комментарий Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950.

¹ См. издания, перечисленные в справочнике: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 2. Aufl. Berlin, 1958. I. S. 463–465; II. S. 297.*

² *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949. P. 182, 186, 284.*

³ *MM. III. P. 35–36.*

⁴ *Bănescu N. La domination byzantine à Matricha (Tmutarokan) en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque des Comnène // Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine. XXII, 2. București, 1941.*

⁵ В надгробных надписях бывает иногда указан возраст умершего. Например, в надгробии Никиты, игумена монастыря в Партените, сообщается, что скончавшийся в 906 г. Никита прожил 53 года (*Латышев В. В. Сборник греческих надписей... № 69. С. 74–77.*)

монастыря именно поблизости от Тмутаракани. В начале 1061 г. туда бежал от гнева киевского князя Изяслава один из наиболее выдающихся политических и культурных деятелей Киевской Руси, основатель русского летописания, Никон. В Киево-Печерском патерике, в той его части, которая содержит биографию игумена Феодосия (она составлена в конце XI в., т. е. почти современна интересующим нас годам), рассказывается, что, когда Никон удалился на «Тмутараканский остров» (так называли Таманский полуостров), он выбрал там хорошее место около города и основал монастырь: «Великий же Никонъ отъиде въ островъ Тмutorоканскій, и ту обрете мѣсто чисто близъ города и сѣдѣ. И Божьею благодатью възрасте мѣсто то, и церковь святыя Богородици възгради на немъ; и бысть монастырь славенъ, иже и донынѣ есть, прикладъ же имый в сей Печерьскій монастырь».¹ Таким образом, источником XI в. засвидетельствовано основание и существование после 1061 г. русского монастыря в Тмутаракани, подчиненного Киево-Печерскому монастырю и, несомненно, связанного с этим значительным культурным и политическим центром Киевской Руси.

Конечно, из сопоставления двух сведений — о строителе монастыря (по-видимому) в Тмутаракани и о построении там же монастыря Никоном — не вытекает категорическое утверждение, что Иоан-

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Памятники славяно-русской письменности, изданные Археологической комиссией, II. СПб., 1911. С. 26 и 151. См. также: *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1930.

нийкий, умерший в 1078 г., построил именно монастырь, основанный Никоном в 60-х годах XI в., но подобное сопоставление закономерно. Что же касается греческого происхождения «ойкодома» Иоанникия (судя по греческому надгробию, он не был русским человеком), то это едва ли может явиться препятствием для нашего предположения. Никон известен как поборник русской ориентации в управлении государством и Церковью, но едва ли бы он отказался от греческого зодчего для постройки своего монастыря, если этот зодчий был искусен, а русского строителя не нашлось.¹ Трудно думать, что в Тмутаракани жили русские мастера любых специальностей, наоборот, греческие могли появляться здесь из Византии и, главным образом, из Херсона. Возможно, что архитектор Иоанникий, построив монастырь, остался в нем монахом до конца жизни, и след его деятельности отразился в надписи его надгробия. Быть может, он принадлежал к кругу лиц, которые были, именно в Тмутаракани, сторонниками или даже сотрудниками Никона в годы его пребывания на черноморских берегах (1061–1067 и 1073–1074).

Время жизни Иоанникия относится вообще к весьма оживленному периоду в истории Таманско-

¹ Ср.: в Киево-Печерском патерике (с. 8 в указанном издании): «О пришествии писцев церковных ко игумену Никону от Царя града. Слово 4-е». Здесь говорится о том, что Никон беседовал о работе по украшению Киево-Печерского монастыря с художниками-греками, которые названы «писци иконнии». Представляется вероятным, что здесь отражен конкретный случай, несмотря на то, что в данном сочинении явно проводилась грекофильская тенденция.

го полуострова. XI столетие — это время русской Тмутаракани. Хронологические рамки упоминания Тмутаракани летописью 988–1094 гг., когда здесь отмечено одиннадцать княжений (считая и повторные) русских, в ряде случаев черниговских, князей. В этот далекий край, расположенный, однако, на чрезвычайно важных международных путях, бежали в силу политических неудач и князья, и другие видные люди. Вместе с внуком Ярослава, Ростиславом Владимировичем, в 1064 г. бежали в Тмутаракань киевский воевода Порей и новгородец Вышата, сын новгородского посадника Остромира. Вышата и его сын Ян определенно входили в группу лиц, включавшую в себя и Никона.¹

Одним словом, на глазах Иоанникия, если только он прожил в Тмутаракани (или, может быть, в Таврике) несколько десятилетий, прошла почти вся история своеобразного русского княжества, удаленного от основных земель Киевского государства и близкого к сфере политики Византийской империи. Вмешательство последней осуществилось, между прочим, всего только через год после смерти Иоанникия, когда в 1079 г. хазары, взяв в плен князя Олега Святославича, передали его из Тмутаракани в Константинополь, откуда он был переслан в заключение на о. Родос.

Возвращаясь к исследуемому нами эпиграфическому памятнику, надо еще раз подчеркнуть, что он возник в гуще известных нам по источникам событий Тмутараканского княжества и потому в

¹ См. статью Д. С. Лихачева в цитированном выше издании «Повести временных лет». Т. II. М.; Л., 1950. С. 57–58, 82–95.

некоторой степени освещается ими или, по крайней мере, должен быть рассмотрен историком на их фоне. Поэтому, по нашему мнению, неверно и во всяком случае недостаточно краткое заключение об историческом смысле надписи Иоанникия, сделанное В. В. Латышевым: «Памятник является весьма интересным дополнением и свидетельством о христианстве в Тмутаракани во 2-й половине XI в.»¹

Средневековых памятников, происходящих с Таманского полуострова и из близких к нему районов, пока немного. Тем не менее плита с надписью Иоанникия может и должна быть поставлена в ряд с ними, преимущественно с одновременными ей. Подобное параллельное рассмотрение оттеняет историческую сущность и значение надписи.

В группе памятников, связанных с Тмутараканью, главнейшее место занимает так называемый «Тмутараканский камень» — знаменитая (находящаяся ныне в Государственном Эрмитаже) надпись князя Глеба, который в 1068 г. измерил по льду ширину пролива между Тмутараканью и Корчевом,

¹ *Латышев В. В.* Эпиграфические повести из Южной России. Находки 1903–1905 гг. // ИАК. Вып. 14. 1905. С. 133. При этом заключении автор ссылается на книгу Макария, архиепископа Харьковского — «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской Церкви», 2-е изд. СПб., 1868 г. Однако здесь говорится только о том, что тмутараканская епархия в начале X в., при Льве VI, уже называлась архиепископией (указ. соч. Ч. I. Гл. III: Церковь в древней Сарматии... а) Следы христианства в Чихии. С. 79–80). «Чихией» Макарий называет кавказскую Сихию.

установив расстояние в 14 тысяч сажень (близкое к действительности).¹

Греческая надпись, Иоанникия и русская надпись князя Глеба хронологически отделены друг от друга всего одним десятилетием и, несмотря на различный «дукт», почерк письма, все же близки по шрифту. Обе написаны хорошим уставом XI в.² с тем различием, что «дукт» резчика надписи Иоанникия характерен большей мягкостью, округлостью рисунка букв, почерк же резчика княжеской надписи более строг, предельно ясен, изобилует четкими изломами линий, производит впечатление монументальности.³

¹ «В лѣто 6576 индиктиона 6 Глѣбъ князь мѣрил по леду от Тѣмutorоканя до Кърчева 10 тысяч и 4 тысячи сажень». См. прекрасные репродукции надписи в статье А. А. Спицина «Тмутараканский камень» (ЗОРСАРАО. Т. XI, 1915. С. 103–132. Табл. X–XI). См. также: *Бертье-Делагард А. Л. Заметки о Тмутараканском камне* // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 55. Симферополь, 1918. С. 45–87.

² Известно, что шрифт надписи князя Глеба сближали с великолепным каллиграфическим письмом Остромира Евангелия, исполненного в 1056–1057 гг.

³ Для сравнения можно рассмотреть некоторые буквы, общие в греческом и в русском написании. Например, буква Д на надписи Иоанникия имеет мягко изогнутую правую хвосту (δοῦλος, δομος, ιδικτιῶνος), на надписи князя Глеба она четко капитальная; то же относительно буквы М. Характерность различия обоих дуктов заметна в начертании дифтонга Ѣ — округлые линии в первом случае (δοῦλος, ѣτος) и энергично врезанные двумя движениями линии во втором (леду, тѣмutorоканя). Бросается в глаза общая черта в написании буквы Ё: сильно вытянутая вправо средняя поперечная линия. Прием

Вообще же в обеих надписях заметна некая общая манера письма, некий общий, понятный в этих областях его стиль и рисунок. Обе надписи, несмотря на разный язык, равно как и на разное содержание и назначение, составляют как бы особую тмутараканскую «эпиграфическую пару».

Не только близки, но даже почти совпадают по времени с надписью Иоанникия интереснейшие экземпляры свинцовых печатей с именем Ратибора — того самого посадника, которого киевский князь Всеволод послал править Тмутараканью в 1079 г., спустя год после смерти Иоанникия.

Эти печати на одной стороне имеют поясное изображение св. Климента (по-видимому, христианским именем Ратибора было имя Климент), на другой стороне трехстрочную надпись: «от Ратибора». Как отметил Н. П. Лихачев, оставивший лучшее до сих пор исследование о моливдовулах, печати Ратибора являются памятниками, единственными в своем роде: во-первых, нет, кроме них, ни одного другого образца, который свидетельствовал бы о послании документа «от» владельца печати; во-вто-

сличения палеографии греческих и русских надписей (только древнейшего периода русской эпиграфики и сфрагистики, то есть XI–XII вв.) оправдывается тем, что иногда на русских надписях наблюдается резко выраженный греческий характер работы. Это особенно понятно в тех случаях, когда русская надпись создавалась в Причерноморье. Ср.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии, I. Ленинград, 1928. С. 103–105 (где автор анализирует русские печати с формулой «Господи помози»).

рых, — «других воеводских или наместничьих печатей неизвестно ни одной ни для XI, ни для XII вв.».¹

До сих пор известны семь экземпляров печатей посадника Ратибора, причем они представляют четыре варианта, т. е. оттиснуты при помощи разных матриц.² Три из этих печатей найдены около Керчи, одна приобретена в Севастополе, остальные же три обнаружены вне Крыма.³ Однако представляется наиболее вероятным, что эти печати относятся к Причерноморью, что они принадлежат к памятникам Тмутараканской Руси, где Ратибор играл заметную политическую роль.

На городище Тамани найдены три серебряные монеты с русской надписью «Господи помози Михаилу» и с изображением архангела Михаила.⁴ Эти монеты с полной вероятностью могут быть отнесены к времени правления в Тмутаракани чернигов-

¹ Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 22–23. Вообще, по-видимому, все памятники, относящиеся к Тамани, отличаются некоторым своеобразием.

² См. изображения печатей Ратибора на таблицах, приложенных к труду Н. П. Лихачева (табл. XLV, № 1; табл. XLVIII, № 8; табл. LIII, № 11). См. также: Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского Нумизматического общества. Т. III. М., 1903. Табл. II, № 15 и 16.

³ Две в Киеве, одна в б. Полтавской губернии. В Народный археологический музей в Софии недавно поступила печать Ратибора, купленная на рынке в Константинополе. См.: Герасимов Т. Два славянских моливдовула XI и XIII вв. // BS. XIII. 1. 1952. P. 93–95.

⁴ Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 144–145, рис. 67, табл. XXVI, № 6. См. еще: Древности // Труды Московского Археологического общества. Т. III. М., 1873. С. 193.

ского князя Олега Святославича, того самого князя-крамольника и друга половцев, которого автор «Слова о полку Игореве» именует Олегом «Гориславичем». Христианское имя этого князя было Михаил. Монеты князя Олега-Михаила могли быть чеканены не в первый его приход в Тмутаракань на короткий срок в 1078 г., незадолго до битвы на Нежатиной Ниве (3 октября 1078 г.), после чего вновь бежавший в Тмутаракань Олег был захвачен хазарами и отправлен в Константинополь (в 1079 г.), а позднее, в период более длительного правления Олега Святославича, вернувшегося «из Грек». Олег сидел тогда в Тмутаракани с 1082 по 1094 гг.

К этому времени можно отнести и еще один памятник, который справедливо считать уникальным. Это — свинцовая печать из коллекции сначала Г. Шлюмберже, затем Н. П. Лихачева, ныне находящаяся в Гос. Эрмитаже.¹ На печати по сторонам

¹ *Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 432–433: Sceau de Théophano Mouzalon archontissa de Russie.* К сожалению, по-видимому, нет сведений о месте находки печати. См.: *Толстой Н. И. О византийских печатях Херсонской фермы // ЗРАО. Т. II (новая серия). СПб., 1887. С. 42, рис. 17, на таблице; Толстой Н. И. и Кондаков Н. П. Русские древности. Вып. IV. 1891. С. 8, рис. 7; Отчет о деятельности Московского нумизматического общества с февраля 1911 г. по февраль 1912 г. Сообщение Н. П. Лихачева «О трех редких моливдовулах» (Нумизматический сборник. Т. II / Под ред. А. В. Орешникова. М., 1913. С. 333–334). Полная сводка сведений об этом любопытном памятнике дана Н. П. Лихачевым (*Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии. Т. I. Л., 1928. С. 136–139, рис. 66).**

медальона с Христом изображены две женские фигуры в длинных одеждах и оттиснута греческая надпись на семи строках; она замечательна тем, что упомянутая в ней Феофанó из византийского рода Музалонов названа «архонтиссой России» (ἀρχόντισσα Ῥωσίας). Х. М. Лопарев, воспользовавшись публикацией Любечского синодика — поминальных списков черниговских князей, находчиво сопоставлял текст: «...князя Михайла Чернѣговского и княгиню его Феофаннѹ»,¹ с текстом надписи на печати² и заключил, что Феофанó, «архонтисса России», была женой тмутараканского князя Олега (Михаила) Святославича («Гориславича»), «архонта России».³ По печати Феофанó устанавливается интересная черта

¹ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий Археографической комиссии. 1882–1884 гг. Вып. IX. СПб., 1893. С. 24.

² κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τη ση δουλη Θεοφανου αρχοντιση Ῥωσίας τη Μουζαλωνση — «Господи, помоги твоей рабе Феофану́, архонтиссе России, Музалониссе». В русской транскрипции имя Феофанó было неправильно переделано в Феофанию, хотя и по надписи на печати, и по записи Любечского синодика видно, что имя архонтиссы было Феофанó (Θεοφανώ), или — в среднегреческой форме — Феофану́ (Θεοφανού). Дательный падеж этого имени в надписи атрофирован (в среднегреческом дательный падеж исчезает раньше других).

³ Лопарев Хр. Византийская печать с именем русской княгини // ВВ. I. 1894. С. 159–166. В заметке Н. И. Репникова «О древностях Тмутаракани» (Труды секции археологии. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. IV. М., 1928. С. 437–441) упомянута найденная на Кубани свин-

причерноморской географической (и политической) терминологии: византийцы называли Тмутараканскую Русь XI столетия «Россией» — Ῥωσία¹.

Таков круг памятников, связанных с Тмутараканской Русью, в число которых по праву должна быть введена и рассмотренная выше плита с надписью о смерти Иоанникия.

Повторяем, что при анализе вопроса об историческом значении или, вернее, об историческом месте надписи византийского архитектора Иоанникия, необходим осторожный учет всех, неизбежных при неполноте материала, оговорок. При их соблюдении все же допустимы следующие заключения:

Монах и зодчий («ойкодом») Иоанникий был современником и, возможно, также свидетелем активности и политического преобладания русских в Тмутаракани. Весьма вероятно, что он был строителем русского монастыря, основанного Никоном около этого города после 1061 г. Он мог принадлежать к кругам, близким Никону, и, следовательно, участвовать в политической и общественной деятельности Никона, пользовавшегося, по-видимому,

цовая печать с греческой надписью и именем «архонта Михаила». Н. П. Лихачев, говоря об этой же печати, приводит текст надписи, в котором нет термина «архонт»; владелец печати определен как «севаст». Нельзя не присоединиться к мнению Н. П. Лихачева о том, что севаст Михаил не соответствует князю Олегу Святославичу («Гориславичу») (*Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 141–143. Табл. LI, № 1).

¹ Ср. хрисовул императора Мануила I Комнина от 1169 г. (ММ. III. Р. 35–36).

популярностью среди населения тех мест.¹ Он мог быть свидетелем и писательской деятельности первого русского историка, потому что естественно возникает вопрос — не в стенах ли своего монастыря, воздвигнутого, быть может, Иоанникием и с 1078 г., сохранявшего плиту с памятной надписью о его смерти, занимался Никон будущей русской летописью, фиксируя причерноморские события времени своего пребывания в пределах Тмутараканской Руси?

В силу всего вышесказанного плита с надписью Иоанникия, датированная и хорошо сохранившаяся, должна быть отныне признана важным историческим памятником. Этот памятник служит новым свидетельством о взаимных связях, отражает один из моментов взаимовлияний между Русью и Византией. Таким образом, его исследование (как бы ни был скромнен вопрос о надписи зодчего Иоанникия) может быть включено в общее изучение крупной проблемы об исторических связях между славянскими странами и Византийской империей.²

¹ Мнение об авторитетности и о популярности Никона среди жителей Тмутаракани основывается на том факте (см. Киево-Печерский патерик. С. 33), что ему было поручено («умолен бысть от людей тех») просить черниговского князя Святослава послать его сына, Глеба, на княжение в Тмутараканскую Русь; это было после смерти князя Ростислава Владимировича, отравленного в Тмутаракани византийским катепаном в 1066 г. (ср. статью Д. С. Лихачева к изданию «Повести временных лет». Т. II. С. 57, 85).

² Состояние исследований, посвященных этой важной проблеме, было специально рассмотрено участниками конференции византинистов, происходившей в Праге 28/X-2/XI 1957 г.

Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.)*

Важнейшее значение в системе широко раскинутых водных торговых путей Средиземноморья имела в XIV в. Тана, лежавшая на левом берегу древнего Танаиса — Дона, при его впадении в Азовское море.¹ Эту средневековую итальянскую колонию отличало исключительно выгодное географическое положение: она глубоко вдавалась в территорию Юго-Восточной Европы и водные пути по Средиземному, Черному и Азовскому морям через Тану ближе всего подходили к Поволжью. Поэтому Тана стала транзитной станцией на одном из главных путей европейской торговли с Востоком: она непосредственно соприкасалась с обширной областью степей и с Золотой Ордой, а через эти степи шла дорога к городам на Нижней Волге и к берущим отсюда начало длиннейшим сухопутным ма-

* Печатается по изданию: Византийский Временник. № 35. 1973.

¹ Очерк истории Таны XIV—XV вв. см. в кн.: *Скрябинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 29—64; *Škržinskaja E. И.* Storia della Tana // Studi Veneziani. Т. X. Firenze, 1968. P. 1—55.

гистральям в регионы Средней и Дальневосточной Азии.¹

Тана — преимущественно венецианская колония, хотя уже в XIV в. там имели свой квартал и генуэзцы. Однако для венецианцев Тана была единственной крупной восточной станцией, тогда как главной базой генуэзцев в Северном Причерноморье всегда оставалась Каффа (Феодосия) — большой укрепленный город с прекрасной бухтой — и значительная часть крымского побережья с крепостями Солдайей (Судак) и Чембалом (Балаклава). Венецианцы, несмотря на упорные усилия, не смогли обосноваться ни в одном из крымских портов: татары не допустили их в Солдаю, а предоставленная им небольшая гавань Провато (близ Каффы) не соответствовала их — венецианцев — торговым интересам.² Они были вынуждены отказаться

¹ Как известно, подробное описание пути из Таны в Китай (Gattaio) до Пекина (Canbalecco) сделано знатком средневековой восточной торговли — флорентийцем XIV в. Франческо Бальдуччи Перолотти: *Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della mercatura* / Ed. by Allan Evans. Cambridge, Mass., 1936. P. 21–23.

² Генуэзцы имели явное преимущество в Крыму, но венецианцы, хотя и не непрерывно, держали своих консулов как в Солдае, так и в Каффе. Это, однако, не означало, что венецианцы имели от татар право на данные места — такого права они добились только в Танае. Сведения о венецианских консулах в Крыму (в конце XIII в. в Солдае, в XIV–XV вв. в Каффе) см.: *Thiriet Fr. Délibérations des assemblées vénitiennes concernant la Romanie*. T. I. Paris, 1966. P. 55 (rubr. 124). P. 60 (rubr. 144). P. 67 (rubr. 176, 178). P. 221–222 (doc. 572–574), а также: *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини... С. 191 и 213.

от намерения иметь, подобно генуэзцам, прочную станцию в Таврике и сосредоточили свою деятельность на Азовском и Черном морях, с одной стороны в Танае, а с другой — на малоазийском побережье, в Трапезунде. Таким образом, несмотря на присутствие генуэзцев, Тана была преимущественно колонией Венецианской республики.

Не в пример генуэзским колониям в Крыму, изобилующим историческими памятниками — архитектурными, археологическими и большой группой эпиграфических,¹ от средневековой Таны не сохранилось следов ее прошлого (если не считать незначительных остатков крепостных ворот).² К тому же на месте итальянской Таны (иначе — татарского Азака) ныне расположен город Азов, что, конечно, препятствует проведению систематических раскопок.

Единственным пока памятником реальной Таны XIV в. является мраморная надгробная плита 1362 г.

В 1889 г. в Азове при прокладке водопроводных труб нашли на дне канавы несколько обломков

¹ *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // *Atti della Società Ligure di storia patria*. V. 56. Genova, 1928; *Скржинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // *История и археология средневекового Крыма*. М., 1958. С. 155–175 (то же на итальянском языке: *Skrzinskaja E.* Iscrizioni genovesi di Sudak // *Miscellanea storica ligure*. Vol. III. Milano, 1963. P. 57–67).

² В 1935 г. около ворот были произведены раскопки экспедицией Ростовского областного бюро охраны памятников. См.: *Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения под редакцией В. В. Гольмстен*. М.; Л., 1941. С. 206–208.

мраморной плиты. Будучи сложены, они составили высокую стелу (ее размеры 184х92х9 см) с высеченной на ней латинской надписью и со следами изображения герба. Этой плитой, как видно из текста надписи, было отмечено место погребения консула Таны Якопо Корнаро, скончавшегося в августе 1362 г.

В 1890 г. по решению Археологической комиссии в Азове были произведены раскопки на том самом участке, где за год до того нашли плиту Корнаро.¹ Здесь обнаружили глубоко вбитые в землю сваи, которые служили для укрепления фундаментов каменных построек. Подобный прием при возведении домов в Танае был обязателен ввиду заболоченности почвы: в документе 1333 г. о застройке отведенной татарами для венецианцев территории указывалось на необходимость повысить уровень строительной площадки и укрепить фундаменты сваями.²

Вокруг частично сохранившегося фундамента здания (вероятно, это была церковь) лежали человеческие скелеты и разрозненные кости, а также попадались обломки мраморного карниза грубой работы. По-видимому, раскопки открыли местное кладбище или следы погребений привилегированных лиц, которых обычно хоронили близ стен храма. В связи с этими наблюдениями археологи сочли возможным утверждать, что плита с надписью консула Корнаро вплоть до раскопок XIX в. оставалась

¹ Отчет Археологической комиссии за 1890 год. СПб., 1893. С. 40–44.

² *Diplomatarium Veneto-Levantinum*. T. I. Venezia, 1870. P. 243–244. Doc. 125, a. 1333.

на своем первоначальном месте. Добавим только следующее: толщина плиты незначительна (9 см), и потому едва ли она лежала на могиле: более вероятно, что эта довольно тонкая стела была вделана в стену церкви над местом погребения консула.

После раскопок все фрагменты плиты — они сохранились до нашего времени, их всего девять, — были переданы в Донской войсковой музей в Новочеркасске; ныне плита Корнаро хранится в том же городе, в Музее истории донского казачества.

Найденное более 80 лет назад надгробие Якопо Корнаро никогда не исследовалось и не было научно издано. В связи с его находкой о нем были лишь краткие сведения в уже упомянутом Отчете Археологической комиссии за 1890 г., где сообщалось о раскопках в Азове, на месте этой находки. Кроме того, небольшая заметка редакции о плите Корнаро, основанная на материале, который был доставлен есаулом Х. И. Поповым, известным краеведом Ростовской области (ум. в 1925 г.), помещена в «Трудах XII Археологического съезда в Харькове»;¹ транскрипция надписи сделана неумело и страдает неточностями. Никогда не публиковалось и изображение самой плиты Корнаро, но была сделана приблизительная прорись надписи, приложенная к «Отчету Археологической комиссии»² и повторенная в «Альбоме рисунков» из отчетов той же комиссии³ (о дефектах прориси см. ниже).

¹ Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. Т. II. М., 1905. С. 519.

² Отчет Археологической комиссии за 1890 год. С. 41, рис. 20.

³ См.: Отчеты Археологической комиссии за 1882–1898 гг. СПб., 1906 (далее — Альбом). С. 23, рис. 127.

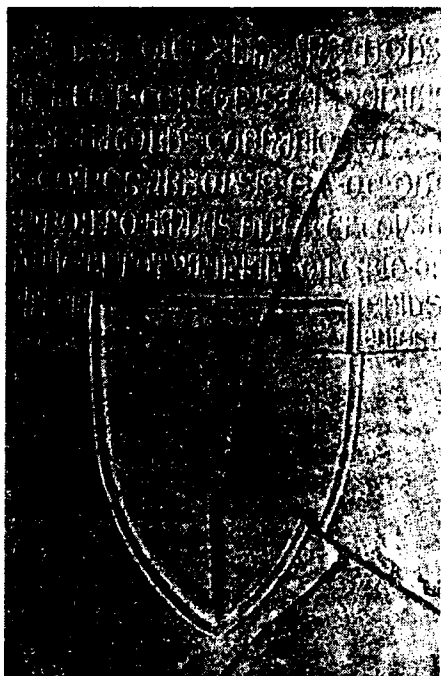

Рис. 1. Надгробие Якопо Корнаро в Тане. 1362 г.
Музей истории Донского казачества, Новочеркасск.

В наше время о плите Корнаро упомянул в популярной книжке историк и археолог Нижнего Подонья Б. В. Лунин, приведя текст надписи в русском переводе; перевод, к сожалению, неполно и неточно передает слова и стиль эпитафии XIV в.¹

¹ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья и Приазовья. Кн. I. От древнейших времен до XVII столетия. Ростов-

Существует неплохое изображение плиты Корнаро, отпечатанное с фотографии для каталога экспонатов Новочеркасского музея. Этот каталог, составлявшийся Х. И. Поповым, остался незаконченным; он сохранился в виде несброшюрованных немногих таблиц и пояснений к отдельным из них; пояснение к плите 1362 г. не было, по-видимому, написано.

Надгробие Якопо Корнаро с его довольно пространной, содержательной и представляющей интерес для историка надписью заслуживает как научного анализа, так и соответственного опубликования.

Надгробная надпись Корнаро расположена на 8 строках; две последние строки пересечены верхней частью герба, спускающегося заостренным концом значительно ниже текста. Поверхность плиты под гербом оставлена гладкой, без букв или изображений.

Общий вид надписи красив и изыскан. Он свидетельствует об искусстве резчика, о его уверенной манере, его твердой, умелой руке. Линии строк безупречно прямые, буквы отстоят друг от друга на равных расстояниях (кроме, конечно, лигированных пар букв) и одинаковы по высоте (около 4 см); слова разделены точками.

Письмо определяется как известный, широко распространенный в Северной и Средней Италии, вполне выработанный в своих лучших образцах эпи-

на-Дону, 1949. С. 162. По сообщению нынешнего директора Музея истории донского казачества в Новочеркаске, русский перевод надписи, цитируемый Б. В. Луниным, был сделан «императорским российским консулом в Венеции» (по-видимому, вскоре после помещения плиты в музей).

графический шрифт. Он сформировался в XIII в., господствовал в течение всего XIV в. и отчасти применялся в начале XV в. Его можно изучать на множестве памятников: по надписям на постройках, на предметах прикладного искусства, на надгробных плитах, уцелевших в средневековых церквях итальянских городов. При разном уровне техники и художественности исполнения это эпиграфическое письмо обычно повторяло установившиеся формы как в дукте отдельных букв, так и в общем виде шрифта.

Рисунок букв выдержан; есть варианты, но они редки. Например, две формы *g*: округлая или заостренная внизу (*egregius*, *Gaçarie*); две формы *t*: обычная капитальная или со спускающимися до нижней строки боковыми элементами перекладина (*iacet*, *mandato*, *requiescat*); две формы *u*: обычная или подобная *v* (*ducali*, *totum*, *egregius*). Изысканы слегка спускающиеся под строку тонкой загнутой линией правые элементы букв *h* (слово *hic*), *m* (*comes*), *n* (*consul*). Типичны для эпиграфического письма XIV в. в Италии формы букв *e* (закрытое *e* — *die*, *iacet*), *l* (поднятое почти до верхней строки — *consul*, *nobilis*, *honorabilis*, *ducali*), *m* (с изогнутыми боковыми элементами — *comes*, *mandato*).¹

Повторяем, что до сих пор не опубликована ни одна фотография плиты с надписью 1362 г., но издана только рисованная от руки копия надписи (без сопровождающего исследования).² Эта прорись, к

¹ Отметим, что на большинстве итальянских надписей XIV в. буква *s* обычно бывает тоже закрытая, но в шрифте надписи Корнаро она везде открытая.

² Отчет Археологической комиссии за 1890 год. С. 41, рис. 20 (прорись); Альбом. С. 23. С. 127 (повторена та же прорись).

сожалению, искажает строгий и точный рисунок букв: на ней они кажутся выведенными нетвердой, дрожащей рукой; там, где в оригинале прочерчены тонкие, почти волосные линии, в прориси они даны грубовато, с излишними выходами за пределы строки, отчего нарушается ровность строк, придающая надписи аккуратность и элегантность. Общий вид письма на прориси получается как бы «растрепанный», лишенный ясности и твердых красивых линий.

Приводим свою транскрипцию надписи Якопо Корнаро:

1. MCCCLXII · die · XVIII · mensis · augusti
2. hic · iacet · egregius · et · nobilis
3. vir · dominus · Iacobus · Cornario · honorab
4. ilis · comes · Arbensis · et · de · duca
5. li · mandato · ambasi · ator · et · consul
6. in · Tana · et · per · totum · imperium · Gaçarie · qui
7. obiit · anima · cuius · in
8. pace · requiescat

П е р е в о д:

1. В 1362 году, в день 18-й месяца августа.
2. Здесь лежит превосходный и благородный
3. муж, господин Иаков Корнарио, достопочтен-
ный
4. граф Арбский и по мандату
5. дожа посол и консул
6. в Тане и во всей империи Газарии. Он
- 7-8. умер, да упокоится душа его в мире.

Относительно герба, замыкающего текст эпитафии, трудно что-либо сказать, так как его поверх-

ность сглажена (или же резчик не успел ее заполнить). Незаконченный герб представляет собой щит, разделенный на две половины вертикальной линией: это так называемый — в итальянской геральдике — *scudo partito*.¹ В верхнем углу правой половины щита² видны намеки на какое-то, теперь едва заметное украшение (цветок или часть короны?). Род Корнаро — один из виднейших в Венеции — делился на пять ветвей; каждая из них имела свои особенности на гербе. Герб Корнаро действительно был *scudo partito*, как это и показано на плите 1362 г., причем половины его должны были быть золотой и лазоревой. На одной из разновидностей герба Корнаро, относящегося к ветви этого рода, изображалась корона, расположенная на обеих половинах щита.³ Может быть, такой именно герб и должен был украшать надгробие Якопо Корнаро.

Вернемся к тексту эпитафии. Он не совсем похож на текст надписей обычных надгробных плит, которые нередко встречаются на территории итальянских колоний, например, в Крыму. Они в большинстве своем относятся к рядовым людям и, как правило, кратки, не содержат ничего, кроме имени умершего (известного в течение некоторого времени жителям поселка, где он умер, или его соседям по городской улице) и традиционных слов об «упо-

¹ См., например: *Guelfi Guelfo*. Vocabolario araldico ad uso degli italiani. Milano, 1897. (Manuali Hoepli), № 662: «*scudo partito — diviso per metà da una linea verticale passante per il centro*».

² Правая и левая стороны определяются в геральдике не от зрителя, а от герба.

³ *Rietstap J.-B.* Armorial général précédé des termes de blason. T. I. 2-e éd. Gouda, 1884. P. 463.

коении» его души; на подобных «памятниках» почти никогда не ставили даты смерти. Такова среди других надписей надгробия некоего Иоанна Робеллы: *Hic iacet Iohannes Robella, cuius anima requiescat in pace*.¹ Эпитафия консула-посла Якопо Корнаро также имеет два указанных элемента (имя и заупокойную формулу), но, кроме них, содержит еще и другие сведения, ценные для современного историка; это — хронологическая дата и несколько определений умершего, переданных точно и даже с подробностями. Поэтому надпись Корнаро, правителя Таны и полномочного представителя Венецианской республики — ее посла, — отличается чертами официальности и парадности, что еще усиливается ее тщательным исполнением.

Из расширенного, хотя и традиционного, текста эпитафии (дата, эпитеты, почетные титулы и служебные звания, заключительная формула) наибольший интерес, кроме даты, всегда имеющей существенное значение, вызывает имя умершего со всеми его определениями.

Несколько слов о Якопо Корнаро. Он принадлежал к одному из знатнейших и древнейших домов Венеции — *Cornario*, *Cornaro* или *Cornet*. Через три года после смерти Якопо один из представителей его рода, Марко Корнер, стал дожем (1365–1368); сам Якопо назван *egregius et nobilis vir* и носил титул графа Арбского, *comes Arbensis*.² Политической дея-

¹ *Skržinska E. Inscriptions ... P. 97. № 35.*

² *Arbe* (или *Раб* — на сербско-хорватском языке) — небольшой остров в заливе Кварнеро у северной части далматинского побережья близ острова *Cherso* (Црес) и *Veglia* (Крк).

тельностью он занимался, с одной стороны, как консул Таны, с другой — в качестве посла, избранного, как полагалось, венецианским Большим советом и утвержденным мандатом дожа (*de ducali mandato*).¹

Именно эти сведения, сообщаемые эпитафией из Таны, — о консульстве и одновременно о миссии посла, — могут быть освещены благодаря соответствующим письменным источникам.²

Деятельность Якопо Корнаро в связи с его двойным назначением — консулом в Тану и послом в Золотую Орду — протекала в атмосфере еще не вполне налаженных отношений с татарами после войны 1350–1355 гг. между Венецией и Генуей. По мирному договору обе республики обязались не посылать своих кораблей к берегам Черного моря в течение трех лет. Срок истек в июле 1358 г., но уже в марте этого года венецианский сенат вынес решение о необходимости направить (пока предварительно) к татарскому хану двух послов, которым надлежало добиваться немедленного возобновления договора о территории Таны и прежних привилегий для венецианских купцов, а также восстановления свободной торговли в татарских областях и безопасности передвижения по степям. Были избра-

¹ Дожем был тогда Джованни Дольфин (1356–1361).

² Имеются в виду постановления венецианского сената, касающиеся Романии, т. е. венецианских колоний в Восточном Средиземноморье и на берегах Черного и Азовского морей. Содержание этих документов в виде достаточно подробных регест представил в своем издании французский ученый Фр. Тирье: *Thiriet Fr. Régestes des déli-bérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, I–III. Paris, 1958–1961 (далее — *Thiriet*, номер и дата документа).

ны и согласились на подобную миссию Джованни Кверини и Франческо Бон; они получили от своего правительства сначала «комиссию» (*comissio*), т. е. инструкцию относительно их действий при золото-ордынском дворе и переговоров с ханом, а перед самым отъездом им был вручен так называемый «синдикат» (*sindicatus*), т. е. официальный документ, подтверждающий их посольские полномочия. Весной 1358 г. они отбыли в Тану, откуда обычно начинался путь в ханскую ставку.¹

Переговоры венецианских послов с ханом были, по-видимому, успешны, потому что правительство республики, стремясь не пропустить срока окончания перерыва плаваний в Тану, поторопилось послать туда первого — после войны 1350–1355 гг. — консула. Им стал Пьетро Каравелло, которому поручили восстановить Тану как важнейшую колонию в системе венецианской торговли. Ему было разрешено истратить 80 соммов на постройку консульского дома: вероятно, в Тане за три года затишья в торговле подверглись разрушению здания, принадлежавшие венецианцам.²

Лишь только наладились дела, в Венецию пришло известие об убийстве хана Бердибека (в 1359 г.) При вступлении на престол нового хана полагалось возобновлять все договоры, касавшиеся торговли на территории Татарии, и потому венецианский сенат постановил немедленно направить двух послов к новому правителю Золотой Орды. Однако не нашлось ни одного человека, который согласился бы

¹ *Thiriet*. Doc. 324, a. 1358, Mart. 22; doc. 325, a. 1358, Apr. 12–22.

² *Ibid*. Doc. 335, a. 1358, Iul. 20.

ехать туда послом. Сенат, чтобы преодолеть это затруднение, решил поручить миссию посла вновь назначенному очередному консулу Таны. На время поездки в ханскую ставку консул должен был оставить в Тане своего заместителя — вице-консула.¹ Консулом-послом и оказался Якопо Корнаро.

На страницах сохранившихся в архивах до нашего времени многочисленных томов регистров, содержащих постановления венецианского сената, нет текста документа о назначении именно Якопо Корнаро консулом в Тану, хотя серия регистров, известная под архивным названием *Misti*, включает интересующие нас годы: это регистры № 29 и 30 за период с апреля 1359 по апрель 1363 г.²

Можно предположить, что имя Якопо Корнаро вовсе не было названо в соответствующих документах (либо эти документы затерялись), потому что его кандидатура определилась только в последний момент и подготовка документов (посольской «комиссии» и посольского «синдиката») происходила в самом спешном порядке. Текст анализируемой эпитафии дает возможность историку узнать, внести в историю дипломатии имя человека, согласившегося взять на себя трудную и — судя по политической обстановке в Орде — опасную роль посла в глубинах донских и волжских степей вместе с постом консула в столь же нелегких условиях жизни

¹ *Thiriet*. Doc. 355, a. 1360, Ian. 14; doc. 358, a. 1360, Febr. 27; doc. 363, a. 1360, Maii 21 (эти три документа отражают историю назначения Якопо Корнаро послом к новому хану Золотой Орды).

² О серии регистров, именуемых *Misti*, см.: *Thiriet*. T. I. P. 10–11.

в Тане. В этом тексте ясно сообщается об официальном положении умершего, который являлся одновременно и послом Венецианской республики, и консулом одной из наиболее ценных ее колоний. Можно даже думать, что случай подобного «удвоения» дипломатической миссии венецианского представителя в степях Приазовья и Подонья был первым в практике Венеции. Несколько лет спустя, в 1369 г., эта практика была повторена; сенат решил поручить отбывающему в Тану очередному консулу в течение четырех месяцев после прибытия в колонию отправиться послом в Орду. В постановлении сената специально указывалось — по-видимому, на основе опыта с Якопо Корнаро, — что консул будет носить звание «посла и консула»;¹ судя по всему, именно это впервые употребляемое официальное определение, причем в полной, развернутой форме, и выражено в эпитафии Корнаро.

Направление «посла и консула» в далекие восточные страны, где царили весьма запутанные политические отношения, конечно, требовало от него дипломатического искусства. В связи с этим надо отметить, что не только отбираемые для Таны консулы, не говоря уже о послах к татарским ханам, но и проживавшие или временно задерживавшиеся в Тане купцы, люди, закаленные в самых рискованных путешествиях,² были вполне осведомленными в международных делах политиками, которые при надобности становились и дипломатами.³

¹ *Thiriet*. Doc. 467, a. 1369, lun. 3.

² Из числа этих купцов избирался в Тане Совет 12, состоявший при консуле.

³ Наиболее ярким примером купца и дипломата был в XV в. венецианец Иосафат Барбаро, занимавшийся в

Нельзя не подчеркнуть здесь же, что Тана в силу своего географического положения находилась не только на непосредственном продолжении морского пути, соединявшего Венецию с Византией, но и в орбите самого Константинополя. Отсюда проистекал еще бóльший политический опыт людей, деятельность которых развертывалась в Северном Причерноморье и в Приазовье. К числу таких политических и торговых деятелей венецианской экспансии на средиземноморский Восток принадлежал, несомненно, и Якопо Корнаро.

В какой же политической обстановке пришлось действовать этому «послу и консулу»? Что происходило в Золотой Орде в 50–60-е годы XIV в.?

Известно, что при уже сложившейся монгольской империи (а она протянулась от берегов Желтого и Японского морей до Северного Причерноморья и Поднепровья) западная ее часть, так называемый Улус Джучи,¹ иначе — Золотая Орда, во второй половине XIII в. стала крупным самостоятельным государством. К началу XIV в. она разделилась на две Орды, причем более западная из них, охватывшая половецкие степи (Дешт-и-Кыпчак), Северное Причерноморье (с Крымом), Северный Кавказ, Поволжье (с Булгаром), и стала той собственно Золотой Ордой, сведения о которой весьма значительны в русских летописях.

Тане торговлей в течение 16 лет подряд, а в старости ездивший послом в Персию к Узун-Хасану с труднейшим дипломатическим поручением своей республики. См.: *Скржинская Е. Ч.* Барабаро и Контарини... С. 64–85.

¹ По имени Джучи, старшего из четырех сыновей (от главной жены) Чингисхана.

Феодално-кочевое государство Золотой Орды за три столетия (XIII–XV вв.) пережило в довольно быстрых темпах периоды становления и начального роста, краткого расцвета, а затем ослабления и падения.¹ В 1236 г. завоевание монголами основной части Улуса Джучи, а именно всего Дешт-и-Кыпчака, было закончено, и во главе нового государства стал его основатель, сын Джучи и внук Чингисхана — Бату, или Батый (1236–1256). А уже с конца 50-х годов XIV в. начался распад Золотой Орды.

Итальянские купцы появились и крепко обосновались в Северном Причерноморье, несомненно, благодаря тому, что уже первые золотоордынские ханы (Батый, его брат Берке и др.) в XIII в., а за ними и ряд ханов XIV в. хорошо понимали, какое значение для их государства может иметь международная торговля на его территории и насколько крупным окажется постоянный приток денежных средств в их казну от повсеместного — особенно в

¹ О политической, социально-экономической и отчасти культурной истории Золотой Орды в советской историографии имеется серьезная книга, крайне полезная для историков различного профиля (специалистов по Древней Руси, Византии, Италии, Северному Причерноморью и Кавказу): Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. А. Ю. Якубовским написаны введение, ч. I (о сложении и расцвете Золотой Орды) и ч. III (о ее падении), что составляет более трех четвертей всего труда. Б. Д. Грекову принадлежит ч. II (об отношениях между Русью и татарами). Солидным исследованием является и монография В. Шпулера: *Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223–1502)*. Leipzig, 1943 (далее — *Spuler B.*).

морских портах. — взимания той или иной торговой пошлины (коммеркия). В течение второй половины XIII в. и большей части XIV в. правительство Золотой Орды активно поощряло торговлю в пределах своих владений, выдавая привилегии иностранным купцам и предоставляя в их распоряжение различные удобные для торговых целей населенные пункты (или же места для основания таковых) на золотоордынской земле.

Период процветания Золотой Орды и усиленного покровительства ее правителей городам и торговле связан с именами знаменитых ханов первой половины XIV в.¹ Их имена (хотя и искаженные порой как в итальянских, так и в русских источниках) были хорошо известны в Италии. Правительства итальянских городских республик, в первую очередь Генуи и Венеции, а также ректоры их колоний в Константинополе неустанно следили за политикой правителей Золотой Орды, за их раздорами, за их международными связями. В Венеции и дож, и Большой совет, а особенно сенат как центр руководства внешней политикой республики регулярно занимались организацией посольств в Золотую Орду.² По преимуществу послам поручалось при переговорах с ханами посредством просьб и поднесения подарков укреплять, а в случае конфликтов налаживать положение торговых колоний, размещавшихся на территории Орды, и особенно

¹ Тохта (1290–1312); Узбек (1313–1342); Джаныбек (1342–1357); Бердибек (1357–1359).

² *Thiriet*. Doc. 138, a. 1342, Mart. 16; doc. 169; a. 1344, Apr. 28; doc. 201, a. 1347, Jun. 19; doc. 203, a. 1347, Jul. 14; doc. 248, a. 1350, Aug. 28.

добиваться привилегий для купцов, главным образом в области торговых пошлин, влиявших на уровень барышей. Как правило, татары брали самую низкую пошлину с генуэзцев, фактических хозяев торговли в Константинополе и в Крыму. Венецианцы же платили более высокий коммерческий. Подобное «худшее» положение в международной торговле не соответствовало престижу их богатой и могущественной республики перед лицом ее соперницы — Генуи.

К концу 50-х—началу 60-х годов XIV в., т. е. ко времени посольского путешествия Якопо Корнаро в Тану и в татарские степи, политическая обстановка в Золотой Орде резко изменилась. До сих пор жизнь этого государства, хотя и нарушалась иногда феодальной рознью, протекала в рамках достаточно твердой власти хана, признанной на всей относительно прочно объединенной территории. Но после смерти хана Джаныбека (в 1357 г.) к концу недолгого правления его сына Бердибека (до 1359 г.) все расстроилось: началась повсеместная усобица.

Как известно, весьма богатым источником (порой даже единственным), снабжающим нас сведениями по истории Золотой Орды, являются русские летописи.¹

¹ Следует тут же отметить, что, кроме летописей (преимущественно для уточнения неясной хронологии истории Золотой Орды), надежным источником служат дошедшие до нас золотоордынские монеты, которые чеканились в различных пунктах татарских владений, соответствующих передвижениям ханских ставок: в Сарае, Гюлистане, Булгаре, Азаке (т. е. в Азове, Тане), даже в персидском Тебризе (когда он был временно захвачен ханом Джаныбеком). Ср.: *Spuler B. S.* 112–121; см. также: *Греков Б. Д.* и *Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 264–265, 271, 274–280 и др.

Для интересующего нас периода существенные сообщения содержат: Троицкая и Никаноровская летописи, Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., Московский летописный свод конца XV в. и, конечно, обнимающая громадный материал ряда предшествовавших ей летописей Никоновская (иначе Патриаршая) летопись.¹

На страницах обширных летописных текстов в описаниях событий второй половины XIV в. стало часто появляться выразительное слово «замятия», т. е. мятеж, раздор, распря, усобица. Таким образом термином летописцы определяли комплекс явлений беспокойного, полного неопределенности и опасностей времени в условиях либо весьма ослабевшей ханской власти, чуть ли не безвластия, либо дробления ее в среде жестоко враждующих между собой уже не единовластных золотоордынских ханов, а ханов мелких, можно сказать — местных, сидевших на шатких тронах весьма краткие сроки.

¹ Названные летописи изданы в следующих томах Полного собрания русских летописей (ПСРЛ): Никаноровская летопись и Сокращенные летописные своды — Т. 27. М.; Л., 1962; Московский летописный свод — Т. 25. М.; Л., 1949; Никоновская летопись — Т. 10. М., 1965 (воспроизведение с издания 1885 г.). Оригинал Троицкой летописи сгорел в пожаре 1812 г. в Москве. Эта летопись является существенным источником для истории XIV в.; ею — до ее гибели — пользовался Карамзин, когда писал «Историю Государства Российского». В примечания к «Истории» Карамзин вносил отрывки подлинного текста Троицкой летописи. При помощи этих выписок Карамзина и материалов некоторых других летописей М. Д. Приселков реконструировал текст Троицкой летописи: *Приселков М. Д. Троицкая летопись (реконструкция текста)*. М.; Л., 1950.

Впервые в летописях о «замятне» в Орде для этого периода сообщается под 6865 г. (=1357 г.) в связи со смертью хана Джаныбека, которого убил его сын и соперник Бердибек: «замятня доспела (настала, приключилась) в Орде», «в Орде тогда замятня была велика», «в то время возсташе вражда и замятня велия в Орде», «замятня во Орде не преста, но паче воздвижашеся».¹ Претенденты на ханский престол убивали предшественников и сами, пробыв у власти немного времени (иногда даже только несколько дней), оказывались жертвой следующих претендентов: «бысть в Орде мятеж силен, мнози цари побиени быша, и царици, и царевичи, и рядци (советники) иссекошася межи себе».² За двадцатилетие с 1360 по 1380 г. (после чего воцарился Тохтамыш) сменилось 25 ханов.³

В раздираемой «замятней» столь еще недавно сильной татарской державе участились случаи тиранического захвата власти опиравшимися на достаточно многочисленное войско крупными военачальниками — эмирами или нойонами. Особенно яркой фигурой был темник Мамай, властвовавший в татарских степях в течение двух десятков лет (1361–1380). Не являясь представителем династии Чингисхана, он неизменно держал при себе «подставного» и, конечно, бессильного хана-марионетки только по той причине, что тот был чингисид по

¹ Троицкая лет. С. 376; Моск. свод. С. 180; Никон. лет. С. 229; ср.: Никанор. лет. С. 66; Сокращен. своды. С. 241 и 326.

² Никанор. лет. С. 66; Моск. свод. С. 181; Никон. лет. С. 232.

³ Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 272.

рождению и потому мог законно сидеть на престоле потомков Джучи.

Одним из следствий «замятия» в Орде были постоянные переходы из рук в руки не обозначенных четко в своих границах территорий. Отсюда — опасность прохождения по неизвестно кому принадлежавшим на каждом данном участке путям, неясность, попадет ли путник (в большинстве случаев купец) со своим имуществом в нужный ему пункт, достигнет ли посольство цели своего путешествия.

В такой-то трудной и сложной обстановке, чреватой политическими неожиданностями, постоянным риском не вернуться на родину, и предстояло действовать венецианцу Якопо Корнаро, послу ко двору неясно какого хана.

В Венеции напряженно ждали известий из Таны, чтобы быть в курсе событий в Орде, но сведения о них в пору анархии были почти всегда сбивчивыми и поступали с большим опозданием. Между тем в Орде появлялись все новые и новые ханы, неизменно остро соперничавшие друг с другом. Особенно осложняли и без того смутную картину случаи одновременных, параллельных правлений враждующих между собой ханов в различных частях то Приазовья, то Поволжья. А к каждому новому хану — таков был строгий обычай у татар — было необходимо отправить посольство для официального возобновления прав на территорию Таны, поступавшей в распоряжение Венецианской республики с персонального разрешения каждого золотоордынского государя. Без возобновления прав пользования территорией колонии или даже небольшой торговой станции на татарской земле невозможно было продолжать торговлю. Это наносило чувствитель-

ный удар по экономике метрополии, но одновременно оказывалось пагубным и для Золотой Орды. Одним словом, при смене правителя в Орде на посла, являвшегося к нему с петицией о продлении полномочий на территорию, сдаваемую татарами для использования в торговых целях, ложилась огромная ответственность: он должен был во что бы то ни стало добиться положительного результата переговоров.

Помимо этой основной задачи послу приходилось решать и другие немаловажные вопросы: ходатайствовать о снижении размера торговых пошлин с ввозимых и вывозимых товаров, в случае необходимости требовать возмещения убытков в пользу потерпевших урон купцов, если ущерб был нанесен в пределах золотоордынских владений, и т. п.

Мы не имеем источников, в которых сообщалось бы о том, что посольство Якопо Корнаро состоялось и что оно достигло цели. Мы располагаем только более чем сжатой информацией, содержащейся в единственном памятнике — надгробии с надписью об умершем в Тане в августе 1362 г. Якопо Корнаро, который, как отмечено в надписи, был консулом в Тане и послом Венеции в Золотую Орду. Тем не менее мы допускаем, что посольство Якопо Корнаро совершилось, что венецианскому послу, несмотря на значительные трудности, удалось побывать в ставке татарского хана и выполнить свою дипломатическую миссию.

В связи с этим можно попытаться ответить на естественно возникающие вопросы:

1. К какому хану мог направиться Корнаро?
2. Каких привилегий добился он для венецианских купцов?

Период, когда Корнаро находился в Приазовье (1360–1362) и исполнял обязанности как консула, так и посла, отличался особенно сильными внутренними волнениями¹ в татарском государстве.² Венецианский посол должен был проехать по стране, где царил «глад великий» и «замятия многа» и где эмиры, иначе — темники («князья Ординстии»), вели борьбу как между собой, так и с приходившими из-за Волги царевичами из рода Чингисхана. И темники, и царевичи, добиваясь власти и престола, «не престоюху межи собою ратующесе, и биющесе, и кровь проливающе».³

В это смутное время в Орде менялись ханы, часто лишь номинально возглавлявшие государство, а на деле способствовавшие анархии. Хронологические пределы их призрачных царствований трудно установить: они как бы наплывали одно на другое.⁴

¹ Шпулер определяет их как гражданскую войну.

² «Апогей золотоордынской междоусобицы» — так А. Ю. Якубовский определяет начало 60-х годов XIV в. в Орде (указ. соч. С. 275). Летописи свидетельствуют об анархии в Орде уже с конца 50-х годов, после смерти хана Джаныбека.

³ Моск. свод. С. 181; Никон. лет. С. 233.

⁴ К сожалению, в современном английском справочнике Восворта (*The Islamic Dynasties. A chronological and genealogical Handbook. By C. E. Bosworth. Edinburgh University Press, 1967*), недавно вышедшем в русском переводе (*Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П. А. Грязневича. М., 1971*), на таблице золотоордынских ханов (с. 203) время с 1357 по 1380 г. названо вообще «периодом анархии»; не выделено, хотя бы приблизительно, время правления отдельных ханов,

Вот эти ханы, известные нам главным образом по русским летописям: Науруз, по летописи Наврус (1359–1360);¹ Хызр, по летописи Хидырь, Кидырь (1360–1361); Темир Ходжа, по летописи Темир Хожа, Темир Хозя (один месяц в 1361 г.); тогда же параллельно появились два хана: Мурад (по летописи Мурут, Умарут, Мурат, Амурат) и Абдаллах (по летописи Авдула).²

Мурада, чингисида по рождению, называли своим ханом «князи Сарайские», которые после убийства хана Хидыря и бегства его сына Темир Ходжи «затворились» в Сарае³ и удерживали за собой татарскую столицу. В летописях⁴ Темир Ходжа, все-

а их имена даже не перечисляются. Мы основываем приводимые нами последовательность и годы правления ханов в 1360–1362 гг. на сообщениях русских летописей и на сведениях Б. Шпулера и А. Ю. Якубовского. Транскрипция ханских имен дается по Якубовскому, с указанием «русской» формы этих имен, употребляемой в летописных текстах.

¹ Датировка начала правления Науруза оправдана тем, что в январе 1360 г. в Венеции уже знали о новом хане, и в связи с этим венецианское правительство решило послать в Орду двух послов (*Thiriet. Doc. 355, a. 1360, Ian. 14*).

² На короткий срок возник и «третий царь» по имени Кильдибек, вероятно, самозванец, выдававший себя за сына хана Джаныбека. В общем, по летописям, в 1361 г. существовали даже четыре хана одновременно: Темир Ходжа, Мурад, Абдаллах, Кильдибек.

³ Троицкая лет. С. 378; Никанор. лет. С. 67; Моск. свод. С. 181.

⁴ Никанор. лет., 6869 г. (=1361/62 г.). С. 67; Моск. свод, под тем же годом. С. 181; Никон. лет., под тем же годом. С. 233.

го на несколько дней завладевший престолом, обычно называется убийцей своего отца. В Троицкой же летописи — ценном источнике для изучения событий XIV в. — сохранилось другое свидетельство об убийстве Хидыря: «убьен бысть царь Кидырь от своего си брата от Мурута».¹ Татарские военачальники («князи Сарайские») и были, по-видимому, зачинщиками очередной трагедии на фоне общей «замятни» в Орде: они способствовали устранению Хидыря, взяли в качестве подставного хана необходимого им чингисида Мурата (явного противника убитого Хидыря) и изгнали из Сарая Темир Ходжу, как мешавшего им претендента на ханский престол. Таким образом, через безвозвратно исчезнувший источник (Троицкую летопись) выясняются, в общих, конечно, чертах, ход событий из истории наиболее смутного в Орде 1361 г. и обстоятельства воцарения хана Мурада (1361—1362), с которым связано важное для истории Русского государства известие: он поддержал на великом княжении во Владимире московского князя Дмитрия Ивановича, серьезнейшего впоследствии противника и победителя татар в Куликовской битве (в 1380 г.)

В том же 1361 г. другой чингисид, Абдаллах (Авдула), стал ханом при могущественном темнике Мамае, который быстро набирал силу и влияние в степях, пока в Сарая некоторое время еще сохранял власть Мурад, хан «князей Сарайских». Уже в

¹ Троицкая лет. С. 377. В реконструированном тексте Троицкой летописи это свидетельство следует считать принадлежащим ее оригиналу, так как оно дано в выписках Н. М. Карамзина (История Государства Российского. Т. IV, прим. 396). Ср. выше, прим. 1 на с. 133.

1362 г. Абдаллах стал хозяином татарской столицы (именно у него в Сарая снова искал поддержки против соперников Дмитрий Иванович Московский, уже имевший ярлык от предыдущего хана Мурада).

Целью всех боровшихся между собой ханов и их покровителей был захват Сарая, центра «Волжского царства», узла торговых и военных путей. Пока ханам не удавалось стать властителями Сарая, они кочевали в степях, находясь же в Приазовье, приближались и к Тане: свидетельствуют об этом сохранившиеся донные татарские монеты, чеканенные в Азакке — Азове.¹

Когда летописцы отмечали имена даже кратко-временно правивших ханов и проявляли осведомленность о событиях в приазовских и приволжских степях, то основным, надо полагать, поводом для рассказа о татарском государстве и его правителях были для авторов летописей — при описании тяжелой зависимости Руси от татар — периодические поездки русских князей в Орду к каждому новому хану (начиная с Батыя) за ярлыками на княжение в своих вотчинах и на великокняжеском престоле. В Ипатьевской летописи, в статьях, относящихся еще ко второй половине XIII в., разъяснялось: «Тогда бо бяхуть князи Русции в воли татарской».² В Московском своде так рассказано о приеме русских князей ханом Наурузом в 1359 г.: «...седе Науруз на царство, и поидоша к нему в Орду вси князи

¹ Ср. выше, прим. 1, с. 132.

² Ипат. лет // ПСРЛ. Т. II. 1908 (или воспроизведение текста в 1962 г.). Стб. 897 и др. О поездках русских князей в Орду см. также Троицкую летопись, начиная со с. 321.

Русские, и бысть им в Орде рѣздел княженьем их, и приидоша вси, каждо их, в свою отчину».¹ Сообщения о подобных приемах русских князей правящими ханами Золотой Орды в летописях многочисленны.

Нам представляется, что именно эти летописные сведения можно считать косвенным указанием на то, что как раз в один из дипломатических приемов русских князей хан мог принять и венецианского посла. Такие периоды «мирной» деятельности ханов едва ли могли быть длительными, особенно на фоне общей междоусобицы в Орде; надо было с известным искусством выбрать момент для того, чтобы явиться со своими ходатайствами к хану, избегая всевозможных помех и неожиданностей, которые могли случиться чуть ли не на аудиенции. Так, например, при четырех русских князьях, приехавших в Сарай за ярлыками на княжение, был убит хан Хидырь (в 1361 г.).² Понятно поэтому, насколько тщательно следовало разузнать, когда хан будет в столице, когда он займется дипломатическими делами и при этом — насколько крепко сидит он на своем троне. Для приехавшего из Италии дипломата последним этапом, где можно было получить наиболее свежие новости по этим вопросам, была Тана.

Итак, к какому же хану мог направиться Якопо Корнаро с конца лета или с осени 1360 г. по

¹ Моск. свод. С. 180–181. См. Никанор. лет. (с. 66): «ходиша вси князи Русские в Орду». Так же в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг. С. 241–242 и 326. Более подробно см.: Никон. лет. С. 231.

² Никанор. лет. С. 67; Моск. свод. С. 181.

лето 1362 г., т. е. именно тогда, когда в Орде, по словам летописца, были «бранные» времена?

Отправляя посольство в Золотую Орду, венецианские сенаторы, руководившие делами внешней политики своей республики, предполагали, что посол постарается выполнить поручение (представиться хану и провести переговоры) в наиболее короткий срок. По документам видно, что при назначении жалованья послам обычно указывалась сумма 400 ливров на четыре месяца с оговоркой, что каждый добавочный месяц должен оплачиваться уже не 100 ливрами, а половиной этой суммы. Ясно, что сенаторы определяли продолжительность посольства в четыре-пять месяцев,¹ поэтому Корнаро не должен был затягивать срок своей поездки в степь.

К хану Наурузу² венецианский посол попасть едва ли мог, так как Науруз принимал русских князей еще весной 1360 г.,³ а Якопо Корнаро выехал из Венеции не раньше июня этого года. В даль-

¹ *Thiriet*. Doc. 324, a. 1358, Mart. 22; doc. 363, a. 1360, Maii 21; doc. 369, a. 1361, Ian. 31; doc. 370, a. 1361, Febr. 15.

² Мы полагаем, что правление хана Науруза закончилось уже в 1360 г., по-видимому, осенью. Якубовский датирует смерть Науруза 1361 г. (указ. соч. С. 273).

³ В летописях, начиная с Троицкой (с. 377), одинаково передается твердая, ориентирующая нас дата: выехав из Орды весной 1360 г., князь Дмитрий Константинович Суздальский, получивший ярлык на великое княжение от хана Науруза, вступил во Владимир «за неделю до Петрова дня», что соответствует 22 июня (1360 г.), так как день памяти апостолов Петра и Павла отмечался 29 июня.

нейшем же положение Науруза осложнилось приходом — весной того же 1360 г. — «царя с востока, именем Хидырь», который затем, убив Науруза, занял «царство Волжское»; по-видимому, это произошло к осени 1360 г.

Надо думать, что все внимание Якопо Корнаро было устремлено на поездку в Сарай к воцарившемуся там хану Хидырю (или Хызру); по всей вероятности, венецианский посол заключил договор о положении Таны именно с этим ханом. По нашему предположению, высказанному выше, возможно, что Корнаро присутствовал в Сарае одновременно с русскими князьями, среди которых был привезенный своими сторонниками малолетний московский князь Дмитрий Иванович,¹ а также великий князь Дмитрий Константинович, уже имевший ярлык от Науруза, но спешно приехавший к новому хану (Хидырю), чтобы закрепить свои права на великое княжение во Владимире, особенно в связи с претензиями со стороны московского князя. Неизвестно, состоялся ли прием у Хидыря, успели ли русские князья взять свои ярлыки, сумел ли венецианский посол получить нужные ему грамоты, так как в это самое время с новой силой вспыхнула «замятня» в Орде и при находившихся в Сарае русских князьях Хидырь был убит.

Летописные сообщения еще раз подчеркивают необычайные трудности политической обстановки в татарском государстве в те кульминационные годы (1360–1361) «замятни», в которые венецианский посол должен был посетить двор хана и во что бы

¹ Дмитрий Иванович родился 12 октября 1351 г., в 1361 г. ему едва было 10 лет.

то ни стало получить грамоты, необходимые для Таны и бывавших в ней купцов. Якопо Корнаро, несомненно, стесняла срочность этих дел, но не менее его затруднял и выбор подходящего момента для ведения переговоров с татарами. Нельзя, однако, забывать, что, будучи послом, он одновременно являлся и консулом Таны. Это обстоятельство, быть может, давало ему возможность, продолжая оставаться в Приазовье, несколько оттянуть — в ожидании лучшей политической ситуации — осуществление своих посольских обязанностей. Поэтому не исключено, что Корнаро исполнил их (если ему не удалось сделать это при дворе Хидыря), побывав в Сарае у хана Мурада, чингисида «князей Сарайских». Такая поездка в Сарай могла относиться ко времени не позднее лета 1362 г., т. е. к концу жизни Якопо Корнаро (умер 18. 08. 1362 г.).

Исследование различных источников не позволяет категорически утверждать, что Якопо Корнаро действительно провел порученные ему переговоры о торговой колонии венецианцев в Тане с одним из необычайно быстро сменявшихся в 1360–1362 гг. ханов Золотой Орды. Но некоторые дополнительные данные подкрепляют предположение, что он выполнил свою дипломатическую миссию.

По сохранившимся в архивах Венеции «комиссиям», т. е. инструкциям, которые венецианский сенат вручал послам республики, ехавшим в Орду в 60-х годах XIV в., можно судить о программе дипломатических переговоров преимущественно в тех случаях, когда послы должны были непременно явиться в ставку нового хана в начале его правления.

Первым пунктом, который обычно не вызывал споров, было подтверждение прав Венеции на тер-

риторию Таны как торгового порта. Это выражалось в возобновлении пакта между Ордой и Венецией относительно Таны, с включением в него привилегий венецианским купцам в области их торговой деятельности. Особое место в переговорах занимал вопрос о возмещении убытков купцам, пострадавшим от подданных хана в пределах татарских владений. Этот вопрос либо разрешался (целиком или частично), либо откладывался по обоюдному согласию. Наиболее затруднительными, но и наиболее животрепещущими были прения о размере торговых пошлин, иначе коммеркия; вопрос этот всегда оставался главнейшим, причем для обеих договаривавшихся сторон. Регулирование процента коммеркия, взимавшегося в пользу татар с товаров, потоком проходивших через Тану, требовало от представителя Венеции крайней настойчивости в соединении с дипломатической гибкостью. Сенат предписывал послу добиваться от татарского правительства снижения размера пошлины с 5% (как платили тогда татарам венецианцы) до 4%, а если бы удалось, то и до 3%,¹ т. е. до уровня того наименьшего коммеркия, который в то время платили татарам генуэзцы, постоянные торговые соперники венецианцев.

Не располагая сведениями о результатах вероятных переговоров, которые вел Корнаро с татара-

¹ *Thiriet*. Doc. 355, a. 1360, Ian. 14. Здесь содержится инструкция двум послам, которых сенат собирался направить в Золотую Орду к новому хану, но не отправил ввиду отказа намеченных лиц; эта же инструкция могла быть затем передана консулу Таны Якопо Корнаро, которому предстояло отправиться из Таны послом к новому хану.

ми, мы тем не менее имеем основание считать, что при обсуждении размера торговой пошлины был достигнут успех: консулу, ехавшему в 1369 г. в Тану, предлагалось отправиться послом к Мамаю и добиться снижения коммеркия до 3%, но уже не с 5, а с 4%,¹ и, таким образом, уравнивать венецианцев с генуэзцами, давно платившими татарам только 3% со стоимости товаров. Отсюда следует, что Якопо Корнаро в переговорах с татарами во время посольства к хану Хидырю или же к Мураду добился уменьшения коммеркия для венецианцев с 5 до 4%. В сенатском постановлении 1369 г. уже нет упоминания о пятипроцентном коммеркии.

Привлекает внимание и другой документ, датированный январем 1363 г. (пять месяцев спустя после смерти Якопо Корнаро). В постановлении сената объявлялось об увеличении годового жалованья нового (следующего после Корнаро) консула Таны.² Повидимому, общее положение этой колонии в условиях серьезных политических осложнений в золотоордынском — уже распадающемся — государстве, заставило правительство Венеции учесть и трудность, и опасность деятельности на далекой периферии Средиземноморья. Возможно, что эти соображения были вызваны (или усилены) как отчетами Корнаро, так и его, надо думать, неожиданной смертью. Теперь годовой оклад консула возрос с 70 ливров

¹ *Thiriet. Doc. 476, Iun. 3.*

² *Thiriet. Doc. 398, a. 1363. Ian. 19.* Отмечаем тут же, что одновременно было увеличено и жалование баюла — главы венецианской колонии в Константинополе: оно возросло до 135 ливров (большими денариями) из расчета 2 иперпера за 1 дукат. См.: *Thiriet. Doc. 401, a. 1363, Mart. 11; doc. 406, a. 1363, Maii 13.*

(большими денариями — grossi) до 110 ливров.¹ Кроме того, консул получил право расширить штат своей свиты и охраны, а также в пять раз увеличить расходы на нужды консульской конторы в Тане.

Наконец, известным доказательством того, что Корнаро действительно провел — и успешно — переговоры в Золотой Орде, является упоминание о мандате дожа послу Венецианской республики, включенное в текст надписи на его надгробной плите. Едва ли торжественные слова *de ducali mandato ambasiator* были высечены на мраморном надгробии человека, который не был фактически послом своей родины.

* * *

Завершая исследование надгробной плиты Якопо Корнаро, необходимо отметить одну примечательную особенность в тексте эпитафии. Там полностью приведено официальное звание венецианского дипломата, который был «консулом в Тане и во всей империи Газарии».

Что же разумелось в этом соединении названий, явно географических, но и заключавших в себе некоторое политическое содержание? Полагаем, что подобная дипломатическая формула должна была выражать размах полномочий посланца Венеции в обширном регионе на юге Восточной Европы, т. е. не только в Тане, где на небольшой площади поло-

¹ По сохранившимся венецианским документам видно, что в течение ряда лет жалование консулов постепенно возрастало: в 1342 г. с 30 до 60 ливров в год, в 1349 г. — с 60 до 70 ливров, в 1363 г. — с 70 до 110 ливров. См.: *Thiriet. Doc.* 141, 219, 398.

жение венецианцев было узаконено ханом, но и по всей Золотой Орде («Газарии»).

До сих пор указание на представительное положение итальянских консулов в «империи Газарии» было известно только в отношении генуэзских консулов в Таврике. В тексте надписей, помещавшихся на каффинских башнях и стенах, к концу XIV в. употреблялось также определение консула: *honorabilis consul Caffà et Ianuensium in imperio Gazarie*.¹ Отметим, однако, что на этих парадных монументальных плитах из Каффы (их длина — свыше 2,5 м), с подробными надписями на 15 строках отсутствует прилагательное *totum* при существительном *imperium*.

Современные историки обычно относят название «Хазария» — «Газария» к Крыму, точнее — к его восточной части.² Такое определение Таврики — среди византийцев, а затем среди итальянцев, плававших в Черное море, — явилось, несомненно, отголоском пребывания хазар на Таманском полуострове и на востоке Крыма в пору могущества Хазарского каганата (VIII–X вв.). Естественно предполагать, что название «Хазария» родилось на почве византийского Херсона, область которого, если и

¹ *Skržinska E. Inscriptions...* P. 49 (№ 8). P. 52–53 (№ 9), 54 (№ 10). Название *Caffa* (ὁ Καφάς) засвидетельствовано у Константина Порфирородного: *Const. Porph. De administrando imperio*. Budapest, 1949. P. 266, 268, 270 (cap. 53). В XIV в. название *Caffà* употреблялось в несклоняемой форме (*consul Caffà*); в XV в. это название уже склоняется (*consul Caffè*).

² В. Г. Васильевский был склонен признавать «Хазарией» южную часть Крыма. См. труды В. Г. Васильевского: Т. III. Пг., 1915. С. CLXXXVI.

не соприкасалась с хазарскими владениями на востоке полуострова, все же была в недалеком соседстве с ними, и население Херсона — «херсониты» — общалось с хазарами. Весьма выразительно звучит название «Хазария» у Скилицы-Кедрина:¹ в 1016 г. византийский морской флот был послан императором Василием II в «Хазарию» (εἰς Χαζαρίαν). Начальник флота Монг подчинил область (или город в этой области)² и взял в плен архонта Георгия Цулу. По дошедшей до нас печати этого архонта³ выяснилось, что он был византийским должностным лицом — протоспафарием и стратигом Херсона. Следовательно, флот был направлен в ту страну, где находился Херсон,⁴ страну, которая обозначалась понятным тогда для всех именем: «Хазария».⁵

¹ *Georgius Cedrenus. Chronicon. Ed. I. Bekker. T. II. Bonn, 1839. P. 464* (известно, что в хронике Кедрина период с 811 по 1057 г. представлен текстом, буквально заимствованным из сочинения Скилицы).

² Слово *χώρα* может обозначать и область, и город, подобно слову *terra* (в средневековом употреблении), которое обозначало либо землю, область, страну, либо город.

³ См. нашу рецензию на кн.: *Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XV вв.). М.; Л., 1950 // ВВ. VI. 1953. С. 266–267. Ср.: Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // Палестинский сборник. Вып. 23 (86). 1971. С. 66–74.*

⁴ По-видимому, херсониты в 1016 г. проявили (вместе со своим архонтом) оппозицию по отношению к византийскому правительству, что случалось неоднократно.

⁵ См.: *Ahrweiler H. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siècle // AIEB. Bulletin V. 1971. P. 44–70.*

Это имя стало надолго привычным в Таврике, а затем и во всем Средиземноморье. В XIII в. (примерно в 60-х годах) в основанной генуэзцами главной их колонии на Черном море — в городе Каффá — итальянские пришельцы слышали ходившее среди местных жителей название и восприняли его. Тогда же в системе учреждений республики Генуи появилось особое ведомство по управлению Газарией (*Officium Gazarie*), т. е. территорией, отведенной татарами генуэзцам в области, именовавшейся «Газарией». Венецианцы не замедлили послать своего консула в Каффу; в их документах с конца XIII в. он назывался *consul in Gazaria*.¹

Объединенные татарским господством земли Северного Причерноморья (включая и Крым), Приазовья и Поволжья стали называться — у византийцев и итальянцев — тоже «Хазарией», но только это была уже не область, не окружающая или близлежащая страна, а целая обширная «империя», во главе которой стоял татарский «император».² Теперь название «Хазария» не было связано с отзвуком исторического прошлого, с хазарами забытого каганата; оно выросло из давно существовавшего условного наименования Таврики, но в силь-

¹ *Thiriet Fr. Délibérations... Rubr. 144, a. 1290, Mart. 23–25 (p. 60); rubr. 176, a. 1293, Febr. 21 (p. 67); rubr. 178, a. 1293, Apr. 21 (p. 67). Ibid. Doc. 574, a. 1350, Apr. 7* — о венецианском консуле Уголино да Бучча в Каффе. В записках Контарини сказано, что в мае 1474 г. он останавливался в доме венецианского консула в Каффе (Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини... С. 191 и 213).

² Например: *Thiriet. Doc. 1009, a. 1401, Mart. 24*. Обозначение хана «императором» в итальянских документах обычно.

но расширенном и новом политическом смысле, в связи с развитием контактов с татарами и расширением ареала торговой деятельности европейских купцов по всей золотоордынской территории, главным же образом на восток, в сторону нижней Волги, подступом куда служила не столько Каффа, сколько Тана.

Чтобы подчеркнуть иное, расширенное значение давно известного имени «Хазария» — «Газария», чтобы отметить эту специфику (по сравнению с малой, крымской «Хазарией»), к нему прибавили не только качество «империи», но и раздвигающее до предела эту «империю» слово *totum* — вся «империя», без исключений.¹

Дипломатическое употребление названия «Хазария» — «Газария» в новом его значении выступило — впервые для современного историка — в тексте эпитафии венецианского посла, который осуществлял свою миссию вне Крыма, вне исконного места, носившего имя «Хазария».

Надо добавить, что новое содержание слова «Хазария» не вытеснило старого и всем привычного его содержания. По-видимому, наблюдалось двойное употребление этого названия: и в отношении Кры-

¹ Подобное выражение употреблялось в отношении Византии (Романии) и всех ее владений на Леванте: *totum imperium Romanie*. Оно встречается в венецианских документах XIV в. См., например: *Thiriet. Délibérations... doc. 698, a. 1363, Jul. 24. P. 257, 323–324*. Здесь сказано, что в случае невыполнения византийским императором условий перемирия с Венецией константинопольский баюл должен приказать венецианцам покинуть Константинополь и «всю империю Романии» (*debeant se expedisse et levasse de Constantinopoli et toto imperio Romanie*).

ма, и в отношении всего татарского государства в целом.

Иосафат Барбаро, многие годы живший в Тане (с 1436 по 1452 г.), описывая Татарию, сообщал, что к востоку от нее находится Волга, к западу — Польша, к северу — Россия, к югу — области, смотрящие в сторону Черного моря: Алания, Кумания, Газария.¹

Еще точнее другое объяснение Барбаро. Описывая области вокруг Азовского моря (начав от Таны и идя к западу, затем к югу), Барбаро, миновав Перекоп, указывает, что на «острове Каффы» (т. е. на Крымском полуострове) после Кумани находится Газария, причем он добавляет, что эта область лежит там, где расположена Каффа.²

Одновременно в одном из венецианских документов (от 21 февраля 1474 г.) говорится, что жалование консула в Тане должно поступать из суммы сборов с венецианских купцов, торгующих в Газарии, т. е. повсюду на татарских землях.³

Так прослеживается двойное понимание и разное употребление термина «Хазария» — «Газария».

¹ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини... С. 114, 137, 165.

² Там же. С. 128, 154, 178.

³ См.: Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV s. T. I. Paris, 1899–1900. P. 211.

Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию

*(К истории итало-русских связей в XV веке)**

Во второй половине XV в., когда дипломатия Московского государства еще только набирала силы для расширения своей международной деятельности, наряду с русскими послами (такими, как, например, Семен Толбузин, Никита Беклемишев, Алексей Старков) довольно часто бывали послами греки. В летописях попадаются даже знаменитые византийские фамилии московских послов из греков, такие, как Тарханиот Юрий, Ангелов Мануил; среди греков-дипломатов встречаются и несколько представителей Ралевых, фамилии непонятной, хотя изредка и объединяемой с громким именем императорской династии Палеологов.

Фамилия Раль, Раль Палеологи, Ралевы («Ралевы дети», «Ивановы дети Ралева») несколько раз выступает на страницах русской летописи. Представители этого рода — греки, переселившиеся в Москву при Иване III. В Сокращенном летописном своде 1493 г. сообщается (под 6993–1485 г.), что на

* Печатается по изданию: Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти Е. В. Тарле. Л., 1972.

службу к великому князю пришел из Царьграда «Иван Раль Палеолог» с семейством.¹

Сыновья Ивана Раля были тогда взрослыми, а то и зрелыми людьми, потому что уже через три года после переезда семьи Ралей в Москву, т. е. в 1488 г., двое из них, Дмитрий и Мануил, отправились в Италию послами Ивана III с известием о взятии Казани русскими войсками в 1487 г. По свидетельству той же летописи, братья Ралевы были посланы в Рим, в Венецию и в Медиолан.² Дмитрий и Мануил Ралевы появились в Венеции в сентябре 1488 г.; они сообщили в венецианском сенате о победе над казанскими татарами и поднесли дожу и его советникам связки ценных собольих шкур.

Приезд московских послов произвел впечатление в Венеции. Об их выступлении в сенате рассказал один из сенаторов, Доменико Малипьеро, в своих «Венецианских анналах», создававшихся в течение 1457–1500 гг. в виде подробных записей о событиях, свидетелем которых он был сам или сведения о которых он имел от современников и очевидцев. Издание произведения венецианского сенатора появилось более 125 лет тому назад, подготовленное знатоком истории Венеции Агостино Сагрёдо. Оно снабжено немногочисленными краткими пояс-

¹ Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27, М.; Л., 1962. С. 287: «Того же лета прииде из Царьграда к великому князю служити Иван Раль Палеолог и с женою и з детми».

² Там же. С. 288: «Того же лета послал князь велики Ралевых детей, Дмитриа да Мануила, в Рим, и в Венецию, и в Медиолан».

нениями, главным образом касательно слов на венецианском диалекте, но лишено, к сожалению, всяких указателей. Последнее обстоятельство затрудняет пользование этим пространным текстом, занимающим почти два солидных тома известного флорентийского исторического журнала «Archivio storico italiano».¹ Труд Малипьеро редко попадал в руки специалистов по истории русского феодализма, поэтому приводим интересующую нас часть «Анналов», в которой отразился приход московских послов в Венецию в 1488 г.: «3 сентября пришли два посла от русского короля,² с 20 всадниками, и сообщили, что их король одержал победу над татарами,³ у которых было 120 000 конницы; послы направляются в Рим по этому же делу к папе.⁴ Они преподнесли дожу⁵ три связки соболей, советникам по одной связке каждому; в связках было по 40 шкурок. Послы остановились у св. Георгия.⁶ Пра-

¹ Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero // Archivio storico italiano. Firenze, 1843–1844. Т. VII. Parte 1–2. 720 р. Далее: *Malipiero*, с указанием страниц.

² Малипьеро определяет московского великого князя как «короля» (Re), но в официальных венецианских документах главу московского государства называют dux Russie («illustrissimus et potentissimus dux Russie»).

³ Имеется в виду взятие Казани 9 июля 1487 г. См.: Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25, М.; Л., 1949. С. 331.

⁴ Папа Иннокентий VIII (1484–1492).

⁵ Дож Агостино Барбариго (1486–1501).

⁶ Св. Георгий, San Giorgio, или на венецианском диалекте San Zorzi, — монастырь на острове San Giorgio Maggiore, против Дворца дожей в Венеции.

вительство подарило им по одежде из золотой парчи и по 100 дукатов». ¹

Дары, которые русские послы подносили иноземным правителям, обычно состояли из редких и ценных мехов. Всевозможная пушнина — *pelletaria*, *pelliceria* — доставлялась из лесных областей верхнего Поволжья, северных новгородских владений и др. в торговые центры, в Москву, Новгород, Казань. Среди русских мехов особое место занимали превосходные по качеству соболя, *zebellini finissimi*, как писал Малипьеро, уже видевший, вероятно, связки прекрасных соболей, привезенные в Венецию московским послом Семеном Толбузиным в 1474 г. По-видимому, Малипьеро присутствовал в сенате и во время приема посольства братьев Ралевых.

В 1490 г оба Ралевы вместе с Андреем Палеологом, братом великой княгини Софьи Палеолог, жены Ивана III, вернулись в Москву. В сообщении о приезде посольства выясняется еще одна цель его миссии в Италию: братья Ралевы привезли с собой из Венеции врача и различных мастеров, которыми очень интересовался Иван III. ²

¹ *Malipiero*. P. 310: «A'3 de Settembriò è zonto do ambassadori del Re de Russia con 20 cavalli. E hanno comunicà che'l so Re ha habudo victoria contro Tartari, che haveva 120 000 cavalli. E ha presentà al dose tre mazzi de zebellini, e ai consiglieri un mazzo per un, tutti di quaranta pele l'un. Hanno alozà a s. Zorzi, e la Signoria ghe ha donà una vesta d'oro e 100 ducati per un».

² Сокращенный летописный свод 1493 г. С. 289: «Тоя же зимы (6998) прииде из Рима на Москву брат великие княгини Софьи, именем Андрей, сын Фомин, деспота Амореysкого, да с ним вместе приидоша послы великого

В книге Пирлинга, которая давно (но не всегда удовлетворительно) служит подспорьем многим историкам Руси XV в. в силу широкой осведомленности автора в материалах итальянских архивов, грек Дмитрий, сопровождавший Софью в ее путешествии из Рима в Москву, назван Дмитрием Рали (Rhalli). Он же присутствовал 12 ноября 1472 г. в Москве на венчании византийской царевны с Иваном III.¹ Но в современных событиям Московском своде в трех случаях Дмитрий, сопровождавший царевну как представитель Палеологов, ее братьев, назван Дмитрием Греком.²

Пирлингу следовал советский историк К. В. Базилиевич, но с некоторой неточностью: он почему-то назвал Дмитрия Ралева братом Софьи Палеолог, а через три страницы определил обоих братьев Ралевых, Дмитрия и Мануила, как «отдаленных род-

князя — Дмитрий да Мануило Ивановы дети Ралева. И приводеша с собою к великому князю лекаря, мистро Лео-на, жидовина из Венеции, и иных мастеров фряз, стальных и палатных, и пушечных, и серебряных». Об этом же русском посольстве в Италию в 1488–1490 гг. записано в одном из постановлений венецианского сената, о чем упоминает П. Пирлинг, опираясь на подлинники венецианских архивов. См.: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. Paris, 1906. P. 202–204; русский перевод — *Пирлинг П. Россия и папский престол*. М., 1912. С. 241–243.

¹ *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 161, 172; *Пирлинг П. Россия и папский престол*. С. 197, 208.

² Московский летописный свод... С. 296, 299, 300: «И от царевичев посол с нею Дмитрий именем со многими Греки»; «И Дмитрей Грек от шуры великого князя, от Андрея и Мануила»; «Того же Антония лягатоса и Дмитрея Грека и прочих с ними Фряз и Греков держа князь велики у себя 11 недель...»

ственников» и соотечественников Софьи.¹ Также, по Пирлингу, говорит о Дмитрие (Dmitri Ralev, Rhalli), состоявшем в свите Софьи Палеолог во время ее путешествия из Рима в Москву, Г. В. Вернадский.² Английский историк Феннелл не назвал лиц, сопровождавших Софью, но, по Пирлингу, упомянул о послых Ивана III в Италию Дмитрие и Мануиле Ралевых Палеологах (Ralev Palaeologi), сообщивших о победе русских над Казанью.³

Необходимо отметить еще один источник, в котором отразилась деятельность Ралевых. Это документы официальной дипломатической переписки: а) между Москвой и Крымской Ордой хана Менгли Гирея и б) между Москвой и не входившей в состав Орды турецкой Каффой.¹⁶ Интересен документ, содержащий инструкцию («память») послу Ивана III «Грибцу Иванову сыну Клементьева», датированную 29 октября 1489 г. Речь идет о возвращении Дмитрие и Мануила Ралевых из Венеции. Судя по указанной дате, это было то посольство, когда Ралевы выступали в венецианском сенате 3 сентября 1488 г. с докладом о победе русских над Казанью (о чем писал Доменико Малипьеро). В инструкции московскому представителю поручалось обратиться

¹ *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. М., 1952. С. 79, 82.

² *Vernadsky G.* Russia at the dawn of the modern age. New Haven; London, 1959. P. 20.

³ *Fennell J. I.* Ivan the Great of Moscow. London, 1961. P. 96 (со ссылкой на: *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. P. 202–204).

⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Т. 1 (1474–1555 гг.) // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884.

ся от имени Ивана III к Менгли Гирею с просьбой облегчить путь Ралевым, если они (вместе с приглашенными итальянскими мастерами) поедут через Каффу и через земли Крымской Орды.¹ Как сложилось возвращение посольства братьев Ралевых, неизвестно. Быть может, после трагического события — смерти сына Ивана III князя Ивана Молодого в связи с лечением его врачом «мистро Леоном», которого привезли в 1490 г. Ралевы из Венеции, и казнь этого врача — дальнейшие документы не сохранились. Нет больше и упоминания имени Мануила Ралева. Дмитрий же Ралев ездил еще раз в Италию за мастерами, теперь уже в сообществе с Митрофаном Карачаровым. Весной 1500 г. ожидалось их возвращение из Венеции, однако они попали в Москву лишь к осени 1504 г. Сначала их задержал волошский воевода Стефан, затем они не сразу смогли уехать от Менгли Гирея из Крыма,

¹ «Послали есмя своих людей, Дмитрея да Мануила, Ивановых детей Ралевых, до Венеции на свои дела, да и мастеров добывати, которые нам надобе; и которыми делы тем нашим людем лучится путь на Кафу, да к тебе в Орду, и ты бы нас деяя велел того поберечи, чтобы тем нашим людем Дмитрею да Мануилу, да и тем людем, которые с ними пойдут на наше имя, в Кафе зацепки никоторые не было; а в своей бы еси Орде не велел пошлин никоторых взяти, да и проводить бы еси их велел» (там же. С. 80: док. 22 от 29 октября 1489 г.). В указателе (там же. Стлб. 34) — «Ларев» (Ралев) — ошибочно сказано, что Ралевы едут в Венецию; в документе же говорится, что они возвращаются, возможно, через Каффу и Орду, везут с собой мастеров и что их следовало бы проводить; все это может относиться лишь к обратному пути, т. е. в Москву.

откуда, наконец, были отправлены в Путивль, где их встретили люди Ивана III и проводили в Москву. Составитель и писец грамот, относящихся к этим годам, произвел метатезу, т. е. перестановку, в фамилии Ралевых: вместо Дмитрий Ралев он стал писать Дмитрий Ларев. Возможно, потомство Ралевых, если оно существовало, превратилось со временем в Ларевых.¹ Единственный раз, в грамоте от Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова великому князю Ивану III, Ралев назван Палеологом.² Добавление императорской фамилии к фамилии Ралев — тоже только один раз — встречается в Сокращенном летописном своде 1493 г.³

Имеется все же возможность получить кое-какие сведения о представителях фамилии Рали, если сопоставить данные летописи с некоторыми итальянскими источниками,⁴ теми именно, которые от-

¹ О возвращении посольства Дмитрия Ралева (Лалева) и Митрофана Карачарова свидетельствует ряд документов. См.: там же. Док. 63, 64, 66 за 1500 г., док 76 за 1501 г., док. 79, 81, 83, 84 (особенно подробный), 86–88 за 1502 г., док. 90, 91 за 1503 г., док. 97, 98, 100 за 1504 г.

² Там же. С. 519. Док. 97 от 9 августа 1504 г.: «Холопи твои, Дмитрей Иванов сын Ралев Палеолог да Митрофан Карачаров».

³ Сокращенный летописный свод 1493 г. С. 294: «...послал князь велики своих послов к датцкому королю Ивану... Дмитрея Грека Ралева Палеолога да Дмитрея Зайцова».

⁴ См. издание Сатаса (в серии *Μνημεῖα Ἑλληνικῆς ιστορίας*): *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge*, publiés par C. N. Sathas. T. I. Paris, 1880; T. II. Paris, 1881. T. III. Paris, 1882. Далее: *Sathas*, с указанием

носятся к последним Палеологам и их владениям в Пелопоннесе.

Отец Софьи Палеолог, деспот Фома Палеолог, был младшим сыном императора Мануила II Палеолога. Старшие его братья Федор, Константин, Дмитрий были поочередно правителями большей части Пелопоннеса (Мореи) с центром в Мистре.¹ Фома Палеолог владел Патрасом и прилегающей к нему северной частью Мореи, бывшим Ахайским княжеством.² Своими южными пределами владения Фомы соприкасались с той частью Мессении, которая издавна была занята венецианцами: они имели здесь два важнейших морских порта Модон и Корон и, кроме того, несколько горных замков на окружающей территории. Все эти укрепленные пункты были уступлены венецианцам правителем Ахайи; так по крайней мере следует из документа, в котором названы три подобных замка.³ Относи-

тома, номера документа и даты. См. также регесты постановлений венецианского сената в издании Фр. Тирье: *Thiriet Fr. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. I-III. Paris, 1958, 1959, 1961. Далее: Thiriet*, с указанием номера документа и даты.

¹ В венецианских документах XV в. эта византийская область обычно называлась *despotatus et principatus et loca Amoree, subdita Grecis (Sathas. III. Paris, 1882. Doc. 968, a. 1430, Iun. 19).*

² Фома Палеолог женился на Екатерине Дзаккария (Zaccaria), дочери последнего князя Ахайи Чентурионе Дзаккария, отрекшегося от своего княжества в 1430 г. Следовательно, Софья Палеолог была дочерью итальянки и грека.

³ *Sathas. III. Doc. 924, a. 1428, Aug. 27: «...pro castris et locis, que habuimus a domino principe Achaie; cessio de castris et locis, nobis datis per principem Achaie».*

тельно этих и других замков не прекращался конфликт между Венецией (в лице кастелланов Корона и Модона) и Фомой Палеологом (в лице начальников его военных отрядов), завладевшим Ахайским княжеством. Венецианцы всеми силами старались и удержать замки, и не обострять отношений с греками, особенно ввиду опасности турецкого нашествия. Они не раз обращались не только к Фоме (к деспоту), но и к самому императору, когда тот бывал в Мистре, с жалобами на «ущерб, набеги и насилия» (*de damnis, incursionibus et violentiis*)¹ со стороны людей деспота и стратиотов — албанцев.² Они даже предлагали передать дело о замках Мессении и об их принадлежности (то ли Венеции, то ли Фоме Палеологу) на высший суд — либо папе, либо коллегии кардиналов, либо коммуне Флоренции, либо коллегии Болонского университета.³ Однако нападения, грабежи и убийства продолжались.

В подобной обстановке венецианцам удалось в 1433 г. захватить в плен некоего Иоанна Рали (*quen-*

¹ *Sathas*. III. Doc. 924, a. 1428, Aug. 27.

² Стратиоты — наемники, образовавшие в Морее местные мелкие военные группы, иногда составлявшие из албанцев. Стратиоты были всегда конниками. Их характеристику дал Малипьеро: «Эти люди воинственны и более способны к внезапным набегам, чем к упорядоченным военным действиям. Они носят шлемы на голове, мечи на боку, копья в руке; некоторые надевают панцири. У них прилегающая одежда из бумажной ткани, называемая казакином (*che se chiama casache*). Их лошади чрезвычайно быстры и способны к длительным пробегам. Эти войска (*milizia*) по всей Морее употребляются против турок. Стратиоты из Навплии (*de Napoli*) и окрестностей — самые лучшие» (*Malipiero*. P. 72–73).

³ *Sathas*. III. Doc. 924, a. 1428, Aug. 27 (P. 337).

dam Iohannem Rali),¹ которого они и посадили в тюрьму за разбой вокруг замка castrum Molinarum. Деспот Фома Палеолог,² раздраженный арестом (se gravans ex hac retentione) Иоанна Рали, по-видимому, сторонника и помощника в военных действиях, задержал в ответ несколько венецианцев и запретил подвозить продовольствие к Модону, в результате чего крепость оказалась «как бы в осаде». Венецианский сенат постановил приказать кастеллану Модона освободить Иоанна Рали и впредь поддерживать мирные отношения как с ним, так и с окружающими соседями (quod omnino stetur in pace cum ipso et aliis circaviicinis).

Несмотря на усиливающуюся угрозу турецкого завоевания и призывы к миру, чтобы общими силами отразить турок, претензии Фомы на замки, защищавшие Модон и Корон с суши и по побережью, не прекращались. Венеции тем не менее удавалось удерживать их за собой.³ Таких замков, за обладание которыми шла борьба, было семь; на их территории и под их защитой жило много вилланов (villani).⁴

¹ *Sathas*. Doc. 1009, a. 1433, Iul. 20; *Thiriet*. Doc. 2324.

² В венецианских документах Фома Палеолог обычно называется dominus Despotus, но в документе об Иоанне Рали он назван Chiertoма. Таково было его наименование на народном греческом языке в Море; в венецианской транскрипции Chier Toma — κύρ Θωμάς. Слово κύρ употреблено как титул — «господин», «владыка».

³ *Sathas*. III. Doc. 1015, a. 1434, Iul. 29; *Thiriet*. Doc. 2359, Iul. 29.

⁴ *Sathas*. II. Doc. 1047, a. 1439, Mart. 9 (P. 449); *Thiriet*. Doc. 2491. К Модону относились замки Zonchium (Navarin), Molini, s. Elie; к Корону — замки Griffon, Castrum Leonis, Castrum Francum, Lauraminum. См. о гарнизонах замков: *Thiriet*. Doc. 2601, a. 1443.

Документы показывают, что в этих укреплениях регулярно через два года должны были сменяться венецианские капитаны, деятельность которых в конце срока их службы проверялась специальными синдиками; таков был способ контроля над «ректора́ми» в итальянских колониях.

С годами политическая ситуация в странах Восточного Средиземноморья становилась все труднее и опаснее. Столица Византийской империи — огромный и уже полуразрушившийся городской центр, окруженный ничтожными остатками предельно сузившейся территории, доживала последние годы. Морея уже не ощущала защиты Константинополя и, бессильная помочь ему, испытывала в это время агонии империи самый, быть может, напряженный и жестокий период местных истязавших ее войн (в 1450–1454 гг.).¹ Положение Фомы Палеолога пошатнулось: служившие ему долгое время стратиоты-албанцы отвернулись и от него, и от деспота Мистры Дмитрия.² Венецианцы уловили в повороте албанцев намерение перекинуться на сторону Венеции как наиболее богатой и крепкой из всех хозяев Морей; даже в путанице событий, в атмосфере страха нетрудно было заметить, что Морея продолжала быть для Венеции необходимым опло-

¹ *Sathas*. I. Doc 145, a. 1453, Oct. 2: «...esset ponere negotia Amoree in multa confusione». См. также: *ibid.* Doc. 149, a. 1454, Iul. 16: «...provincia illa... cum totali ruina et exterminio status sui».

² Действия албанцев названы в соответственных постановлениях венецианского сената мятежом, бунтом (*rebellio*) против деспотов (*ibid.* Doc. 145, a. 1453, Oct. 2; *Thiriet*. Doc. 2944).

том, чтобы охранять Негропонт — важнейшую ее колонию, которую венецианцы считали «ключом и фундаментом своих владений на Леванте» — «*clavis et fundamentum rerum nostrarum in partibus illis Levantis*».¹ Морея имела большое значение и для защиты рубежей самой республики, так как турки нацеливались в конечном счете даже на Фриуль.² Тем не менее, дорожа, конечно, Константинополем как торговой станцией международного масштаба, Венеция через год после падения византийской столицы уже сумела заключить мир с турками (18 апреля 1454 г.)³ и восстановить свою колонию⁴ на турецком теперь Босфоре. Привлечь албанские отряды на свою сторону Венеции не удалось. После многих попыток тайных переговоров с ними Венеции пришлось занять позицию примирительницы между братьями-деспотами и албанцами, которые в конце концов возобновили свою службу последним представителям императорской династии.⁵

¹ *Thiriet*. Doc. 2982, a. 1454, Oct. 29.

² *Ibid*. Doc. 2964, a. 1454, Mad. 17; doc. 2993, a. 1455. Iun. 12.

³ *Thiriet*. La Romanie vénitienne au moyen âge. Paris, 1959. P. 383 (с указанием на издание текста мирного договора, см.: *Romanin S.* Storia documentata di Venezia. T. IV. Venezia, 1913. P. 528–535). См. также: *Thiriet*. Doc. 2956, a. 1454, Ian. 15; doc. 2969, a. 1454, Iul. 8; doc. 2976, a. 1454, Aug. 16.

⁴ *Thiriet*. Doc. 2969, a. 1454, Iul. 8; doc. 2971, a. 1454, Iul. 15; doc. 2976, a. 1454, Aug. 16.

⁵ *Sathas*. I. Doc. 145–151, a. 1453–1454. По этому ряду документов прослеживается вся история отпадения албанцев от Палеологов.

Земли деспота Фомы Палеолога, ввиду того, что турки надвигались с севера, находились на краю гибели. Еще до падения афинского акрополя (в 1458 г.) и почти одновременно с ним захвата турками Коринфа — северных ворот Пелопоннеса — Фома стал налаживать связи с Венецией, своей соперницей в Морее.¹ Тогда же деспот Мистры Дмитрий Палеолог искал помощи у короля Арагона и Сицилии Альфонса I, который, предполагая жениться на дочери Дмитрия, получил возможность отторгнуть в качестве приданого часть морейских земель.²

Венецианское правительство предложило Фоме Палеологу весьма непрочный приют, не более чем на... 11 дней,³ так как иначе это не могло согласоваться с мирным договором между Венецией и Турцией. Вместе с тем венецианцы не переставали требовать у своего предполагаемого гостя возмещения убытков, нанесенных жителям дистриктов Модона и Корона.

Таково было поистине безысходное положение в Морее накануне турецкого завоевания. При этих обстоятельствах снова всплыла — в венецианских документах — фамилия Рали. Теперь это уже не Иоанн, а Мануил. Он, так же как и Иоанн, связан с деспотом Фомой. Командуя подчиненными ему албанцами,⁴ он опустошает территорию около Мо-

¹ *Thiriet*. Doc. 3008, a. 1455, Dec. 29.

² *Ibid.* Doc. 3029, a. 1456, Dec. 10.

³ *Ibid.* Doc. 3030, a. 1456, Dec. 28.

⁴ *Ibid.* Cp.: *Sathas*. I. Doc. 156, a. 1456, Nov. 12. Здесь прямо сказано, что албанцы были подчинены (*subditi*) Мануилу Рали: «...de damnis et depredationibus nuper allatis per dominum Manuelem Rali et aliquos Albanenses, subditos domini sui in territorio nostro Mothoni».

дона. В письме сената выражено по этому поводу недовольство; и снова названо имя Мануила Рали, начальника албанских солдат, и опять требуется компенсация от Фомы Палеолога.¹

После падения Мистры в конце мая 1460 г. и бегства Фомы Палеолога на о. Корфу, иначе Керкиру (28 июля 1460 г.), а затем в Италию (в Анкону, 16 ноября 1460 г.) изменилось соотношение сил на Пелопоннесе. Наемные отряды стратиотов, состоявшие из греков-морейцев (*moriati*, *amoriati*), но преимущественно из албанцев, стали служить Венеции,² и командующие ими начальники (*capiti*, *capì*) повели албанскую конницу на защиту тех самых замков вокруг Модона и Корона, которые за несколько лет до того ими же подвергались осадам и разграблению. Среди этих начальников были опять представители фамилии Рали, Михаил и Николай.³

¹ *Thiriet*. Doc. 3040, a. 1457, Iun. 17.

² В Венеции их называли теперь «нашими стратиотами» «*stratìoti nostri Amoree*», «*stratìoti nostri Levantis*» (*Sathas*. I. Doc. 181, a. 1468, Febr. 28; doc. 195, a. 1480, Febr. 26). *Marino Sanudo*. *Diarii*. X. Venezia, 1885. P. 722: «*Li stradioti cavalcati*». *Kretschmayr* H. *Geschichte von Venedig*. Bd. 2. Gotha, 1920. S. 409: «*Venezianische Stradioten, diese albanischen Grenzer, tapfer und ungebärdig*».

³ *Sathas*. I. Doc. 161, a. 1464, Mart. 17. Проведитор Морей должен был раздать сукна (он получил их в количестве 8 тюков, всего 68 кусков сукон различных цветов и сортов) грекам в виде поощрения, чтобы они «жарче» и «все лучше и лучше» сражались (с турками) за венецианские владения в Морее; тонкие scarlatovые сукна предназначались начальникам отрядов, среди которых значились Михаил и Николай Рали. Михаил упомянут еще в 1480 г. См.: *Sathas*. I. Doc. 195, a. 1480, Febr. 26.

Исследуя вопрос о Рали, Ралевых, нельзя не остановиться на греческом источнике XV в: — на записях Георгия Сфрандзи,¹ политического деятеля Морей и приближенного морейских Палеологов. В этом произведении Сфрандзи неоднократно упоминает лиц, носящих фамилию то Рали (Ῥάλης), то Рауль (Ραούλ). Эти люди действуют в Морее и в большинстве случаев связаны друг с другом. При внимательном прочтении текста приходит сразу же мысль об идентичности обеих фамилий — Ῥάλης и Ραούλ. Это соображение подкрепляется приводимыми издателем Василе Греку разночтениями в ряде сходных им рукописей; в данном случае главным образом трех выделяемых им списков XVI–XVII вв.² Судя по разночтениям, в одних и тех же

¹ *Georgios Sphrantzes*. Τὰ καθ' αὐτὸν καὶ τινα γεγρονότα ἐν τῷ χρόνῳ τῆς ζωῆς αὐτοῦ (1401–1477) cum Pseudo-Phrantzes in appendice sive Macarii Melissenii Chronicon (1258–1481). Ex recensione Basilii Grecu. Bucuresti, 1966 (Scriptores byzantini. V). Далее: *Sphrantzes*, с указанием страниц. Критическое издание Греку включает в себе две версии сочинения Сфрандзи: 1) краткую, условно называемую «Chronicon Minus» (ibid. P. 1–147) и 2) расширенную, условно называемую «Chronicon Maius», или «Pseudo-Phrantzes» (ibid. P. 149–591). Оригинал, созданным самим Сфрандзи, Греку считает только «Minus»; «Maius» имеет обширные позднейшие (конца XVI в.) добавления, тенденциозно привнесенные в основной текст («Minus») Макарием, епископом Мелиссенским. Мы везде основываемся на тексте «Minus».

² Это следующие кодексы: «Ottobonianus graecus» 260; «Taurinensis» 246; «Vallicellianus graecus» 172. Общий перечень использованных Греку рукописей см.: *Sphrantzes*. P. XVIII. См. также: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica* I. 2. Auflage. Berlin, 1958. S. 285.

фразах в применении к одному и тому же лицу в разных рукописях дается и фамилия Рали, и фамилия Рауль.¹ Это заставляет допустить принадлежность к одному общему роду названных у Сфрандзи Ралей и Раулей. Их здесь четверо. Фома упомянут бегло под 1426–1429 гг. как начальник военного отряда.² Более интересен Георгий, действовавший в 1458–1460 гг. и определенный автором как «благородный» (также «осторожный», «предусмотрительный» и даже «полезный») «архонт в области знаний и в области действий» — ὁ χρήσιμος ἄρχων ἀπὸ τε γνῶσεως καὶ πράξεως Γεώργιος ὁ Ραούλ.³ В августе 1459 г. Фома Палеолог направил Георгия своим послом к «эмиру» (εἰς τὸ ἀμῖρᾰν), т. е. к Мухаммеду II, которого Георгий нашел в городе Веррии. Одновременно с Георгием был направлен послом, но к папе Пию II, еще один представитель Ралей—Раулей Иоанн, приходившийся Георгию зятем (ὁ γαμβρός). В основном тексте Сфрандзи Георгий назван Раулем, а его зять Иоанн — Рали.⁴ Это вызывает некоторое недоумение, так как обычно зять имеет иную фамилию, чем тесть. Быть может, род Ралей—Раулей в Морее был настолько велик и разветвлен, что одну группу семейств этого рода привыкли называть Ралями, а другую Раулями.⁵

¹ См., например: *Sphrantzes*. P. 124 (прим. к строкам 9, 10, 17).

² Ibid. P. 42 — Ῥαούλ ὁ Θωμάς.

³ Ibid. P. 114.

⁴ Ibid. P. 124: ὁ Ῥαούλ Γεώργιος; ὁ δὲ γαμβρός αὐτοῦ Ῥάλης Ἰωάννης.

⁵ В «Maius» и имена, и фамилии (Георгия и Иоанна) перепутаны; см.: *Sphrantzes*. P. 548. В связи с многочис-

По сообщению Сфрандзи, миссия Георгия Рауля к султану не удалась: в октябре 1460 г., едва вырвавшись из турецкой тюрьмы, он вернулся, ничего не сделав (*ἄπρακτος*) в пользу Фомы Палеолога.¹ О миссии Иоанна Рали к папе сведений нет.

Последним из упомянутых у Сфрандзи Ралей—Раулей был Михаил Рауль по прозванию *ὁ Ἰσῆς* (Исис, Иса?), начальник крупного отряда стратиотов. После удачных боев с турками Михаил все же был захвачен ими и казнен в 1466 г. — они посадили его на кол (*εἰς τὸν πάλον*).²

В заключение перечня Ралевых надо упомянуть еще одного из них, к тому же связанного, по видимому, с Москвой. Это Николай Рали, имя которого стало известно из недавно опубликованных итальянским ученым Джино Барбьери докумен-

ленностью членов рода Рали—Раулей стали, вероятно, возможны браки внутри рода.

¹ Именно после этого Фома Палеолог окончательно покинул Морею (*ibid.* Р. 124), переправившись с о. Корфу в Анкону в середине ноября 1460 г.

² *Ibid.* Р. 54 (а. 1436) — *Ραοὺλ Μιχαῖλ ὁ Ἰσῆς*; *Ibid.* Р. 132 (а. 1466). Можно отметить еще одно относящееся к более раннему времени упоминание о Рали в «Турко-византийской истории» (1341–1462) Дуки: *Ducæ Historia Turco-Byzantina* (1341–1462). *Ex recensione Basilii Greci*. Bucureşti, 1958 (*Scriptores byzantini*. I). В кн. V, гл. 4 (С. 45) своей хроники автор сообщает об убийстве — 11 июня 1345 г. — Алексея Апокавка, всесильного диктатора в Константинополе, великого дуки и епарха города, бывшего сторонником то Иоанна VI Кантакузина, то Иоанна V Палеолога. Когда Апокавок осматривал темницу, в которой содержались его противники, один из них, из рода Рали, *ἐκ γένους Ῥαοὺλ*, убил его ударом по голове тяжелой доской.

тов¹, датированных маем 1461 г. В трех коротких письмах миланский герцог Франческо Сфорца рекомендует папе Пию II, кардиналу Теано и Оттону Каретто, своему представителю при папском дворе, Николая Рали, посланца «деспота России (*illustrissimus despotus Russie*)», надо думать, московского великого князя (Василия II Темного; имени его в письмах нет). Николай Рали не назван послом из России, но определяется как «*spectabilis et prestans miles dominus Nicholaus Ralis*», или «*dominus Nicolaus Rhali grecus*», или «*el spectabile cavallero domino Nicholao Rali greco*».²

На первый взгляд эти письма представляются свидетельством того, что греки из рода Рали являлись московскими послами в Италию не только при Иване III, но и раньше, при его отце Василии II. Однако в данном случае непонятна цель поездки Николая Рали в Милан весной 1461 г. В рекомендательном послании миланского герцога сообщается, что податель его письма Николай Рали явился в Милан, а теперь отправляется к папе в Рим «по делам светлейшего господина деспота России и его земель, так как он терпит немалое разорение (терзание, притеснение, урон) от ужаснейшего турка» — «*pro rebus illustrissimi domini despoti Russie et illius provintie, non mediocriter ab immanissimo Turcho*

¹ Небольшая книга, в которой изданы эти документы, имеет весьма широкое заглавие, не совсем отвечающее ее значительно более узкому и довольно кратко представленному содержанию: *Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell' epoca sforzesca. Bari, 1957.*

² *Ibid.* P. 79, 80, 81.

afflictus (sic)». Несогласованность причастия *afflictus* с существительным *despoti* (следовало бы *afflicti*) заставляет несколько усомниться, действительно ли московский великий князь страдал от турецких нападений, не был ли угнетен ими сам Николай Рали, осведомленный о судьбах своей родины Морей, только что подпавшей под власть турок? Но Джино Барбьери не сомневается в том, что турецкая опасность грозила именно Москве. В главе о «первом русском посольстве к герцогу Сфорца в 1461 г.»¹ говорится, что доклад московского посла касался «растущей опасности магометанской экспансии и необходимости надлежащего похода против врага христианства». Из этих слов следует, что Василий II к концу своего правления (он умер 27 марта 1462 г.) призывал к походу на турок, и об этом его призыве докладывал его посол в Милане. Напомним, что доклад Николая Рали можно лишь вообразить, так как он пока не обнаружен ни в русских, ни в итальянских архивах. Тем не менее Джино Барбьери, опираясь на опубликованные письма Франческо Сфорца и реконструируя доклад московского посла миланскому герцогу, полагает, что Николай Рали представил в Милане политическую программу Василия II (*il disegno programmatico*), но что «великий кондотьер» — Франческо Сфорца не стремился к войне с турками и переадресовал московского посла в Рим. Заключение Барбьери таково: «Участие миланского государственного деятеля выразилось в том, чтобы содействовать созданию вокруг папского престола ядра сил (*un nucleo*

¹ «La prima ambasciata russa allo Sforza nel 1461 (ibid. P. 19–21).

di forze) против неверных — на этот раз по инициативе молодого московского национального государства (*ad iniziativa della giovane nazione moscovita*)».¹

Здесь не место раскрывать сущность политических проектов Василия II и сферу их осуществления. Скажем только, что едва ли верно истолковал Барбьери характер политических замыслов и действий этого московского великого князя. В русских летописных сводах, в которых живо отражены события XV в., лишь изредка упоминаются турки: отмечены военные столкновения между императором Мануилом II Палеологом и турками, и лишь немногие строки содержат сведения о том, что «...мая 29 [1453 г.] взят бысть Царьград от безбожных турков», что «царь турецкий взял Царьград».² Одним словом, в XV в. не заметно внимания со стороны Москвы к туркам и к их завоевательной политике. Московское государство высылало свои полки против татар Большой Орды и против Казанского ханства. Московского князя волновали вести о том, «что идут татарове с поля», «что уже татарове близ берега» Оки.³ И если Иван III, сильно расширивший свои планы в области международной политики и успешно осуществлявший увеличение и укрепление территории Московского государства, вовсе не прельщался планами походов на турок и перспективами роста владений за их счет, то тем более его отец Василий II не имел тенденции вмешиваться в проекты европейской коалиции против Мухаммеда II.

¹ Ibid. P. 20.

² Московский летописный свод... С. 220, 222, 225, 231, 272.

³ Там же. С. 271 и др.

Едва ли поэтому возможно допустить справедливость толкования Барбьери скрытого смысла писем Франческо Сфорца от 1461 г., и тем более в отношении цели поездки Николая Рали от «деспота России» в Милан. Остается только отметить упоминание в этих письмах об одном из членов рода Рали и о какой-то его дипломатической службе московскому великому князю.¹

Кто же такие были Рали, или, как говорили в Москве, Ралевы, Ларевы, если попробовать определить их по данным современных им источников и в связи с показанными выше событиями? Полагаем, что правильно не считать их принадлежавшими к роду Палеологов, хотя Рали были тесно с ними связаны.

Как, например, могло случиться, чтобы один из Рали, начальник отряда стратиотов Михаил, не был назван Палеологом (если он действительно был Палеологом) при упоминании в документе вместе с таким же, как и он, начальником стратиотов Феодором Палеологом? Они оба были в одинаковом военном чине, оба одинаково служили Венеции и подчинялись ее правительству, оба сражались в бывшей области Палеологов. Но когда в предписании венецианского сената пишется о Феодоре Палеологе, ему прилагаются эпитеты *strenuus et fidelis noster... unus ex capitibus stratiotarum*,² когда пи-

¹ Последнее, впрочем, может быть решено окончательно лишь после исследования рукописных оригиналов документов 1461 г., опубликованных в книге Дж. Барбьери.

² *Sathas. I. Doc. 195, a. 1480, Febr. 26; doc 197, a. 1483, Aug. 4.*

шется о Михаиле Рали, эпитет другой — *spectabilis*, а чин его, если даже и тот же, то с большим количеством солдат в отряде.¹ Ни в одном из венецианских документов, при составлении которых всегда соблюдались известные правила и существовала установленная форма, ни разу никто из Рали (а упоминались Иоанн, Мануил, Михаил и Николай) не был назван Палеологом, подлинные же Палеологи — будь то порфирородный деспот Мистры или (уже после ее падения в 1460 г.) только начальник страiotской конницы — всегда величаются Палеологами.²

Можно привести еще одно небольшое наблюдение: перед именем упомянутого в 1433 г. Иоанна Рали в тексте документа поставлено неподобающее Палеологу словечко «некто», «некий», «какой-то» (*quidam*), то же самое — перед именем Михаила Рали.³

Наиболее убеждающее доказательство того, что Рали не были членами рода Палеологов, находим в сочинении Георгия Сфрандзи, человека, как указано выше, близкого к морейским Палеологам, участника многих событий своего времени в Морее, в Италии, в Константинополе. Сфрандзи ни одного из Рали не назвал Палеологом.

Таким образом, естественно счесть правильными свидетельства венецианских документов и тру-

¹ *Sathas. I. Doc. 175, a. 1466, Sept. 7; doc. 183, a. 1473, Iun. 8; doc. 195, a. 1480, Febr. 26. P. 281.*

² *Ibid. Doc. 118, a. 1427, Iul. 25; doc. 194, a. 1480, Febr. 24; doc. 195, a. 1480, Febr. 26; doc. 197, a. 1483, Aug. 4.*

³ *Ibid. III. Doc. 1009, a. 1433, Iul. 20; ibid. I. Doc. 175, a. 1466, Sept. 7.*

да Сфрандзи, в которых фамилия Рали не соединяется с фамилией Палеологов, и предпочесть их данным русских летописей и документов, в которых в отдельных случаях соединяются эти две фамилии.¹

Представители фамилии Рали были греками-морантами, т. е. греками из Мореи. Относящиеся к ним сведения источников обрисовывают их как стойких сторонников морейских Палеологов, особенно обладателя западных территорий Мореи Фомы Палеолога, а после захвата Мистры турками — как сторонников Венеции. Большинство известных по источникам морейских Рали — военные, своего рода кондотьеры, начальники (сарі) наемных отрядов легкой конницы, так называемых стратиотов, которые комплектовались в значительной мере из албанцев, самых отважных и умелых солдат. Но некоторые Рали были дипломатами, причем способными выполнять весьма ответственные поручения в обстановке сложнейших политических отношений. Таковы Георгий Рауль и Иоанн Раль, ездившие от Фомы Палеолога к Мухаммеду II и к папе.²

¹ Сокращенный летописный свод 1493 г. С. 287: «Иоанн Раль Палеолог»; там же. С. 294: «Дмитрей Ралев Палеолог». Ср.: Сокращенный летописный свод 1495 г. ПСРЛ. Т. 27. С. 356–366: «Дмитрий Грек Ралев», «Дмитрий Ралев». В указателе к т. 27 ПСРЛ Иоанн, Дмитрий и Мануил Ралевы названы Раль-Палеологами. В Московском летописном своде (С. 296, 299, 300) предположительно один из Рали, Дмитрий, не назван ни Рали, ни Палеологом, но назван «посол Дмитрий именем» и «Дмитрий Грек». В документах (Памятники дипл. снош. См. прим. 1 и 2. С. 157) нет фамилии Палеолог, кроме одного раза, см. наше прим. 2. С. 160.

² См. выше подбор свидетельств из сочинения Георгия Сфрандзи. Фамилии Рауль и Раль мы считаем идентичными.

Можно лишь предположить, что «Иван Раль Палеолог», приехавший с семьей в 1485 г. из Константинополя в Москву, был одним из двух Рали с именем Иоанн, упомянутых рассмотренными выше источниками. Неясно, конечно, был ли одним и тем же лицом приехавший в Москву Иван Раль и Иоанн Рали, взятый в плен венецианцами в 1433 г. Если все же это один и тот же человек, то Иоанн, попавший в плен под Модоном, был тогда весьма молод, а Иван Раль, переселившийся через полстолетия в Москву, был уже стариком. Для отождествления этого Ивана Раля более, пожалуй, подходит другой Иоанн Рали, а именно, тот, которого, по сообщению Сфрандзи, в августе 1460 г. Фома Палеолог отправил с о. Корфу в Рим для переговоров с папой; через 25 лет он мог явиться (в результате, надо думать, весьма беспокойной жизни) к московскому великому князю. При этом он, будучи сам дипломатом, мог передать свою профессию и обоим сыновьям, Дмитрию и Мануилу, которые стали послами Москвы в западноевропейские государства.

В России Рали стали подданными Ивана III типа иноземных придворных из широкого круга тех греков, которые приехали и продолжали приезжать в Москву в связи с браком Софьи Палеолог и московского великого князя.¹ Из той же фамилии мог

¹ Амброджо Контарини записал: «...molti Greci de Costantinopoli, che erano andati de lì con despina» — «многие греки из Константинополя, которые пришли оттуда вместе с деспиной», т. е. с дочерью деспота Фомы Палеолога Софьей Палеолог. Последняя приехала в Москву в ноябре 1472 г., запись же Контарини относится ко времени его пребывания там с сентября 1476 по январь 1477 г. Таким образом, свидетельство Контарини о греках в сви-

происходить тот Дмитрий Грек, который был представителем двух Палеологов, деспота Андрея и автентопула Мануила, братьев Софьи, «шурьи» (шурин) Ивана III.

Быть может, греческое происхождение, близость к Палеологам — внукам византийского императора Мануила II, племянникам двух последних византийских императоров, Иоанна VIII и Константина XI, участие в международной политике одного из крупнейших московских государей — все это сблизило фамилию общеизвестной византийской династии с фамилией людей, связанных с судьбами последних ее отпрысков. Примечательно, однако, что Московский летописный свод, один из лучших источников для истории России в XV в., серьезная и достоверная официальная летопись, составленная не позднее конца этого века, ни разу не называет представителя фамилии Рали Палеологом.¹ Можно допустить, что наблюдаемое изредка соединение фамилий Ралевых и Палеологов было вызвано тем, что в Москве Ралевы входили в состав свиты или близкого круга великой княгини Софьи Палеолог

те Софьи Палеолог (он к тому же познакомился с ними) можно считать вполне достоверным, почти непосредственным. См.: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 227 и 244–245.

¹ Московский летописный свод... С. 296, 299 и 300. Напомним, что часть летописи, содержавшая сообщение о посольстве Дмитрия и Мануила Ралевых в Италию в 1488–1490 гг., в Московском летописном своде отсутствует (там же. С. 331) вследствие утери одного листа, восстанавливаемого по Сокращенному летописному своду 1493 г. (с. 288–289).

и как ее подчиненные определяли и себя фамилией византийской императорской династии.

Более основательные нити, связывавшие Палеологов и Рали, если такие нити существовали, едва ли могут открыться историку, да это и не важно. В рассмотрении сведений об этих людях, которые обрели в России новую родину и стали Ралевыми-Ларевыми и которые являются персонажами драгоценных текстов русских летописей и документов, важно и интересно другое: переплетение данных различных, созданных далеко и независимо друг от друга, письменных памятников и то, как исследование приводит к выяснению малопонятных в средневековых русских текстах имен и к некоторому определению их носителей. В более широком смысле все это имеет отношение и к истории международных связей Московского государства в ту пору, когда они начали развиваться и крепнуть.

Московская Русь и Венеция времен Ивана III

*(по русским летописям и
венецианским источникам)*

28 сентября 1476 г. великий князь московский Иван III принял венецианского дипломата Амброджо Контарини, посла Венецианской республики в Персию. Контарини принадлежал к одному из знатнейших и древнейших патрицианских семейств Венеции, из которого вышли несколько дожей, послов и адмиралов. Этот образованнейший человек оставил интересные и содержательные записки о своей поездке на Восток — «Путешествие в Персию».

На обратном пути из Тебриза, где он встретился с персидским шахом Узун-Хасаном, Контарини 25 сентября 1476 г. прибыл в Москву, где оставался до 21 января 1477 г. Дипломат попросил аудиенцию у великого князя, и она состоялась чрезвычайно быстро, особенно если знать, что иностранные послы многими месяцами дожидались возможности увидеться с государем. Уже на четвертый день пребывания в Москве Контарини встретился с Иваном III. В их беседе впервые на историческую аре-

ну вышел герой нашего рассказа: Джан (Джованни) Баттиста Тривизан, называемый в русских летописях Иваном Тривизаном. Контарини с удивлением отметил, что взволнованный великий князь, не дав послу произнести положенные в таких случаях приветствия, стал жаловаться на Тривизана.

Рассказав о гневе Ивана III, проявленном в первой же беседе между московским великим князем и представителем Венеции, и назвав имя Джана Баттисты Тривизана как причину, породившую этот гнев, Контарини сразу же отвел эту, казалось бы, существенную для него как дипломата тему. Повидимому, он счел ее слишком свежей по воспоминаниям и не утратившей своей политической остроты, чтобы включать ее в повествование о былых впечатлениях времени его странствий. Когда Контарини писал свое сочинение, связи между Венецианской республикой и Московским государством продолжались и даже укреплялись; поэтому автор не позволил себе остановиться на уже миновавшем периоде политических недоразумений и трений; поэтому он и ограничился одним только вскользь брошенным замечанием: «Об этом я не скажу здесь ничего, потому что это было бы некстати» — «*non diro altro circa ciò, per non esser a proposito*».¹ Однако после того вновь всплыла тема об Иване Тривизане, ему — Контарини — как видно, напоминали о ней в Москве неоднократно, причем с упреком в адрес его правительства. Одно из таких напоминаний он все же отметил, говоря о беседе с тремя «главными баронами» («*principali baroni*») велико-

¹ См. Приложение IV.

го князя, которые повторили слова последнего по поводу Тривизана.¹ Уже из этих двух кратко изложенных эпизодов — беседы Контарини с Иваном III и беседы с его боярами — отчасти выясняется политическая позиция Московского государства по отношению к Венецианской республике. Хотя и проявляя недовольство и испытывая законное раздражение по поводу фактов, связанных с Тривизаном и вызвавших реакцию настороженности, московские дипломаты (прежде всего, очевидно, сам великий князь) желали поддержать добрые связи с Венецией. Ведь не успел Иван III, после первого свидания с Контарини, уехать из Москвы, как его бояре пригласили венецианца во дворец и объявили ему от имени их государя, что он — Контарини — является «желанным гостем» — «*il ben venuto*» и что в его воле уехать или остаться в пределах Московского государства и его столицы. Представляется вероятным, что сам Иван III, хотя и не пожелал сгладить впечатления от своего гнева на венецианское хитроумие в случае с Тривизаном, приказал как бы завершить первое собеседование с представителем Венеции, объявив ему через своих приближенных о добром к нему расположении. Оно и проявилось в последующих встречах Контарини с московским великим князем.

Что же произошло в связи с приездом в Москву венецианского посланца Ивана Тривизана, и по каким источникам можно в наши дни восстановить события? Рассмотрения и сопоставления требуют:

¹ Приложение IV. Глагол *lamentare* (*si lamento i lamenti*) в данном случае не значит жаловаться, тем более плакаться; его надо понимать в смысле высказывать недовольство, сетовать с возмущением.

а) данные русских летописей и б) данные венецианских документов, если последние сохранились. Оказывается, что они сохранились и даже в некоторой части изданы, но малоизвестны.

Связанные с Иваном Тривизаном события привлекли к себе немалое внимание и оставили заметный след в правящей среде Москвы, что и отразилось в виде ярких вставок в ряде русских летописей. Случайно Контарини своими записями подтвердил летописные сообщения: великий князь и его правительство хорошо помнили и весьма неодобрительно оценивали венецианскую политику, проводниками которой явились, как обнаружилось, два итальянца, действовавшие в Москве, — Иван Фрязин и Иван Тривизан.

Международная обстановка второй половины XV в. была тревожна, особенно на широкой полосе земель, прилегающих — где ближе, где дальше — к Средиземному морю. Одним из центров сложной международной политики этого времени была, несомненно, Венеция, упорно боровшаяся с турками и потерпевшая в этой борьбе (в течение войны 1463—1479 гг.) много самых серьезных поражений. После потери Негропонта (Евбеи) летом 1470 г. в Венеции появились планы грандиозного наступления на турок с востока, севера и запада силами разных союзных держав, одной из которых должна была быть — по венецианскому проекту — Большая Орда хана Ахмеда. Иван Тривизан,¹ по своему служебному положению — секретарь «Совета прегадов» (то есть

¹ Иван Тривизан (так называли его в Москве), Zuan Battista Trivisano, Trivisan (так именовали его в своих сочинениях Амброджо Контарини и Доменико Малипьеро), Joanes Baptista Trivisano, Trivixano, Trivisanus (так

сената Венецианской республики), был послан из Венеции к хану Ахмеду с секретным предложением от своего правительства — идти войной на турок и напасть на них в Валахии и Фракии. Тривизану был указан путь в Орду через Москву. Здесь-то он и стал действующим лицом в событиях, которые отражены русскими летописями.

Основные сведения мы черпаем из Московского летописного свода, обрывающегося на 1492 г.¹ Для наших целей — исследовать события, связанные с международной политикой XV в., этот свод, создававшийся в центре исторической жизни Московского государства как продукт вполне налаженного официального великокняжеского летописания, представляет собой первоклассный источник, достаточно точный и — что чрезвычайно ценно — современный происходившему.² Таким образом, Московский свод для нашей задачи по самой своей природе является основой;³ его несомненная тенденция офици-

определяли его в написанных по-латыни постановлениях и письмах венецианского сената).

¹ Московский летописный свод конца XV в. издан академиком М. Н. Тихомировым по прекрасной (обнаруженной в 1928 г.) рукописи первой половины XVI в., так называемому «Уваровскому списку». См. еще: *Лихачев Д. С.* Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 469–471.

² См.: Предисловие к изданию Московского летописного свода // ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949.

³ Более ранний (чем Московский) свод отразился в Никаноровской летописи, с которой теперь легко свериться, так как она недавно издана в 27-м томе ПСРЛ (М.; Л., 1962). Однако Никаноровская летопись доведена лишь до 1471 г. и кончается сообщением о приходе Ивана Тривизана в Москву, 10 сентября. Эта запись произведена,

ального документа в данном случае не является помехой его достоверности. Спокойное, умное, иногда весьма подробное изложение, серьезная последовательность в построении (отдельные большие части, особенно последняя — XV в. — прекрасно отредактированы), почти безошибочная хронология, достойный сдержанный тон и стиль, порой не лишенный картинности, — все это делает Московский свод значительным произведением и блестящим источником.

Он дошел до нас в сравнительно раннем списке, отстоящем от конца приводимых летописцем событий (1492 г.) не более чем на 50 лет. Идущая через этот свод традиция повторилась в ряде более поздних летописей, таких известных и содержательных, как Воскресенская и Никоновская.

В Москве, особенно когда начались поездки послов из Италии в Москву и обратно в связи с браком Ивана III и Софьи Палеолог,¹ появились ино-

конечно, позднее, чем 10 сентября 1471 г., так как в нее внесено имя венецианского дожа Николо Трона, избранного 23 ноября 1471 г., то есть после того, как Тривизан появился в Москве. Предшественником Николо Трона был дож Кристофоро Моро (12 мая 1462—9 ноября 1471 г.), при котором Тривизан отправился из Венеции в Москву.

¹ Когда дочь Морейского деспота Фомы Палеолога Зоя стала женой Ивана III (в 1472 г.), то ее начали называть Софьей. Таким образом, до замужества, находясь в Риме, она была Зоей; в России она всегда Софья. Если в Московском своде она названа Софьей, когда идет речь о 1469 годе, то это не ошибка, а привычное употребление имени, которое в России было известно всем, в том числе и русскому летописцу, писавшему, конечно, позднее 1472 г., когда Зоя стала Софьей. В дальнейшем мы будем писать только Софья.

странцы, итальянцы и греки. Видным человеком в окружении великого князя был итальянец по фамилии Вольпе. В летописи он назван Иван Фрязин, иногда с фамилией — Иван Фрязин Волп, чаще же просто Фрязин. Этот Иван Фрязин был, по летописи, «московский денежник».¹ В предметном указателе и к Никаноровской летописи, и к Московскому своду термин «денежник» объяснен как «чеканщик денег в Москве».² Это едва ли подходит к Ивану Фрязину, деятельность которого ярко освещена в летописи; он — если и знал искусство чеканки денег — не мог быть чеканщиком, то есть одним из рабочих монетного двора.³ Вероятнее всего, он был

¹ ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. М.; Л. С. 126: «...Ивану Фрязину, московскому денежнику (ошибка — надо денежнику), брат большой»; С. 136: «...первое притек Ивану Фрязину, к денежнику московскому... Фрязин же наш денежник велел...» (ошибка — надо не велел). Московский свод; С. 281: «...Ивану Фрязину, московскому денежнику, брат большей»; С. 292: «...первое прииде к Ивану Фрязину, к денежнику московскому... Фрязин же наш денежник не велел...»; С. 299: «...стоял о том Фрязин наш Иоанн, денежник...».

² П. Пирлинг удивлялся, как «простой чеканщик великого князя посылал посредников в Италию» (*Пирлинг П. Россия и папский престол. Москва, 1912. С. 170*), и нашел этому довольно натянутое объяснение.

³ См. у Пеголотти перечень наемных рабочих монетных дворов во Флоренции и в Фамагусте на Кипре. Чеканщики назывались «gli monetieri che coniano la moneta» (*Pegolotti Francesco Balducci. La pratica della mercatura/Ed. by A. Evans. Cambridge Mass., 1936. P. 83, 192*): правер штемпелей назывался «lo intagliatore che intaglia i ferri (штемпеля) con che si coniano la detta moneta» (*Ibid. P. 193*).

хозяином монетного дела в Москве, то есть был откупщиком московского монетного двора. По итальянской терминологии, московскому денежнику, быть может, подошло бы название «*maestro della zessa*».

Изыскания, произведенные Павлом Пирлингом¹ в итальянских архивах, позволили узнать происхождение этого итальянца на московской службе. Он происходил из города Виченцы, его предки были выходцами из Германии. Иван Фрязин, *Gian-Battista della Volpe*, имел почетное звание «кавалера», «*cavaliere*» (*eques*); на его гербе была изображена лисица: название этого животного и служило фамилией рода московского денежника.² Пирлинг сообщает существенное сведение об Иване Фрязине: около 1455 г., при каких-то неизвестных обстоятельствах,³ он покинул родину и отправился в южно-русские степи и затем в Россию. Пирлинг высказывает предположение, что Иван Фрязин прибыл морем в Каффу, а оттуда, после пребывания среди татар, отправился на север, в Москву, где уже жил в 1459 г. Это следует из текста завещания его сестры, Анджелы де Ангарано, от 27 августа 1459 г. Распределяя свое имущество между тремя братья-

¹ *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. 2-ème éd. Paris, 1906. P. 130–132. Далее цитируется: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*.

² *Ibid.* P. 131. Русский перевод здесь ошибочен. (Пирлинг П. Россия и папский престол. С. 169). Переводчик, по-видимому, хотел сблизить хитроумие Ивана Волпе с изображением лисицы на гербе, но сделал это неудачно: лисица на гербе вовсе не «крадется», а стоит, потому что геральдический термин «*garçant*» в отношении изображения животных означает «стоящий».

³ *Ibid.* P. 131.

ми, она сделала оговорку, чтобы часть, оставляемая младшему брату, Джан Баттисте, была сохранена «до его возвращения из России» («quosque reversus fuerit de Russia») или до присылки им «законных прокураторов», уполномоченных принять причитающуюся ему долю наследства.¹

Сообщения Московского свода в части, касающейся тех событий, которые вызвали появление в Москве Ивана Тривизана, начинаются с рассказа о приходе в Москву (11 февраля 1469 г.) грека Юрия как посланца кардинала Виссариона (1403–1472). Юрий, хотя и не назван послом и не сказано, что он явился из Рима от лица папы Павла II (1464–1471), пришел «к великому князю с листом» (с письмом), в котором говорилось о дочери «деспота Амореяского Фомы Ветхословца от царства Константиана града» и содержалось обращение к Ивану III о возможности брака с ней.² Вместе с Юрием пришли в Москву два итальянца, «фрязи», обозначенные в летописи не только по именам — Карло и Антон, но и по родству с Иваном Фрязиным: первый приходился ему братом, второй — племянником по «старейшему», как сказано, брату.³ Так завязы-

¹ Отрывок из завещания приведен в Приложении II к книге: *Пирлинг П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. Иван III и Софья Палеолог. СПб. — 1892. С. 210–211. Это завещание автор читал в архиве доминиканского монастыря «Святой короны» (Santa Corona) в Виченце. В дальнейшем цитируем: *Пирлинг П.* Россия и Восток.

² ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 281: «Аще восхощеши поняти ея, то аз (Виссарион) учиню ея во твоём государстве...»

³ В вышеуказанном завещании (1459 г.) сестры Ивана Фрязина названы по именам мать и три брата: Карл,

ваются — причем неизменно с самого начала около Ивана Фрязина — отношения между Римом и Москвой, в центре которых стоит проект брачного союза Ивана III и Софьи Палеолог. Инициатива в этом деле приписана летописцем кардиналу Виссариону, а это указывает и на папу Павла II, так как речь идет о дочери Фомы Палеолога, племяннице и внучке византийских императоров, опекуном которой был сам папа.

Однако, если правильно установил Пирлинг, работая над материалами Ватиканского архива,¹ приходу в феврале 1469 г. грека Юрия (с Карлом и Антоном) из Рима в Москву предшествовала поездка из Москвы в Рим того же Юрия вместе с неким Николаем Джисларди; их обоих Пирлинг определяет как «двух эмиссаров Вольпе», то есть Ивана Фрязина, а про Николая Джисларди говорит расплывчато, что он был родственником Фрязина, но неизвестно, каким, «à quel degre».² Остается невыясненным, было ли это столь же нечетко зафиксировано в том документе Ватиканского архива, на который ссылается Пирлинг.³ Здесь впервые (в хро-

Николай и Баттиста (...heredes instituit... Elisiam suam matrem, Charolum, Nicolaum et Batistam, eius legitimos fratres...).

¹ Пирлинг ссылается на документ Ватиканского архива: Exitus. T. 472. P. 173. См.: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 133, n. 1; *Пирлинг П. Россия и Восток...* С. 213.

² *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 132; *Пирлинг П. Россия и Восток...* С. 209 и 213.

³ Кто же был Николай Джисларди, отправившийся из Москвы в Рим в 1468 г.? Московский свод называет, говоря о поездке из Рима в Москву в 1469 г., Карла — брата Ивана Фрязина, и Антона — племянника Ивана

нологическом ряду интересующих нас событий) названа фамилия Джисларди (Гислард в текстах латинских документов), которая в дальнейшем будет часто упоминаться в связи с Иваном Тривизаном.

Благодаря тому, что Иван Фрязин, московский «денежник», имел племянника по имени Антон, стали считать, что венецианский посланец (*nuntius*) Антоний Гислард, или Джисларди, и есть этот племянник. Такое предположение кажется возможным, так как оба — и дядя, и племянник — играли немалую роль в сложных перипетиях, случившихся с Иваном Тривизаном, и в дипломатических отношениях между Москвой и Венецией. Но установлению родства между Иваном Фрязиным и Антоном Фрязиным, или Антонием Гислардом, мешает разница в их фамилиях: Вольпе и Джисларди. Пирлинг приводит некоторые сведения о фамилии Джисларди и о самом Антонии по рукописи латинской

Фрязина по его старшему брату. В завещании сестры Ивана Фрязина сказано, что второго брата звали Николай. Не произошла ли здесь путаница в именах — отца (Николай) и сына (Антон), племянника Ивана Фрязина? Ср.: Пирлинг П. Россия и Восток... С. 213. Однако если действительно перепутаны имена отца и сына — а это могло случиться, — то остается непонятной фамилия Джисларди, когда нужно было бы ожидать, что сын носил фамилию отца — Вольпе. Путаница наблюдается и в Софийской Второй летописи (Приложение I, 5), где говорится: «брат же Фрязинов Онтон», когда Антон был не братом, а племянником Ивана Фрязина, если исходить из первоначального сообщения об этом в Московском своде, в котором в дальнейшем упоминается Антон Фрязин, но без фамилии и без определения родства с Иваном Фрязиным.

хроники Баттисты Пальярини (Paffiarini), хранящейся в Коммунальном архиве города Виченцы.¹ Хронист XV в. записал о своих согражданах и современниках: «В наше время был здесь Лаврентий, сын покойного Бонфранциска... от него родились: Иаков... замечательный каузидик²... и Антоний, его брат, который объездил и осмотрел многие земли на свете (*qui multas in mundo partes queritavit*)... Я полагаю, что эта фамилия происходит из этого города (то есть из Виченцы) и ниоткуда больше».³

Таким образом, к известию о приходе в 1469 г. в Москву грека Юрия с предложением кардинала Виссариона относительно возможности брака Софьи Палеолог с Иваном III следует присоединить вероятное путешествие этого же Юрия на год раньше (в 1468 г.) из Москвы в Рим. Нельзя себе представить, чтобы эти люди, т. е. Юрий и его спутники, вели переговоры исключительно о «византийском браке», не касаясь вопросов общей политики, волновавших Италию. Среди этих вопросов главным был, как уже сказано, вопрос о борьбе с тур-

¹ В так называемой *Biblioteca Bertoliana*. См.: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 442; *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 211–212.

² *causidicus* (от *causa* и *dicere*) — судебный деятель, адвокат.

³ Пальярини описал и фамилию Вольпе, относительно происхождения которой сказал иначе: «Я обнаружил, что фамилия *Volpe* — древнейшая и пришла к нам из германских земель (*ex Germanicis partibus*) уже лет четырехста тому назад, как о том свидетельствуют писавшие об истории Виченцы». Отрывки из хроники Пальярини Пирлинг опубликовал в книге «Россия и Восток». С. 210–212.

ками. Ряд государств как внутренних (особенно Венгрия), так и приморских (например, Неаполитанское королевство) были настороже, готовые либо выступить, либо, по крайней мере, предпринять те или иные попытки организовать сопротивление турецкой агрессии. Поиски способов отбросить турок или хотя бы ослабить их или отвлечь в сторону не прекращались. При любых направлениях войны и при любом размещении сил Венеция неизменно оставалась на переднем плане, и потому ее дипломаты принуждены были показать себя наиболее изобретательными, придумывая такие ситуации, которые обещали бы стать губительными для Мухаммеда II или, по крайней мере, препятствовали бы поступательному и победному движению его сухопутных войск и флота.

Для разъяснения этой общей, весьма крупной и сложной политической картины имеется некоторый материал, позволяющий добавить в нее несколько выразительных черт. По-видимому, не только большую, но даже исключительную роль играл в политике этих лет (примерно 1468–1472 гг.) Джан Баттиста Вольпе, он же — Иван Фрязин, уже немало лет служивший в Москве, но не утерявший связей с Италией и имевший дипломатический опыт в Орде. Он великолепно понимал, что в это время вся политика в Западной и Восточной Европе подчинена идее защиты от турецкой опасности. В своем дипломатически-искусном и изворотливом уме Иван Фрязин сумел сопоставить представления о возможной политической роли как Запада, так и Востока, особенно же о значении восточных государств (Москвы и Большой Орды, быть может, в соединении с

Персией) для отпора туркам или даже для сокрушения их начинавшей крепнуть державы.

Иван Фрязин нашел пути проникновения в сферу политики, направленной (или — допустим и такое предположение! — направляемой незаметно... им самим) на Москву. Он оказался играющим немалую роль в двух начинаниях, предпринятых в Италии и нацеленных на Москву. С одной стороны, это был — осуществленный, как известно, — проект брака Софьи Палеолог и Ивана III. Этот план в завершенной форме исходил из Рима. С другой стороны, это был — неосуществленный, как известно, — проект похода хана Ахмеда за Дунай и во Фракию против турок. Этот план в разработанном виде исходил из Венеции. Идеи обоих планов могли быть порождены в уме Ивана Фрязина.

На берегах Черного моря, главным образом в Каффе (еще не захваченной тогда турками и продолжавшей быть городом, управляемым генуэзцами), конечно, знали о том, что окончательно укрепивший свою власть в 1468 г. правитель Персии Узун Хасан уже несколько лет (с 1459 г.) был женат на Феодоре, дочери предпоследнего трапезундского императора Иоанна IV, от которой имел сына, потомка византийского императорского рода Комнинов. Естественно, что Узун Хасан, могущественный собиратель большого государства, претендовал на получение и столицы, и всей территории бывшей Трапезундской империи, сломленной и захваченной Мухаммедом II летом 1461 г. Из Каффы или иным путем могли знать об этом и в Москве, и не последним мог узнать об этом и Иван Фрязин. Надо полагать, что правительство Венецианской республики тоже было осведомлено о подобных замыслах

Узун Хасана, располагая связями как с причерноморскими областями, так и с восточным Средиземноморьем. Сведения о Трапезунде и о притязаниях на него со стороны Узун Хасана отражены в подробнейших «Венецианских анналах» Доменико Малипьеро (значит — они были известны вообще в Венеции!), который записал, что Узун Хасан направил своего посла к Мухаммеду II с протестом относительно Трапезунда, захваченного турками: Узун Хасан считал Трапезунд своим (*cosa sua*), так как этот город был (до лета 1461 г.) столицей его, Узун Хасана, тестя (*per esser stà sedia de so suocero*).¹

Кардинал Виссарион, которому был поручен присмотр за воспитанием и устройством судьбы осиротевших и еще молодых Палеологов — Зои, Андрея и Мануила — с особенной заботой и беспокойством относился к вопросу о замужестве византийской царевны.² В Риме не раз пытались выдать замуж эту — в силу исторических судеб — бесприданницу. Сведения об одном из этих случаев переданы единственный раз и только в хронике Георгия Франдзи,³ который будто бы сам присутствовал на торжестве обручения в июне 1466 г. в Риме.

¹ *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinati et abbreviati del senatore Francesco Longo* // *Archivio storico italiano*. Т. 7. Parte 1-2. Firenze, 1843-1855 (далее — *Malipiero*).

² Позднее, когда брак Софьи Палеолог был налажен, Виссарион вспоминал в письме приорам Съены (в мае 1472 г.), что замужество «племянницы греческого императора» было предметом «его заботы и беспокойства» — «*res est nostre cure et solitudinis*» (*Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 244).

³ *Phrantzes*. IV. 22. Bonn., 1838. P. 424-425.

Зою Палеолог обручили с неким «архонтом Каракиолом», о котором Франдзи не сообщил ничего, кроме того, что он был богат и знатен. Однако этот рассказ вызывает недоверие исследователей: в результате внимательного рассмотрения хроники Франдзи (или правильное — Сфрандзи) ученые пришли к выводу, что этому автору принадлежит только запись «О себе самом и о том, что происходило при его жизни» в годы 1401–1477.¹ Пространная же версия, широко известная по старому Боннскому изданию 1838 г., является, по всей вероятности, позднейшей (XVI века) обработкой — в виде ряда включенных повсюду дополнений — основного текста записи Сфрандзи. По новейшему (1966 г.) исследованию и критическому изданию сочинения Сфрандзи² выясняется, что та часть текста, в которой идет речь об обручении Зои — Софьи Палеолог с архонтом Каракиолом (имеется, по-видимому, в виду представитель знатной неаполитанской фамилии Карачоли — Caraccioli, выдвинувшейся именно в XV в.), должна быть отнесена к поздней-

¹ Из обширной литературы, посвященной анализу труда Сфрандзи, назовем: *Papadopoulos I. B.* Phrantzes est-il réellement l'auteur de la grande Chronique qui porte son nom? // *Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare*. IX. 1935. P. 177–189; *Dölger Fr.* Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts: Metropolit Makarios von Monebasia (Otto Glauning zum 60. Geburtstag... Leipzig, 1936. S. 25–35); *Loenertz R. L.* Auteur eu Chronicon Maius, attribué à Georges Phrantzes // *Miscellanea G. Mercati*, III. Studi e testi, 123. Città di Vaticano, 1946. P. 273–311.

² *Sphrantzes Georgios*. Memorii 1401–1477. Editie critică de Vasile Grecu. București, 1966.

шим добавлениям, то есть к «Псевдо-Сфрандзи». Поэтому-то и берется под сомнение рассказ о «первом» обручении Софьи Палеолог.¹ Две другие попытки кардинала Виссариона выдать замуж последнюю представительницу византийского императорского дома — сначала за герцога Мантуанского, затем за короля Кипрского — расцениваются как достоверные факты. Следовательно, если отбросить сомнительное сообщение хроники Псевдо-Сфрандзи, Софью пытались выдать замуж трижды. Удалась только последняя попытка, приведшая ее в 1472 г. в Москву. В Московском своде (с. 281) указаны два жениха, которые будто-бы не подошли по причине своего «латынства», не одобренного невестой (причина, вполне приемлемая для Москвы). Претендентами летопись называет французского короля и «великого князя» Миланского («князь великы Медеяньскы»). И тот и другой не соответствуют действительности, но отдаленно знаменуют собой: первый — короля Кипрского Иакова III (по рождению из французского рода Лузиньянов), вто-

¹ Вот вкратце этот рассказ: «...святейший папа, при посредстве почтеннейшего кардинала Виссариона, обратился к деспотам — вернее, к деспоту Андрею и к Мануилу принцу (αὐθεντόπουλος) — с предложением, чтобы они отдали свою сестру в жены (ἵν' εἰς γυναῖκα δώσωσι) некоему архонту из рода Каракиоло (τῖνι ἄρχοντι ἐκ γένους Καρράκιόλφ), знаменитому и богатством, и родом, и знатностью. Когда согласие было получено, папа совершил священный обряд обручения (ἡ τῶν μνηστρῶν ἱερολογία). Мы же, приближенные невесты (οἱ τῆς νύμφης οἰκιακοί), получили от жениха (παρὰ τοῦ νυμφίου) множество подарков и были преисполнены радости» (*Sphrantzes*. Ed. V. Grecu. P. 562–564 — XXII, 4).

рой — маркиза Мантуанского, сына Лодовико III Гонзага (миланский вместо мантуанский).

Не вдохновился ли Иван Фрязин — склонный, как видно, к участию в политических комбинациях, — напрасными пока что стараниями кардинала Виссариона и вдруг представившейся перспективой устроить неслыханно выгодный политический брак?¹ Ведь в случае удачи московский великий князь, как супруг деспины, мог бы претендовать (и посерьезнее, — хотя бы по конфессиональной причине, — чем Узун Хасан на Трапезунд) на самую столицу Византийской империи, на Константинополь! Пока война с турками не прекратилась, подобная претензия могла выразиться в форме реального завоевания. Не носились ли эти соображения в талантливом комбинаторском уме Ивана Фрязина? Едва ли он был в силах непосредственно направлять намерения папы и наиболее влиятельного из кардиналов, но он мог пытаться найти пути, чтобы вывести их на подобные мысли.

Вернемся к вышесказанному: в 1468 г. — если Пирлинг был точен в изучении указываемого им документа Ватиканского архива,² — Иван Фрязин

¹ В общих чертах эту мысль высказал Пирлинг, хотя не сопоставил ее с общей, широко охватившей ряд государств политикой второй половины XV в. Кроме того, он неверно, на наш взгляд, ставил рядом политические стремления Рима и Венеции. Как известно, их задачи были далеко не одинаковыми. Эту неправильность за Пирлингом повторил, например, И. Б. Греков. (*Пирлинг П.* Россия и папский престол. С. 29, 174; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 164–166, 170–171).

² Пирлинг указал такой шифр: Exitus. T. 472. F. 173 v (*Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. P. 133, n. 1).

послал в Рим грека Юрия вместе с Николаем Джисларди. Задача их поездки, как-то обусловленная внешне, внутренне была и неофициальной, и никак не обозначенной. Судя по ответному посольству — а известие Московского свода неоспоримо — она состояла в том, чтобы заронить в ум кардинала Виссариона мысль о возможности брака Софьи (тогда еще Зои) Палеолог и Ивана III. В следующем, 1469 г., 11 февраля прибыли из Рима в Москву посланцы от Виссариона (но не от папы) с прямым предложением Ивану III брака с наследницей Палеологов.

Соотношение сторон, даже при скудных материалах источников, все же ясно. Инициатива заключить брак шла из Рима, а не из Москвы: Иван III не запрашивал о невесте ни папу, ни кардинала Виссариона. Однако открытому предложению предшествовали некоторые скрытые шаги, вероятнее всего, совершенные Иваном Фрязиным. Он первый мог обдумать все стороны дела и дать знать о своем плане не вообще в Рим, к папскому двору, где все, еще не созрев, могло исказиться, а непосредственно кардиналу Виссариону. Ответ последнего отразился в Московском своде, дело началось и стало развиваться. «Кому принадлежала инициатива протянуть династическую линию между Москвой и Римом?» — так поставил вопрос К. В. Базилевич.¹ И поставил его, пожалуй, неправильно. Имела значение не «династическая линия», а возможность построить удачную политическую комбинацию. Женитьба на представительнице императорского рода украсила бы бастарда на королевском престоле (каким был пред-

¹ Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. М., 1952. С. 73.

полагавшийся жених Софьи Палеолог, кипрский король Иаков III, незаконный сын предшествовавшего короля), но не сделала бы возможной удачную политическую комбинацию в отношении турецкой опасности. Вопрос об инициативе относительно брака Софьи Палеолог и Ивана III отпадает, так как в данной политической ситуации она никак не могла идти из Москвы, со стороны русского великого князя.

Благоприятная почва нашлась для этого плана и в том, что Иван III, овдовев в 1465 г. после первого брака, имел лишь одного наследника.¹ На фоне внутреннего положения в Московском государстве, когда феодалы-князья утратили свою самостоятельность и стали подданными великого князя, их дочери и сестры уже не годились в жены великому князю, для которого, наоборот, оказалось приемлемым жениться на иностранке.²

Иван Фрязин был отлично ориентирован как в итальянских, так и в московских делах, он был осведомлен о татарах (они были почти рядом) и о тур-

¹ Иван III (род. в 1440 г.) женился в 1452 г. на тверской княжне Марии Борисовне. В 1458 г. у них родился сын Иван. Мария Борисовна умерла 22 апреля 1465 г. (Моск. свод. С. 260, 268, 272–273, 275, 279). Софья Палеолог вышла замуж за Ивана III 12 ноября 1472 г. (Моск. свод. С. 299).

² Это соображение высказано К. В. Базилевицем (*Базилевич. Внешняя политика...* С. 77–78). По-видимому, Базилевич согласился с мнением Пирлинга: «Интересы династии принуждали государя ко вторичному браку. В то же время пропасть, уже зиявшая между деспотом и его подданными, заставляла предпочесть невесту-иноземку соотечественникам» (*Пирлинг П. Россия и папский престол.* С. 173).

ках (о них всегда знали в Венеции, с которой он, сам полувенецианец,¹ не терял связей). Если и были предварительные переговоры (имеется в виду поездка грека Юрия из Москвы в Рим в 1468 г., освещаемая документом Ватиканского архива), быть может, даже только ориентировочные намеки и вопросы, то они вполне могут быть сочтены разведкой Ивана Фрязина, но отнюдь не официальным обращением Москвы в Рим. Настоящее предложение брака Ивану III было впервые принесено из Рима, когда в Москве появился грек Юрий «к великому князю с листом, в нем же писано...»²

Таким образом, сообщение Московского свода правильно и обосновано: отмеченное им под 11 февраля 1469 г. событие и было первым и официальным в переговорах о браке и — это необходимо добавить — о большем сближении между Италией и Москвой.

Намерения и действия Ивана Фрязина, до сих пор только предполагаемые, теперь — и вполне ответственно такому серьезному источнику, как Московский свод, — проясняются именно в смысле высказанного предположения. Он, и никто иной, немногим более чем через месяц (20 марта 1469 г.) направлен во главе важнейшего посольства в Рим, от Ивана III к папе Павлу II и кардиналу Виссариону, с поручением великого князя «царевну видети». Опираясь на советы и согласие княгини Ма-

¹ Родина Ивана Фрязина, Виченца, входила в состав Венецианской республики и была административно зависима от Венеции, как и многие другие северно-итальянские города венецианской территории (*terraferma*).

² Московский летописный свод конца XV в. С. 281.

рии Ярославны — своей матери, митрополита Филиппа и приближенных бояр, Иван III решился на предлагаемый брак. Его посол в Рим, Иван Фрязин, вернулся с четким ответом папы Павла II: «дати за него царевну, но да пошлет по неа бояр своих». Кроме того, папа выдал русскому послу «листы», то есть пропуск от папского имени проходить послам великого князя в течение двух лет по всем землям, признающим главенство католической церкви. Было ясно, что папа ждал ответных действий из Москвы немедленно.¹

После возвращения Ивана Фрязина из Рима, когда было окончательно налажено дело о браке Ивана III с Софьей Палеолог, наступила значительная пауза: папа предложил послать в Рим «бояр» из Москвы за царевной, но великий князь не сделал этого, и связи с Римом, судя по данным Московского свода, прервались на два с лишним года, с лета 1469 по осень 1471 г. В этот период времени Иван III завершил два крупных военных похода. Сначала «судовая рать» московского князя воевала с татарами Казанского ханства, затем происходила трудная и кровопролитная борьба с новгородцами (лето 1471 г.). Быть может, этим объясняется задержка в переговорах с Римом.

Однако, вдумываясь в политику и дипломатию данного времени между Россией и Италией, сопря-

¹ Московский летописный свод конца XV в. С. 281. Хотя сказано, что папа «отпустил» Ивана Фрязина, но нет в летописи указания, когда посольство вернулось в Москву. Рассказ о подготовке брака резко прерывается сообщением о русской «судовой рати», отправившейся на Волгу против Казани.

женную, кроме всего прочего, с проектом московско-византийского брака и с постоянным наличием турецкой опасности для Европы, нельзя не принять во внимание еще одно соображение. Оно состоит в следующем: хотя кардинал Виссарион старательно выполнял порученное ему попечительство о молодых Палеологах, подопечных римского престола, и в связи с этим всячески стремился выдать замуж Софью Палеолог,¹ проект московского сватовства не был делом только замужества византийской принцессы, не в пример предыдущим проектам брака с мантуанским маркизом или с кипрским королем; выход замуж за русского великого князя рисовался в Риме как крайне желательное политическое мероприятие. Под видом богатого приданого папа отдавал за Софьей всю Морею, то есть бывшие владения на Пелопоннесе как ее отца, деспота Фомы, так и его братьев, поочередно правивших Мистрой.² Особым качеством этого приданого было то, что оно

¹ Для тех времен Софью, родившуюся около 1448 г., могли считать «засидевшейся» в девушках. В одном из неизданных болонских источников, приводимых Пирлингом, прямо говорится, что Софье Палеолог было 24 года, когда она летом 1472 г. поехала из Рима в Москву: *Пирлинг П. Россия и Восток... С. 222; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. P. 165.*

² Братья Фомы Палеолога, правителя Мистры (*despoti Misistre* в западных источниках) — Феодор, Константин (впоследствии император Константин XI) и Дмитрий, без сопротивления сдавший Мистру туркам в 1460 г. Фома, младший из братьев, который не успел получить главного византийского владения на Пелопоннесе, а именно Мистры и ее земель, принужден был покинуть Морею в 1462 г. и умер в Риме в 1465 г.

не непосредственно переходило в руки новобрачных, но в момент заключения брака находилось во власти турецкого султана, и, чтобы получить его как реальное приданое, требовалось отвоевать его у турок. Эта эфемерность приданого Софьи могла оказаться немалой трудностью при переговорах между Москвой и Римом. Неизвестно, было ли условие о Морее зафиксировано в документальной письменной форме и, более того, не вызвало ли оно возражений или хотя бы поправок со стороны Москвы. Насколько можно судить по достаточно, по-видимому, старательному просмотру итальянских архивных материалов Павлом Пирлингом, сохранились только записи в хрониках Витербо и Виченцы об этом приданом Софьи Палеолог. Авторы хроник описывают приемы, оказанные Софье и ее свите при проезде через эти города на пути из Рима в Москву летом 1472 г. Попутно упоминалось и о приданом, «полученном» византийской царевной от папы Сикста IV; это была вся Морея, которую предлагалось силами мужа «королевы России» («la regina di Russia») отобрать у Мухаммеда II.

Пирлинг приводит текст: а) из хроники города Витербо (в передаче Феличано Бусси): «и обещал (король России) отвоевать Морею, которую держал султан» — «e promise detto (la re de Russia) la Morea, la quale tenniva el Turco, a racquistarla»; б) из хроники города Виченцы (с удивительным названием «Хроника прошедшего, настоящего и будущего времени»): «в качестве приданого папа дал ей всю Морею и все владения, которые держал там султан, но с условием, что король России должен был отвоевать ее (Морею) у этого султана» — «e gli havea data per dote tutta la Morea e tutto quello, che teneva

il Turco, con questo che il detto re di Russia la dovesse conquistare contro il detto Turco». ¹

В связи с вопросом о приданом Софьи Палеолог надо отметить ошибку Пирлинга. Он считал, что папа Сикст IV одарил Софью Палеолог приданым в виде денег, в сумме 6000 флоринов. Основанием ему служила надпись на фреске в здании больницы Св. Духа (Ospedale di San Spirito) в Риме: изображен папа Сикст IV, вручающий Софье Палеолог кошелек с деньгами. В надписи, составленной как будто ватиканским библиотекарем Бартоломео Платина, говорится, что папа готов помогать государям, изгнанным из их владений турками, и что он дал Софье, дочери Фомы Палеолога, вышедшей замуж за русского князя (que Ruthenorum duci nupseat), шесть тысяч золотых в приданое (sex milia aureorum in dotem largitur). Сумма эта слишком мала, даже мизерна для приданого знатной невесты. Кроме того, ее подлинное назначение хорошо разъясняется другими документами, на которые также указывает Пирлинг. Это ордер и расписка о выплате в июне 1472 г. Софье Палеолог суммы размером в 5400 флоринов на расходы по ее путешествию в Россию (pro certis expensis in eundo ad Russiam faciendis; per l'andata de Rossia); 600 флоринов для таких же расходов причиталось папскому легату, сопровождавшему Софью. Таким образом, Софья получила от Сикста IV некоторую сумму на путевые расходы, а приданое ее, как ска-

¹ Пирлинг П. Россия и Восток... С. 75, 222, 223–224. В книге «La Russie et le Saint-Siège» (Р. 164) автор не указывает на вышеупомянутые хроники.

зано выше, составила «вся Морея», находившаяся под властью турок.¹

Таким образом, перерыв в ходе начавшихся между Москвой и Римом переговоров произошел, по видимому, потому, что Иван III был действительно занят серьезными войнами, и потому, что условия женитьбы на Софье Палеолог могли показаться ему и его ближайшим советникам довольно затруднительными и не вполне ясными.

Одновременно Иван Фрязин, продолжавший служить московскому великому князю, несомненно, знал, что в Риме не оставляют надежды на брак Софьи и Ивана III, а в Венеции не перестают лелеять мысль о том, чтобы толкнуть татар на борьбу с турками. Более того, надо думать, что за указанный промежуток времени Иван Фрязин разработал и предложил примерный план действий — или, во всяком случае, попыток действий, — которые, в случае удачи, должны были принести изумительный плод: сдерживание, а то и разгром турок, и тогда — возвращение Константинополя в лоно христианства.² Венецианские дипломаты подхватили это

¹ Пирлинг П. Россия и Восток... С. 217–219; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. P. 159–160: «...six mille ducats environ... furent assignés en dot à l'orpheline des césars» («en dot», конечно, неверно).

² Торжество мусульманства в византийской столице и захват такого христианского святилища, как храм Св. Софии, ощущались как оскорбление, особенно в годы, недалекие от потрясшего всех завоевания. «Турьский царь» не только взял «хрестыанский град», но «и церковь великую Софею в мизгить учини, юже созда Устиниян великий царь» (ПСРЛ. Т. VI. Софийская Вторая летопись. СПб., 1853. С. 196).

последнее соображение, чтобы представить его как блестящую перспективу, которая должна была манить преемника палеологовского наследства, мужа Софьи Палеолог. Трудно разгадать, почему при подобных рассуждениях выпадал из поля зрения здравствовавший тогда старший брат Софьи, деспот Андрей Палеолог: в Венеции на этот счет должны были быть какие-то обдуманые основания. Не нашли удовлетворительного ответа в связи с этой неясностью ни Пирлинг, ни следовавший ему Базилевич. И вот — начались новые посольства в Москву. 10 сентября 1471 г. пришли послы из Венеции: Антон Фрязин и Иван Тривизан. Последнего летописец определяет очень подробно. Это «посол¹ к великому князю из Венеции от дюкы Венецейского Николы Трона, Иван именем, Тривизан прозвище»; далее подробно описано, в чем состояло поручение этого посла. Он должен был просить Ивана III отправить его, Тривизана, к Ахмеду, хану Большой Орды, так как венецианцы хотели попытаться побудить татар двинуться войной на турок.²

С конца 1470 года Венеция прилагала все усилия, чтобы образовать лигу итальянских и некоторых других государств против турок. Представля-

¹ В венецианских документах Джан Баттиста Тривизан всегда определяется как секретарь. Это должность, связанная с работой сената в области внешней политики. Секретарям поручали важные дипломатические задания. Например, секретарем был Джан Дарио, который представлял Венецианскую республику в Константинополе, когда был заключен мир между Венецией и турками в 1479 г., завершивший войну 1463–1479 гг. (см.: *Malipiero*. P. 121).

² Приложение I, 1.

лось возможным ударить на них не только с запада, но и с востока, и с севера. Весной 1471 г. в Венецию пришли три посла — из Польши, Персии и Грузии — для переговоров о сопротивлении туркам.¹ Налаживалось движение войск Узун Хасана в области Малой Азии. Тогда-то и стала казаться реальной уже обдумывавшаяся в Венеции идея (Ивана Фрязина) о походе татар из восточно-европейских степей против турок, в Валахию, за Дунай и по направлению к Константинополю. Если бы этот план удался, то турецкие владения должны были быть охвачены как бы клещами в результате движения Узун Хасана по Анатолии к западу и хана Ахмеда на юго-восток Балканского полуострова. Таким образом надеялись оттянуть все силы турок либо в сторону войск Узун Хасана, либо войск хана Ахмеда; Константинополь был бы тогда ослаблен или вовсе обнажен перед врагом с моря, то есть перед венецианским флотом, который должен был бы войти в Геллеспонт.

Действительно, благодаря грозному наступлению Узун Хасана летом 1473 г. в Армении, области вокруг столицы оказались «пустыми: люди и войска ушли воевать против короля Персии» («la Grecia e la Turchia é vacua de gente e de pressidio, per esser andati tutti in campo contra l're de Persia»). Тогда-то и было принято решение в сенате приказать ге-

¹ Этих трех послов объединил маршрут: посол Узун Хасана и посол грузинского царя прибыли морем из Трапезунда в Монкастро (в устье Днестра), откуда проехали в Польшу. Здесь к ним присоединился направлявшийся тоже в Венецию посол польского короля. См.: *La guerre dei Veneti nell'Asia 1470-1474. Publ. per E. Cornet. Vienna, 1856. Doc. 14, a. 1471. Apr. 22* (далее — *Cornet*).

неральному капитану венецианских морских сил, Пьеро Мочениго, чтобы он «вошел в проливы со всей армадой и двинулся на осаду Константинополя» («che l'entri in stretto con tutta l'armada e vada a combattere Constantinopoli»).¹ Однако проект, казавшийся блестящим, нарушился: Пьеро Мочениго решил спешно вести корабли к Кипру, так как 7 июля 1473 г. внезапно умер король Иаков II,² а его смерть грозила падением венецианского влияния на острове, хотя там оставалась королева-венецианка (Катарина Корнаро), к тому же ожидавшая рождения наследника. Таким образом, венецианский флот не смог выполнить своей роли у стен Константинополя. Кроме того, удачное начало войны Узун Хасана против турок в Малой Азии после ряда побед весной 1473 г. сменилось крупнейшим поражением персидского шаха 10 августа 1473 г. под Эрзинджаном.³ Узун Хасан с войском ушел в Тебриз и

¹ *Malipiero*. P. 86, a. 1473. Малипьеро передает, что смелая мысль бросить весь флот на Константинополь, пользуясь тем, что турецкие войска были оттянуты для пресечения побед Узун Хасана в восточной части Малой Азии, принадлежала одному из советников по морским делам (*savio il ordini*), Джеронимо да Мула, который и выступил со своим предложением перед правительством Венецианской республики; предложение (*la parte*) было принято; приказ двинуться всем флотом в проливы был написан и получен генеральным капитаном 24 июля 1473 г.

² *Cornet E.* Ed. *Lettere al Senato Veneto di Giosafatte Barbaro, ambasciatore ad Usunhasan di Persia...* Vienna, 1852 (далее — *Cornet. Lettere*). Doc. 23, a. 1473. Iul. 11; *Malipiero*. P. 798–799, a. 1473.

³ *Malipiero*. P. 91; *Cornet. Lettere*. P. 82–84: письмо Катарина Дзено, венецианского посла, который находил-

больше никогда не выступал против турок. В январе 1478 г. он умер.

Правительство Венецианской республики не оставило мысли о совместном союзническом нападении на турок и почти до конца войны с ними (1463–1479) продолжало переговоры с Узун Хасаном через своих послов.¹ Не прекращало оно и попыток относительно вовлечения татар в борьбу с турками.

Когда Иван Тривизан уехал из Венеции в Москву (летом 1471 г.), проект трехстороннего похода на турок был еще только в перспективе. Примечательно то, что Иван Тривизан сразу же по приезде и прежде всего — летопись это отмечает («первое») — отправился к Ивану Фрязину, готовый действовать с его помощью, если не прямо по его указке.² Дело в том, что Иван Тривизан, посланный дожем к московскому великому князю, должен был выполнить второй замысел Ивана Фрязина, то есть установить

ся в лагере Узун Хасана и бежал вместе с ним после поражения под Эрзинджаном, было первым сообщением (от 18 августа 1473 г.) генеральному капитану моря Пьеро Мочениго и другому послу Венеции Иосафату Барбаро, еще не уехавшему с Кипра. Весьма достоверный источник — Хроника Георгия Франдзи — отмечает некоторые победы и затем полное поражение Узун Хасана весной 6979=1470/71 гг., но, несомненно, в этом сообщении следует видеть известие о битве под Эрзинджаном 10 августа 1473 г. (*Phrantzes*. IV, 23. Р. 449–545).

¹ Ими были после Контарино Дзено (вернувшегося в Венецию после посещения некоторых европейских правительств) специальный посланец венецианского правительства, купец Паоло Оньибен и два посла Венецианской республики — Иосафат Барбаро и Амброджо Контарини.

² Приложение I, 1.

контакт с ханом Ахмедом и добиться нужного для Венецианской республики эффекта. В постановлении венецианского сената от 27 апреля 1472 г. записано, что Иван Тривизан был послан в Россию именно к Ивану Фрязину (*missus fuit per hoc consilium in Russiam ad Ioannem Baptistam a Volpe Ioannes Baptista Trivisan, secretarius noster*) с целью отправиться в Орду и призвать «татарского императора» пойти войной на турок; затем в том же постановлении добавлены следующие выразительные слова: «соответственно тому, как этот самый Иоанн Баттиста (Вольпе) нам предлагал». ¹ Особенно выразительно и определенно звучит характеристика Ивана Фрязина, данная ему в латинском тексте двух постановлений венецианского сената, связанных с посылкой Тривизана в Москву как первого исполнителя замысла о походе татар на турок. Иван Фрязин — *Iohannes Baptista a Vulpe* — назван в этих официальных документах «первым двигателем этого дела» ²; «первым двигателем и автором предложения этого скифского мероприятия». ³

Но и первый замысел Ивана Фрязина — о браке Софьи Палеолог и Ивана III, — отложенный как будто на долгое время или, казалось, совсем оставленный, вдруг возродился: Антон Фрязин, спутник Тривизана, тогда же (в сентябре 1471 г.) привез от папы Павла II «листы» для свободного прохода рус-

¹ Пирлинг П. Россия и Восток... С. 214: «*Sicut item Iohannes Baptista proponi nobis fecerat*».

² «Дело» («*practica*») — задание, с которым Венеция направила своего специального посланца в Россию.

³ «*Primus motor huius practice*», «*primus motor et propositior huius scitici negotii*» (Приложение II, 1, 2).

ских послов по католическим странам и до самого Рима, причем действие «листов» было бессрочное («до скончания века»). Ясно, что в Риме ждали послов из России в любое время, не теряя намерения передать им невесту московского великого князя; в последней фразе летописного рассказа о посольстве 1471 г. прямо сказано: «а по царевну бы Софью Аморейского царя по Фомину дочь посылал». ¹

Так переплелись между собой два проекта: устроить византийско-московский брак и наладить татарский поход на турок. Представляется наиболее вероятным, что оба проекта исходили из Италии — причем первый (о браке) интересовал Рим, а второй (о татарах) был особенно важен для Венеции — и что они оба зародились в уме итальянца, московского «денежника» Ивана Фрязина. В осуществлении и того и другого он, хотя и потайно, принимал живейшее участие.

Приехав в Москву, Тривизан — по предварительному ли сговору или по настоянию со стороны Ивана Фрязина — не приступил к выполнению своего задания. Он был представлен великому князю, но не как лицо с дипломатическим поручением, а только лишь как «князек венецейский», явившийся в Россию ради торговых дел («пришел... гостьбою») и, кроме того, племянник Фрязина. Последний же, через несколько месяцев после прибытия Антона Фрязина и Тривизана, уехал в Италию к папскому двору за царевной Софьей. ² Можно ду-

¹ Приложение I, 1.

² В первом из венецианских документов, касавшихся Ивана Тривизана, сказано, что Иван Фрязин «помешал» Тривизану (выполнить его поручение), «задержал» (его

мать, что, по мысли Ивана Фрязина, следовало отложить миссию Тривизана у татар до совершения брака Софьи Палеолог и Ивана III, так как после этого московский великий князь мог бы прельститься мечтой о преемстве в отношении Византии и благосклонно отнестись к плану действий, инспирированному Венецией и реализуемому ее посланцем Тривизаном.

В день приезда Софьи Палеолог в Москву, 12 ноября 1472 г.,¹ митрополит Филипп венчал «великого князя Ивана Васильевича всея Руси со православною царевною Софьею, со дочерью Фоминою деспота Амореяского». Ее исключительно знаменитое родство здесь же упоминается летописцем; он называет ее деда «царя Мануила Цареградского» и трех ее дядей, последних царственных Палеологов: императоров «Ивана Калояна» (Иоанна VIII) и Константина XI, а также их брата, деспота Дмитрия, последнего правителя Мистры.²

поездку к хану Ахмеду) и даже «оставил» венецианского секретаря «полузаложенным в Москве»: «...secretarius noster... impeditus et retentus fuit ab ipso Vulpe; ... quin, imo relicto ipso nostro, secretario semiobside in Mosha, ipse Vulpe in Italiam venit...» (приложение II, 1)

¹ Посольство за царевной ушло из Москвы 16 января 1472 г.

² Едва ли правильно называть в 1468 г. отца Софьи, деспота Фому Палеолога, «наследником византийского престола», как это написано в книге И. Б. Грекова (*Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 165*). Фома Палеолог, будучи младшим сыном императора Мануила II, не стал наследником престола, потому что империя пресеклась на правлении его брата, Константина XI;

Однако эти необыкновенные, чуть ли не самые блестящие в Европе династические родственные связи не способствовали каким-либо изменениям в целеустремленной политике Ивана III.

Он совершенно не был склонен не только претендовать, но даже отдаленно помышлять о Византии — о власти ее былых императоров, о прошлом блеске ее столицы, о приобщении того и другого для украшения своей власти и своего государства. Это обстоятельство — несомненно, в силу малого знакомства с Россией — не было учтено в Венеции, и как наблюдения Ивана Фрязина в Москве, так и предположения венецианских дипломатов оказались неправильными: они неверно истолковали стремление московского государя к самодержавию и не поняли рождавшейся в Москве идеи русской самодержавной власти (а в основе этой идеи не было заложено никаких византийских традиций). Появление в Москве новой великой княгини с ее призрачно-великолепным наследством не имело значения для развития планов в отношении борьбы с турками или хотя бы содействия этой борьбе.¹

Фоме предшествовал его брат Дмитрий, последний правитель Мистры, умерший в турецком плену в Адрианополе в 1471 г. Сам Фома умер раньше Дмитрия, а именно в мае 1465 г. в Риме.

¹ Эти положения в наши дни приняты исследователями истории России периода образования Московского государства. С ясностью представил это мнение Д. С. Лихачев (*Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.; Л., 1945*). Краткие высказывания обобщающего характера — «Памятники эти (памятники конца XV в.) никак не подтверждают мнения... о связи русской идеи самодержавной власти с византийскими традиция-

Таким образом, общий итальянский план относительно России (брак Ивана III и активизация татарского похода на турок) удался менее чем на половину. Брак между византийской царевной и русским государем был заключен, но не вызвал в Москве повышенного интереса к делу освобождения повергнутой Византийской империи. Удар на турок и вовсе не осуществился.

Отчасти сами же итальянцы, члены свиты, сопровождавшей Софью Палеолог в Москву, нарушили придуманное Иваном Фрязиным и двинутое венецианскими дипломатами мероприятие. Увидевшись в Москве с Тривизаном, они — явно не посвященные в тайну «венецианского князька», — стали спрашивать, почему он медлит со своим дипломатичес-

ми. Никакой роли в формировании русского самодержавия не играла Софья Палеолог и ее византийское наследство: Иван III и его преемники никогда не ссылались на наследственные права Софьи» — см. в статье-рецензии: *Лурье Я. С.* О возникновении теории Москва — третий Рим (к выходу в свет второго издания книги *Х. Шредер*) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XVI. 1960. С. 632–633. См. еще: *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. В этом обстоятельном исследовании собраны различные мнения по вопросу, сформулированному в заглавии книги, начиная с предположений М. М. Щербатова (История Российская. Т. IV. Ч. 2. С. 39), который приписывал Ивану III мысль о завоевании Константинополя, и Н. М. Карамзина (История Государства Российского. Т. VI. С. 39), который приписывал Ивану III мысль о получении через брак с Софьей Палеолог прав византийских императоров.

ким заданием («...почто много мотчает»), и затем не замедлили доложить Ивану III, с каким поручением в действительности, более чем за год до того, прибыл он из Венеции в Москву.¹ Иван III был крайне разгневан и подверг наказанию Ивана Фрязина и Ивана Тривизана. Первый в оковах был выслан в Коломну, где, по-видимому, и погиб, так как ни одно сведение о нем не мелькнуло более на страницах летописи. Второго великий князь готов был казнить, но в его судьбу поспешили вмешаться те же приехавшие с Софьей итальянцы: они просили повременить с жестокой карой, пока дело Тривизана не будет выяснено в переписке с венецианским дожем.² Иван III, задержавший у себя спутников Софьи, «фряз и греков», до 26 января 1473 г. и отпустивший их в Италию со многими дарами к папе и двоим своим шуринам («шурье своей»), внял обращенной к нему просьбе и поручил находившегося в оковах Ивана Тривизана наблюдению Никиты Беклемишева, своего дипломата, специалиста по связям с татарами. Арестованный в ноябре-декабре 1472 г. Иван Тривизан пробыл в заключении (в «нятье») до конца апреля 1474 г.

Раньше, чем перейти к дошедшим до нас венецианским материалам по делу Ивана Тривизана, необходимо сопоставить данные Московского свода, положенного нами в основу исследования, с данными несколько иного характера, содержащимися в Софийской Второй летописи.³ Эта летопись по-

¹ Приложение I, 2.

² Приложение I, 2: «доколя обошлеса с Венецейским дюкою». Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VIII. 1859. С. 176): «доколе обошлется с Венецейским дюкою».

³ Приложение I, 5, 6.

своему примечательна; бросается в глаза стиль ее изложения — простой, порой разговорный, не чуждый описанию быта, с нередкими включениями прямой, иногда весьма бесхитростной речи, и одновременно довольно сложный, благодаря множеству подробностей. Между Софийской Второй летописью и Московским сводом нет сходства в манере написания; они настолько различны, что их трудно сравнивать. В предисловии к изданию Софийской Второй летописи подчеркивается ее необыкновенная полнота и детализация в описаниях; ее материал определяется как превосходный.¹ Одинаковую с ней редакцию имеет Львовская летопись.²

Сообщения об Иване Тривизане, приводимые Софийской Второй летописью, в некоторых частях разнятся от сообщений Московского свода. Проведем их сличение и выделим интересные и нужные добавления к тому, о чем было сказано выше.

Прежде всего следует отметить, что в Софийской Второй летописи рассказ об Иване Фрязине и Иване Тривизане (правильнее — рассказ о браке Софьи Палеолог и о проекте наладить поход татар на турок) начинается с более позднего — по сравнению с московским сводом — момента, а именно с момента сватовства; предварительные переговоры опущены, великий князь посылает Ивана Фрязина «в Рим к папе свататися».³ Однако намек на пре-

¹ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 117.

² ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910. Об обеих летописях (Софийской Второй и Львовской) см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 453–454 и 474–475.

³ Приложение I, 5. Здесь же выписано имя дочери «греческого царя Аморейского» — Зинаида (по-видимому, изменение имени Зоя).

дыдущее посольство скрыт в указании, что папа послал в Москву доверенное лицо по имени Юргу, чтобы служить проводником Ивану Фрязину в пути из Москвы в Рим (пункты пути перечислены именно в этом направлении: Новгород, «Немци», Венеция, Рим).

В описании путешествия Фрязина в Рим ¹ отмечен — и с достаточными подробностями — эпизод известной исторической важности, разъясняющий предположение о весьма значительной роли московского посла в политических планах Венеции, связанных с турецкой агрессией. Полагаем, что этот эпизод мог быть намеренно опущен в Московском своде, так как невыгодно для Москвы оттенял московского посла, в дальнейшем исполнившего государственное поручение и привезшего из Италии невесту великого князя.

На пути из Рима на север, рассказывается в Софийской Второй летописи, Фрязин заехал в Венецию. Здесь он объявил себя «большим боярином у великого князя», рассказал о сватовстве в Риме и вступил в переговоры с венецианским правительством — с дожем ² (с «князем Венецейским») и с сенатом («с бояры»). Летописец обстоятельно поясняет, что дож и его советники пришли к мысли — в помощь своим усилиям по борьбе с турками —

¹ По сообщению Московского свода, посольство Фрязина в Рим по поводу сватовства отправилось из Москвы 20 марта 1469 г. Софийская Вторая летопись, в противоположность Московскому своду, небогата хронологическими данными и в этом случае также не сообщает даты путешествия Фрязина в Италию.

² Дожем был Кристофоро Моро, умерший 9 ноября 1471 г.

привлечь еще и татарскую Орду, но, не ведая будто бы, каким путем туда попадают, стали просить Ивана Фрязина проводить венецианского посла через Россию к татарам.

Незнание пути в южнорусские степи никак не могло быть приписано не только венецианцам или генуэзцам, но даже купцам иных, континентальных, итальянских городов. В течение двух столетий в Италии знали о Каффе, тесно связанной с татарами, знали и о Тане при устье Дона. В инструкциях послам венецианские дожи нередко указывали, каким путем надлежит идти к месту назначения, и могли упоминать о «*via de Caffa*», которой пользовались и после 1453 г. Так, например, ехал из Персии венецианский посол Катарино Дзено: с кавказского побережья он прибыл в Каффу, оттуда морем отправился в Монкастро, затем поднялся вверх по Днестру в Польшу и через Германию достиг Венеции. В случае с Иваном Фрязиным затруднение возникло в связи с нараставшей трудностью плавания в Каффу: нелегким представлялся и путь по степям в поисках ханской ставки. Из Москвы же венецианцы до сих пор не сносились с Ордой. Предложение маршрута в Орду через Московское государство — как предложил Иван Фрязин — было новым и показалось в Венеции удобным для политического путешествия. Фрязин согласился и по приезде Тривизана в Москву выдал его перед великим князем за купца, подыскал ему толмача и отправил в Рязань, чтобы оттуда идти в Орду. Иван III узнал об этом и приказал задержать Тривизана, которого схватили вместе с толмачом в Рязани; Иван Фрязин был арестован в Москве, по возвращении из Рима с царевной Софьей.

Такова версия Софийской Второй летописи.¹

Наиболее существенным ее отклонением по сравнению с Московским сводом является указание на переговоры Ивана Фрязина с правительством Венеции, что уясняет его позицию по отношению к Тривизану. При этом, по всей вероятности, и был выдвинут Фрязиным конкретный план вовлечения хана Ахмеда в войну с турками. Кроме того, обращает на себя внимание известие, что Иван Фрязин взял с собой Тривизана из Венеции и доставил его в Москву. Это неверно, так как даты, отмеченные в Московском своде и, несомненно, точные (у летописца была подробная хронологическая канва для огромного большинства событий), едва ли допускают, чтобы Тривизан прибыл в Москву еще в середине 1469 г., но оказался уличенным лишь в конце 1472 г., после венчания Ивана III и Софьи, то есть прожил в Москве (ничего не делая по линии своего дипломатического поручения, «мотчая»!) около трех с половиной лет. По Московскому же своду, этот промежуток времени начался с 10 сентября 1471 года и длился 14 месяцев. Полагаем вероятным, как сказано выше, решение Ивана Фрязина о том, что с большим успехом он начнет дело о походе татар на турок после бракосочетания великого князя и византийской царевны, чем, собственно, и было вызвано «мотчание» Тривизана, однако не столь длительное, как получается по Софийской Второй летописи.

Новым по сравнению с Московским сводом является изображение в Софийской Второй летописи реакции возмущенного Ивана III, который сам по-

¹ Приложение I, 5.

слал свои упреки дожу в Венецию: «Что тако сотвори? С меня честь сняв, а втай через мою землю плеть посла, а меня не доложаш!»¹ Здесь особенно ярко выступает особенность Софийской Второй летописи — присущая ей склонность к живописности и психологизации, чего вовсе нет в серьезном и официальном, хотя и достаточно пространном тексте Московского свода. Однако в связи с гневом великого князя, переданным в Венецию через московского посла Антона, «брата» уже «пойманного» Ивана Фрязина, сообщается о переписке между Москвой и Венецией, о том, что венецианцы просят Ивана III «нелюбие отдать» и Тривизана «отпустить к орде» и снабдить его деньгами. Это сведение из Софийской Второй летописи вполне отвечает действительности, так как некоторые документы этой переписки сохранились до нашего времени. Впрочем, указание на письма из Венеции, привозившиеся к Ивану III Антоном Фрязиным (Гислардом, Джисларди) имеется и в Московском своде.²

* * *

Совершенно незамеченными в русской исторической науке как советского, так и предыдущего периода остались скромные по виду и по объему издания венецианских документов XV в., опубликованные в середине прошлого столетия итальянским ученым Энрико Корне (Enrico Cornet).³

¹ Приложение I, 5.

² Приложение I, 3, 4: «по первому их (венецианцев) челобитью», «по их челобитью».

³ Cornet. Lettere; Cornet E. Ed. *Le guerre dei Veneti nell'Asia 1470-1474*. Vienne, 1856 (далее — Cornet. *Le guerre*).

Первое из них — издание писем Иосафата Барбаро, вернее, его докладов, так называемых *dispassi*, венецианскому правительству, когда он, отправившись как посол Венецианской республики в Персию, задержался в 1473–1474 гг. на Кипре. В собрании из 49 писем первое, написанное через несколько дней после отплытия из Венеции, датировано из Ядры (*Zagra*) 21 февраля 1473 г.; последнее, написанное в начале путешествия с Кипра по Малой Азии в Тебриз, датировано из порта Курко¹ 23 февраля 1474 г.

Второе и особенно важное — издание постановлений и посланий венецианского сената в труднейшее для республики время, на переломе венецианско-турецкой войны (1463–1479), когда после пораженного всю Италию и более всего Венецию взятия Негропонта (о. Евбея) в июле 1470 г., турки открыли себе путь на Запад. В собрании из 103-х документов первый датирован 20 августа 1470 г. и открывается встревоженными словами об «Евбейском бедствии» («*Euboeia clades*»), а последний, от 13 сентября 1474 г., содержит ответ венецианского сената на письмо Барбаро из Урфы (г. Эдесса), с пути в Тебриз, к Узун Хасану.

Оба издания Энрико Корне представляют, несомненно, большой интерес. Собранные в них документы, в большинстве случаев весьма обстоятельные, с точным изложением, свойственным государственным актам, отражают международные отношения между государствами, в первую очередь итальян-

¹ Курко (*Korgos, Curco*) — замок и порт на южном побережье Малой Азии, восточнее Селевкии (Киликийской).

скими, в связи со стремлением объединить силы для борьбы с турками. Главную организующую роль играла находившаяся, так сказать, на переднем крае Венеция, к тому же рисковавшая обильным источником своих богатств — еще сохранными от турецкого посягательства некоторыми торговыми пунктами на Леванте.

В непосредственной опасности оказалась после 1470 г. и восточная часть северной Италии, то есть территория самой Венецианской республики. Турки стали появляться в преддверии Италии, на реке Изонцо, которая издавна рассматривалась как рубеж при входе в Италию с севера и с востока; здесь некогда, еще за тысячу лет до того (в V в.), появлялись войска Алариха, Атиллы, затем Теодериха, отсюда варвары реально угрожали Риму.¹ Малипьеро, современник того, о чем писал, отметил, например, что в середине осени, вечером, незадолго до заката солнца, турецкий отряд появился на берегах Изонцо, готовый пересечь реку, но был отражен стоявшими неподалеку венецианскими «солдатами» (наемниками). Однако турки все же перешли пограничную реку, грабили страну и доходили до города Удине, центра Фриуля.² В 70-х годах XV в. эти турецкие набеги стали нередким явлением.

¹ В VI в. Кассиодор писал, что переправа через Изонцо вводит в Италию: «струи Сонция ... где впервые принимает нас государство Италии» (*Variae*, I, 18; *MGH Auct. antiquiss.* XII. 1984).

² *Malipiero*. P. 77: «Era quasi la metà dell'autunno, quando, appresso'l tramontar del sol, una squadra de'Turchi comparse su le rive del fiume Lisonzo e già cominciavano a passar...»

Тогда-то и зародились в умах венецианских дипломатов планы грандиозного отпора туркам, крупного и организованного наступления на них со всех возможных сторон: с моря — нападение флотов венецианского, папского и неаполитанского;¹ с востока — захват турецких владений в Малой Азии силами Персии (Узун Хасан) и Карамании; с севера — движение татар Большой Орды (хан Ахмед) за Дунай к Константинополю. Вот эта последняя составная часть общего плана одновременного давления на Мухаммеда II интересна тем, что она требовала втягивания Московского государства в общую антитурецкую политику.

В этой именно связи создавалась цепь политических отношений: Венеция — Москва — татары — турки.

Энрико Корне работал в знаменитом венецианском архиве Фрари (Archivio ai Frari, ныне Государственный архив Венеции, Archivio di Stato), где он нашел,² прочел и подготовил к изданию ряд ценных исторических документов точно ограниченного периода

¹ Венеция упорно отвергала союз с Генуей для борьбы с турками; ср.: *Cornet. Le guerre*. P. 59–61. Doc. 47, a. 1472. Dec. 12.

² П. Пирлинг, справедливо одобряемый за усердные занятия в итальянских архивах, работал позднее, чем Энрико Корне. В своих сочинениях (они появились в 90-х гг., а публикации Э. Корне — в 50-х гг. XIX в.) Пирлинг упомянул имя Э. Корне дважды: в списке литературы (*Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 444, с ошибкой) и в тексте (*Ibid.* P. 181, с многочисленными ошибками). В русском переводе повторены те же ошибки (*Пирлинг П. Россия и папский престол*. М., 1912. С. 218). Списка литературы при русском переводе нет. Хотя Пирлинг и на-

в жизни Венеции: 1470–1474 гг. В отобранных документах с ясностью отразилась внешняя политика Венеции, направленная на отчаянное сопротивление непреклонному и почти всегда увенчанному удачей движению турок на страны, которые окружали уже завоеванные ими владения. Адресатами венецианского правительств были: Фердинанд, или Ферранте I, неаполитанский король (1458–1494), папы Павел II (1464–1471) и Сикст IV (1471–1484), правитель Персии Узун Хасан (1469–1478), серьезнейший противник Мухаммеда II (до августа 1473 г., когда Узун Хасан потерпел сильнейшее поражение от турок под Эрзинджаном). В документах показано участие в антитурецких планах польского короля Казимира IV, венгерского короля Матвея Корвина, бургундского герцога Карла Смелого, грузинского царя Александра. Красноречиво и полно рисуют политику Венеции пространные и интереснейшие по содержанию инструкции («комиссии») послам, как официальные — от лица дожа («открытые», *aperte, patentes*), так и секретные,¹ делавшиеся от лица сената в виде дополнений к «открытым».

звал издание Э. Корне, тем не менее он писал, что «нашел» два послания от 4 декабря 1473 г. к Ивану III и к Тривизану; на самом деле эти документы (в соединении еще с двумя сенатскими постановлениями) задолго до работ Пирлинга обнаружил в архиве Фрари и опубликовал Э. Корне. Ср.: *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 102–104; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. P. 180.

¹ Секретные комиссии не имели установленного названия; иногда писалось «*nostri secreti commandamenti*» или же определение было описательным: «...*che tuto questo apresso de ti* (т. е. у тебя, у посла) *sia secretissimo*» (*Cornet. Le guerre. Doc. 60, 99*).

Среди разнообразных, весьма содержательных посланий, писем, постановлений, посольских комиссий и т. п. в издании Э. Корне помещены четыре документа, которые непосредственно касаются Московского государства и, более того, перекликаются с сообщениями русских летописей. Насколько нам известно, до сих пор этим текстам не уделил достаточного внимания ни один историк феодальной России, кроме П. Пирлинга. Правда, многие ученые ссылались на его сочинения, однако сами не обратились к собственному анализу этих довольно редкостных и любопытных источников XV в.¹

Все они датированы второй половиной 1473 г. По нумерации издания Энрико Корне это документы 77 (21 июля), 85 (20 ноября), 90 и 91 (оба 4 декабря). Они относятся к эпизоду с Иваном Тривизаном, точнее — они вызваны фактом его ареста в Москве. Однако, появившиеся по поводу эпизода, они одновременно освещают одну из сторон того грандиозного замысла большой политики, душой которой была Венеция и которая, размахнувшись на большом ареале от Италии до Тебриза и Москвы, должна была — в случае успеха — привести к победному результату в центре этого ареала, в Константинополе.

Что же следует отметить в интересующих нас документах?

¹ Э. Корне прислал свое издание «*Le guerre...*» в Петербург, в Академию наук, с надписью на обложке: *All'I. Accademia delle Scienze in Pietroburgo offro. Enrico Cornet.* Очевидно, он предполагал вызвать интерес русских историков к изданным им материалам и особенно к посланию венецианского сената Ивану III.

Два постановления сената (77 и 85) отделены друг от друга промежутком времени в четыре месяца, хотя содержание их почти одинаково. Первое из них, от 21 июля 1473 г., было следствием полученного сенатом послания Ивана III, в котором он высказал свое неудовольствие по поводу скрытой от него цели посылки Ивана Тривизана в Москву. Это послание было передано в Венецию специально направленным из Москвы Антоном Фрязиным¹; в первом постановлении сената упомянут приезд из Москвы «виченцкого гражданина Антония Гисларда», который сообщил о смягчении условий ареста Ивана Тривизана: очевидно, имеется в виду содержание его под стражей в доме Никиты Беклемишева.²

С чрезвычайной четкостью, в предельно краткой форме в постановлении сената передан ход событий (мы легко воспринимаем этот рассказ, так как он сходится с известными нам и довольно подробными данными летописей), причем новым является сообщение о том, что в Венеции получено и прочтено перед сенатом послание московского великого князя. Собственно, решение сената и было вызвано этим письмом из Москвы и необходимостью высказаться по поводу ответа на него. Сенаторы, присутствовавшие на заседании в числе 122 членов, постановили сообщить Ивану III «правду» о причинах посылки Тривизана в Москву, то есть

¹ Приложение I, 5: «Тогда посла Иван III Фрязинова брата Антона Фрязина к нему к дожу в Венецию и поношая ему: "Что тако сотвори? С меня честь сняв..."» — Приложение I, 2, 3; Ср.: Приложение II, 1, 3.

² Приложение I, 2. «Князь же велики велел сковати его, и седел у Микиты у Беклемишева».

таким образом разъяснить ему подробности наметенной ими цели (поход татар во Фракию) и просить великого князя освободить венецианского секретаря, чтобы он, приехав в Венецию, осведомил свое правительство об этом деле и показал бы, насколько это мероприятие осуществимо (*si materia illa factibilis intelligetur*). Данные голосования, которые всегда писались в конце постановлений, показали, что решение было принято почти единогласно; воздержавшихся не было, отрицательное мнение было только одно.

За время, прошедшее от даты первого постановления (21 июля 1473 г.) до даты второго (20 ноября 1473 г.), произошло крупное событие, имевшее непосредственное отношение к содержанию миссии Тривизана — к замыслу о походе татар Большой Орды во Фракию против турок, к самому Константинополю. Этим событием была решительная победа турок над огромным войском Узун Хасана в битве 10 августа 1473 г. под Эрзинджаном.¹ Непосред-

¹ Cornet. Le guerre... Doc. 82, 83, 84. Интересны сведения из Венецианских анналов Доменико Малипьеро. Он цитирует текст письма Катарино Дзено, венецианского посла при дворе Узун Хасана, от 12 июля 1473 г. (*Malipiero*. Р. 89–91). Катарино Дзено сопровождал Узун Хасана в этом походе, до битвы при Эрзинджане он находился в лагере персидского правителя («siamo con l'essercito in le campagne di Arzignan» — имеются в виду степи Армянского нагорья). Вслед за текстом этого письма, полного надежд на мощь Узун Хасана, Малипьеро пишет о победе турок, объясняя ее тем, что ...персидские кони, непривычные к грохоту артиллерии (*non assuefatti al strepito delle artelarie*), бросились бежать в самом начале сражения.

ственно перед этим сражением намечались связи между Узун Хасаном и татарами Большой Орды, что было чрезвычайно важно для политических планов Венеции. В письме Катарина Дзено, приводимом на страницах «Анналов» Малипьеро, сообщается, что в лагерь Узун Хасана в Эрзинджанские степи явилось посольство от татарского хана из Астрахани (Citracan) с дарами и предложением установить прочный мир (a firmar bona pace).¹ Союз Узун Хасана с татарами имел целью, по всей вероятности, торговые отношения на путях между Тебризом и Астраханью через Баку, Шемаху и Дербент, но можно думать, что предполагалась и взаимная военная помощь. Поражение Узун Хасана при Эрзинджане грозило пошатнуть эти татарско-персидские отношения.

Итак, полной неудачей окончилась единственная значительная, но ставшая последней попытка персидского правителя отбросить турок к западу со всей или хотя бы с части территории захваченной ими Анатолии.

Однако, судя по письмам, отправленным Узун Хасану после того, как в Венеции узнали об эрзинджанской катастрофе,² венецианское правительство

¹ *Malipiero*. P. 90. Среди принесенных татарами даров кроме оружия изобиловали меха. Малипьеро передает (в тексте письма Катарина Дзено от 12 июля 1473 г.), что 200 человек несли всевозможные меха; в перечислении названы куница, ласка, соболя, горностаи, белка, лисы — *martori, faine, zebelini, armelini, dossi, vari e volpre*. Несомненно, что подобные же меха продавались на рынках Москвы и Новгорода, о чем сообщают Барбаро и Контарини.

² *Cornet*. Le guerre... Doc. 83, a. 1473, Oct. 30; doc. 101, a. 1474, Febr. 15.

решило не изменять плана всеобщего антитурецкого наступления.¹ Должны были продолжаться и старания двинуть татар Большой Орды в причерноморские районы и Валахию. Об этом свидетельствует и второе² из обоих постановлений венецианского сената по поводу дела Ивана Тривизана. В постановлении опять объявлялось, как и за четыре месяца до того, что Иван Фрязин был «первым двигателем», возбудившим «это скифское предприятие», что в связи с этим был послан в Москву Иван Тривизан, что он был задержан по подозрению со стороны великого князя, что великий князь прислал об этом письмо дожу и что в сенате было принято решение обстоятельно ответить Ивану III, прося его освободить Тривизана.

Но было и кое-что новое в этом постановлении, которое явилось отчасти повторением или возобновлением предыдущего.³ Прежде всего указывалось, что по донесению Антония Гисларда (который в летописи называется то племянником, то братом Ивана Фрязина, но который, возможно, и не был с ним в родстве) и по рассказам других итальянцев, которые недавно возвратились из России (или во вся-

¹ Предполагалось даже приложить новые усилия, чтобы расширить круг участников сокрушения турецкой агрессии: зрело намерение направить опытного венецианского дипломата Катарино Дзено — на его обратном пути из Персии через Каффу, Литву и Польшу — к императору Фридриху III Австрийскому и к королям польскому Казимиру IV и венгерскому Матвею Корвину, чтобы оживить их намерения воевать с турками (см.: *Cornet. La guerre... Doc. 101*).

² Приложение II, 2.

³ Приложение II, 1.

ком случае, из Восточной Европы), есть надежда побудить татар к походу на турок. Поэтому в Венеции ожило намерение все-таки направить Ивана Тривизана в Орду, теперь уже без помощи Ивана Фрязина, но в сообществе Антония Гисларда, которого и намечено было послать в Москву. Таким образом, венецианский сенат не счел безнадежным ни план нового движения Узуна Хасана в Анатолию, ни предложенный еще Иваном Фрязиным план «скифского похода» за Дунай.

Теперь, однако, нельзя было не осведомлять московского великого князя о сношениях с татарами, которые должны были осуществляться итальянцами из Москвы. Возобновилась и необходимость писать Ивану III, без благосклонного отношения которого нельзя уже было обойтись. Придуманы были два объяснения, которые предполагалось изложить московскому великому князю, чтобы не только показать большую для него выгоду от войны татар с турками, но и внушить ему мысль об очевидной, якобы для всех, его собственной заинтересованности в этом предприятии. Венецианские дипломаты собирались сообщить в Москву, а) что, убеждая татар двинуться на Балканский полуостров, они имеют целью освободить Московское государство от опасных соседей, отдалить их от его рубежей (*delongare a sua provincia cupimus*); и б) что земли, которые захватил Мухаммед II и которые должны отвоевывать татары, принадлежат в конечном счете не кому иному, как самому Ивану III в силу его брака с наследницей Палеологов. Полагаем, что последнее соображение — несколько натянутое, так как в живых оставались оба брата Софьи Палеолог, правомочные, как и она, «шурья» Ивана III — тоже,

как и мысль о «скифском походе», было навеяно в Венеции дипломатом от природы Иваном Фрязиным.

Оба дипломатических хода обещали больше удачи после бракосочетания Софьи Палеолог и Ивана III, чем до него. Теперь, когда это событие завершилось уже более года тому назад, отношение Москвы к завоеванию Константинополя представлялось умам венецианских дипломатов, столь изощренным в вопросах всяческой выгоды, вероятнее всего благоприятным; теперь и надо было, по их расчету, попытаться сделать Ивана III своим союзником в борьбе с Мухаммедом II. Голосование в сенате по этому постановлению (doc. 85) было вполне благополучным: при двух отрицательных голосах и при двух воздержавшихся 146 человек выразили согласие с планом о Москве и Большой Орде.

Остальные два документа, освещающие дело Тривизана, важные сами по себе, являлись следствием обоих предыдущих постановлений. Это одновременно датированные (4 декабря 1473 г.) и одновременно отправленные из Венеции в Москву: а) послание московскому великому князю Ивану III¹ и б) комиссия Ивану Тривизану,² в освобождении которого венецианцы были, по-видимому, почти уверены. Обе грамоты были доставлены Антонием Гислардом — Антоном Фрязином, который явился в Москву 25 апреля 1474 г.³ с «челобитьем» венецианцев великому князю и с инструкцией Тривизану. Как было решено сенатским постановлением,

¹ Приложение I, 3.

² Приложение I, 4.

³ Приложение I, 3.

в письме к Ивану III указывалось на выгоду отвода татарских войск от границ Московского государства и на ожидающее великого князя блестящее наследство по браку с Софьей Палеолог в виде Византийской империи; тут же выражалась просьба освободить Тривизана и помочь ему добраться до хана Большой Орды. Реакцию Ивана III на это послание мы знаем по русским летописям: Византийской империей, к тому же находившейся во власти турок, он не имел возможности интересоваться, да и не мог усмотреть какой-либо политический смысл в проекте этого своеобразного приобретения. С татарами ему предстояла — у себя же, близ Оки — трудная решающая встреча. Ивана Тривизана он освободил, дал ему денег, толмача, дьяка и других сопровождающих людей, подарки для хана, коней для путешествия и 19 августа 1474 г. отпустил из Москвы в Большую Орду вместе с московским послом Дмитрием Лазаревым и ехавшим обратно татарским послом Кара Кучуком.¹

Венецианское послание московскому великому князю было в копии приложено к инструкции Ивану Тривизану вместе с верительными грамотами и подарками для хана Ахмеда. В «комиссии» был выражен совет Тривизану не только напомнить татарам об их ненависти к туркам, но и разжечь ее своими речами, «воспламенить» (*accende et inflama!*) хана жаждой победы над султаном. При этом предлагалось упомянуть и об Эрзинджанской битве, но не как о победе турок, а как о событии, сильно ослабившем их военную мощь. Рекомендовалось заворочить татарского владыку образом богатейших

¹ Приложение I, 4, 5.

стран, которые лежат, лишенные защиты, и только ждут хана, как его верная добыча (*certissima preda*). Снова повторялись конкретные черты маршрута желаемого похода: по Северному Причерноморью, по Валахии, через Дунай во Фракию (и, в ее пределах, до Константинополя). Все это и только это было целью и стремлением Венецианской республики, основанием важнейшей миссии Тривизана (*prima causa missionis tue*). С этими указаниями и наставлениями, с такой «комиссией», Тривизан пустился в Большую Орду, чтобы, сосредоточив в себе все веками накопленное деятелями его родины дипломатическое искусство, сдвинуть основную массу татар с Волги и Оки на Дунай и к стенам павшей Византийской столицы.

Как известно, сообщения Московского свода о Тривизане обрываются на рассказе о его уходе из Москвы в Орду. Софийская Вторая летопись добавляет, что хан Ахмед не прислушался к призыву Тривизана («зва царя, он же не обещася»);¹ венецианскому посланцу, который приблизился к Орде еще осенью 1471 г., когда приехал в Москву, пришлось закончить свою миссию к татарам только в 1476 г., когда он вернулся в Венецию, не преуспев в давно порученном ему деле «скифского похода».

Однако по изысканиям Пирлинга² видно, что Тривизан привез на родину двух татарских послов, с которыми венецианцы вновь пробовали сговаривать-

¹ Приложение I, 5.

² Пирлинг П. Россия и Восток... С. 106–110, 228: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège*. P. 181–183. Пирлинг утверждает, что, судя по документам, после весны 1476 г. о Тривизане не встречается больше никаких сведений.

ся о нападении на турок. Давний проект действовать на Мухаммеда II силами Орды восстановился, но теперь связи Венеции с татарами протягивались не через Москву, а через Польшу. Как свидетельствует Пирлинг, опираясь на ряд неизданных документов, которые он изучал, Тривизан в мае 1476 г. получил «комиссию» от дожа Андреа Вендрамина (1476–1478) на поездку в Польшу. Быть может, Тривизан находился там в то время, когда Амброджо Контарини, уехавший в конце января 1477 г. из Москвы, был принят в Троках польским королем Казимиром IV. По-видимому, и на этот раз Тривизану не пришлось выполнить своего задания, так как венецианское правительство изменило отношение к плану вовлечения татар в антитурецкую кампанию.¹ Близилось время, когда Венеция на время прекратила борьбу с турками: мир с ними был заключен 25 января 1479 г., после падения Скутари на далматинском побережье.

В дополнение к рассмотренным документам из архивов венецианского сената мы приводим два отрывка нарративного характера из «Венецианских анналов», которые составлял в течение 43-х лет — с 1457 по 1500 гг. — сенатор Доменико Малипьеро (1428–1515). Он был весьма осведомлен в полити-

¹ Это было связано с выступлением в венецианском сенате представителя и советника польского короля Казимира IV гуманиста Филиппа Буонаккорси, более известного под прозвищем Callimachus Experiens (ум. в 1496 г.). Его перу принадлежит сочинение, озаглавленное «История о том, как венецианцы пытались двинуть персов и татар против турок» — «*Historia de his quae a Venetis tentata sunt, Persis ac Tartaris contra Turcas movendis*» (*Scriptores rerum Persicarum. Francoforti, 1601. P. 402–431*).

ческих делах Венеции второй половины XV в. и, как видно, имел доступ к правительственным архивам, так как иногда вносил в свое изложение полные тексты официальных документов. Огромный материал, собранный Малипьеро, остался после его смерти в неразобранном и неотделанном виде. В половине XVI в. рукописное наследие Малипьеро оказалось в руках родственника автора, сенатора Франческо Лонго, который — как говорится в его краткой заметке — привел рукопись в порядок, а именно, несколько сократил ее (быть может, произвел выборку?) и рассортировал материал по пяти темам, не нарушая, как он утверждает, его содержания. Эти темы таковы: о войнах с Турцией, о войнах в Италии, о приобретениях Кипра, о плаваниях и торговле, о событиях в городе. К сожалению, собственноручные записи Малипьеро не сохранились, так что судить о них по оригиналу уже нельзя; произведение опубликовано в 40-х годах прошлого века в аранжировке Франческо Лонго.¹

Малипьеро собирал свои «Анналы» с большой тщательностью, по мере развертывания событий. Везде соблюдена хронология общего характера, то есть по годам, но многое помечено и подробными датами. Думается, что во втором случае, то есть когда удавалось записывать о происходившем немедленно, автор был точен. Язык Малипьеро — венецианский диалект, «*volgare veneto*». Издатель

¹ Приложение III. При пользовании «Анналами» Малипьеро, хотя и «испорченными» рукою Франческо Лонго, надо помнить очень высокую оценку, данную им замечательным историком Венеции Генрихом Кретчмайром (*Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd 2. Gotha, 1920. S. 543*).

текста, Агостино Сагрето, пояснил в подстрочных примечаниях значение некоторых старинных слов и выражений, а также предупредил читателя об одной из особенностей венецианского диалекта, состоящей в том, что окончания причастий страдательного залога отсекаются, но ударение, присущее причастию (и оказывающееся на последнем слоге), сохраняется. См. в приводимом втором отрывке: *hanno comunicá* = *hanno comunicato*; *ha presentá* = *ha presentato*; *ha doná* = *ha donato*. Личное местоимение *ghe* (=ему) употребляется вместо *gli*.

Как член правительства, Малипьеро не только мог знать о прибывавших в Венецию иностранных посольствах, но и присутствовать на торжественных приемах послов. Среди прочих он отметил в «Анналах» и московские посольства, о которых мы, со своей стороны, знаем из русских источников. Одно из них — посольство Семена Толбузина, посланного Иваном III в сопровождении Антона Фрязина (Гисларда венецианских документов 1473 г.) специально в Венецию и уехавшего из Москвы 24 июня 1474 г.

Свидетельство Московского свода об отъезде из Москвы посольства Семена Толбузина и свидетельство «Анналов» Малипьеро о приезде этого посольства в Венецию, удачно перекликаясь одно с другим, составляют последнюю, так сказать, главу в рассказе о «венецейском после», или «секретаре», венецианского сената Иване Тривизане и его полном осложнении путешествии в Орду хана Ахмеда. Оба источника, в полном и достоверном согласовании, показали последний момент в действиях этого венецианца,¹ заброшенного по воле политиков его

¹ «...о том, что пожаловал (Иван III) посла их (венецианцев) Ивана Тривизана, из нятти выпустил по их

родины и по наущению Московского «денежника» в центр Московской Руси. Внешне, после всех постигших его затруднений, он завершил свою миссию, а именно — достиг ставки хана Большой Орды, но по существу (соответственно показанию Софийской Второй летописи) не смог выполнить ее, так как план подавления турок с севера силами татар не удалось осуществить.

Вся историческая панорама — борьбы европейских держав с небывалым по силе врагом, грандиозных замыслов его одоления, сложной дипломатии, направленной на вовлечение в эти планы ряда государств, — отразилась во взволнованной беседе, которая неожиданно возникла между московским великим князем и венецианским дипломатом в ноябре 1476 г. в Москве. Все эти события в их историческом взаимодействии и переплетении, столь яркие для второй половины XV в. и в Италии, и на Руси, интенсивно вступавшей в среду европейских держав, стоят за кратким сообщением Амброджо Контарини об Иване Тривизане в Москве.

челобитью и подмогши его всем отпустил к царю Ахмату в Большую Орду со своим послом (Дмитрием Лазаревым) о их деле, чтобы пожаловал царь, шол на помощь на Турьского салтана к Царюграду» (Приложение I). Выше в этом же сообщении названо имя дожа Николо Трона, который умер 28 июля 1473 г. Когда Иван Тривизан отправился из Москвы в Орду (это было 19 августа 1474 г.), дожем в Венеции стал (с 13 августа 1474 г.) Николо Марчелло. — Приложение III, 4. В четвертом пункте доклада Семена Толбузина венецианскому правительству содержится официальное сообщение об освобождении Ивана Тривизана и об отправке его с «эскортом», «scorta» (по Московскому своду: «подмогши его всем, и людьми, и коньми, и поминкы») к «татарскому императору».

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Тексты русских летописей

Московский летописный свод конца XV в. —

ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949

1) 6980 = 1471/72 г. (с. 292)

Тое же осени месяца сентября в 10 прииде из Венеции Онтон Фрязин, а с ним пришел посол к великому князю из Венеции, от дюкы Венецейского Николы Трона,¹ Иван именем, Тривизан прозвище; а послан к великому князю от того дюкы и от всех земель, сущих под ним, бити челом, чтобы пожаловал князь велики, веле того Тривизана проводить до царя Ахмута Большие Орды;² а послан к нему со многими поминки и с челобитьем, чтобы

¹ Николо Трон, Nicolò Tron — венецианский дож, «дюка» (1471–1473). В русской летописи Тривизан ошибочно назван послом дожа Николо Трона. Тривизан прибыл в Москву 10 сентября 1471 года (по летописи 6980 г. = 1471/1472; год в Москве начинался с 1 сентября), а Николо Трон стал дожем лишь 23 ноября 1471 г.

² Ахмед (Ахмад, Ахмат, Ахмут) хан (в русских летописях «царь», в латинских источниках «Imperator») Золотой или Большой Орды. Правил с 1460 года (в этом году он впервые назван в летописи: «безбожный царь Ахмут Болшия орды приходил со всею силою под Переславль Рязаньскы...» Моск. свод. С. 277), убит в конце 1480 г. Отец Ахмеда, Кучук-Мехмед, не совершал похода на Московское государство, но его сын упорно преследовал цель восстановить татарское владычество над Москвой, хотя выплата русскими дани татарам в общем пре-

пожаловал, шел им на помощь на Турьского салтана¹ к Царюграду.

Тот же Тривизан пришел на Москву и первое прииде к Ивану Фрязину,² к денежнику Московскому, понеже бо той Иван Фрязин Волп тамошние земли рождением и знаем тамо,³ и сказа ему вся та, о чем пришел в Москву, а у князя великого еще и не был. Фрязин же наш денежник не велел тому Тривизану о том бити челом великому князю, глаголя ему: «О чем ти о сем бити челом великому князю да поминки великие подавати, а могу то яз зделати, опроче великого князя, а до царя допровожу тя». А к великому князю пришел Фрязин с тем Тривизаном назвал его князьком Венецейским, а себе племянником, а рекши, пришел до него своим делом да и гостьбою, да то у великого князя утаили.

кратилась уже со времени Василия II, который умер в 1462 г. Политические отношения между Москвой и Ордой при жизни Ахмеда определились в следующем виде: Иван III поддерживал союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, Ахмед же поддерживал союз с польским королем Казимиром IV. Ахмед совершил четыре похода на Московское государство; в 1460 г. на Переяславль Рязанский, в 1465 г. на средний Дон, направляясь на север, в 1472 г. на Оку, на город Алексин, в 1480 г. на Оку («стояние на Угре»), но все они были неудачны.

¹ Султан Мухаммед II (1451–1481), завоеватель Константинополя в 1453 г.

² Иван Фрязин, он же Волпе — итальянец из Виченцы, Джан Баптиста Вольпе; в Москве Иван Фрязин был «денежником», то есть откупщиком (арендатором) Московского монетного двора.

³ «Тамошние земли рождением», то есть уроженец Италии, земли, из которой пришел Тривизан; «знаем тамо», то есть известен в Италии.

А Отон тогда от папы от Павла привезл листы к великому князю таковы, что послом великого князя волно ходити до Рима по всей земле Латынской, Немецкой, и Фрязкой,¹ и по всем тем землям, которые земли под его папезество присягают, даже и до скончания века. А по царевну бо Софью, Амореяского царя по Фомину дщерь, посылали.

2) 6981 = 1472/73 г. (с. 299–300)

...тот лягатос Антонеи и прочие Фрязове и Греци видешася в Москве с послом Венецейским Иваном Тривизаном, а ведаючи с чем послан к великому князю, начаша вопрошати его, по что много мотчает.² Он же инако к ним глаголаше, не как делал с Фрязиным нашим; они же сказаши то великому князю: «Что тот Тривизан послан к себе, к великому князю, от дюкы Венецейского, Николь Трона,³ с челобитьем и с поминки, чтобы ты пожаловал, послал того Тривизана к царю Болшия Орды со своим послом; а послан тот ⁴ к царю с челобитьем от того дюкы и от всех земель и с поминки мно-

¹ Фрязская земля — Италия. Фрязская и Немецкая земли составляли «Латынскую», то есть католическую землю.

² Мотчать — значит медлить, мешкать, тянуть.

³ В то время, то есть после брака Софьи с Иваном III, который был заключен 12 ноября 1472 г., венецианским дожем действительно был Николо Трон (с 23 ноября 1471 г.), но послал Тривизана в Москву предшествовавший дож, Кристофоро Моро (умер 9 ноября 1471 г.), так как Тривизан приехал в Москву еще в сентябре 1471 г. Следовательно, Тривизан медлил («мотчал») со своим делом в Москве уже более года.

⁴ То есть Тривизан.

гими, чтобы пожаловал, шел им¹ на помощь ратью на Турьского салтана».

Князь же великы слышав то час того обыска, что все то было так, но хоте утайти у него Иван Фрязин, а хотя, рекши, того Тривизана собою до-проводити до царя; и восполевся на них, повеле поимати Фрязина да оковав послал на Коломну, а дом его повеле разграбити и жену и детей изымати, а того Тривизана поймав хоте казнити.

А той же лягатос и прочии, иже с ним послы, начаша бити челом великому князю, чтобы пожаловал, смиловался над ним, доколя обошлеса с Венецейским дюком. Князь же великы велел сковати его, а сидел у Микиты у Беклемишева.² Того же Антония ляготаса (sic) и Дмитрея Грека и прочих с ним Фрыз и Греков дрѣжа князь великы у себя 11 недель и честь им воздал велику и дары многы подавал им; отпусти же их генваря 26 день [1473], а к папе дары многы подавал им; отпусти же их генваря 26 день, а к папе дары многы послал, так же и к шурѣ³ своей, а сын его князь велики Иван от себя, а княгиня великая его Софѣя от себя.

3) 6982 = 1473/74 г. (с. 301–302)

Тое же весны априля месяца 25 пришел из Венеции к великому князь от дюкы Николы Трона⁴

¹ То есть на помощь Венеции и «всем землям».

² Микита Беклемишев, московский воевода и дипломат Ивана III.

³ Шурѣя — шурины великого князя по жене Софѣе, ее два брата, Андрей и Мануил Палеологи.

⁴ Опять неточность в связи с дожем Николо Троном. Он умер 28 июля 1473 года. Постановление венецианско-

Антон Фрязин ¹ бити челом великому князю от того дюкы, что бы князь великы пожаловал, посла его, Ивана Тривизана, из нятя ² выпустил и пожаловал бы по первому их челобитью, подмог его всем и отпустил ко царю Болша Орды Ахмату. И князь великы от того дне выпустил из желез того Тривизана и на очи свои велел прити ему.³

го сената об отправке посла в Москву по делу Тривизана состоялось 20 ноября 1473 г. После решения сената посол не мог отправиться сразу же: время требовалось для составления обязательной в подобных случаях — и весьма обстоятельной — инструкции, так называемой «комиссии» (*commissio*) сената послу; затем вручались деньги и соответственные подарки властям страны, куда он ехал. Русский летописец сообщает, что венецианский посол, Антон Фрязин, прибыл в Москву 25 апреля 1474 года; по этому сроку видно, что он покинул Венецию не раньше января 1474 г. (см. прим. о длительности этого пути). В это время в Венеции был дож Николо Марчелло (13.VIII.1473—1.XII.1474), преемник Николо Трона. Поэтому 25 апреля 1474 года в Москве появился венецианский посол не «от Николы Трона», а от дожа Николо Марчелло.

¹ Антон Фрязин, он же Антоний Гислард, виченский гражданин (*Antonius Gislardus, civis vicentinus*), посланник (*nuntius*) венецианского сената в Москву по поводу того, что Тривизан, хотя и освобожденный из тюрьмы (*a carcero dimissus*), все еще находился под арестом (*custoditur tantummodo*) в Москве. Самое же главное в миссии Гисларда состояло в том, что он вез в Москву ответное послание венецианского сената к великому князю Ивану III; дата этого послания — 4 декабря 1473 года. До этого тот же Гислард привез сенату письмо Ивана III, ни подлинник, ни копия которого не сохранились.

² Нятье значит заключение, содержание под стражей.

³ В этом сообщении летописи надо видеть не только политическое решение Ивана III (выпустить представителя Венеции, в данном случае едва ли «из желез»,

Того же месяца [июля] 24 послал князь великий к Венеции посольством Семена Толбузина с Антоном Фрязиным к Венецейскому дюце к Николе ко Трону¹ о том, что пожаловал посла их Ивана Тривизана, из нятия выпустил по их челобитью² и, подмогши его всем, отпустил к царю Ахмату в Большую Орду со своим послом о их деле, чтобы пожаловал царь, шол на помочь на Турьского салтана к Царюграду³.

...Того же месяца [августа] 14 пришел из Рима посол к великому князю от царевичев Фоминых детей Амореяского, от шурей⁴ великого князя, с поминки, именем Дмитрей Грек, а отпущен того же лета. Того же месяца [августа] 19 отпустил князь

правильнее из состояния под арестом), но результат письма венецианского сената московскому князю с просьбой об освобождении Тривизана. Это письмо было доставлено в Москву Антоном Фрязиным 25 апреля 1474 года.

¹ Антон Фрязин пробыл в Москве с 25 апреля по 24 июля 1474 года, когда уехал оттуда вместе с послом Ивана III в Венецию, Семеном Толбузиным. Снова неверное сообщение летописи имени дожа Николо Трона (умер 28 июля 1473 г.), к которому отправилось посольство Семена Толбузина. Не только отъезд из Москвы Антона Фрязина, но и его прибытие туда приходится на время правления дожа Николо Марчелло, преемника Николо Трона.

² «Их челобитье» и есть то послание венецианского сената Ивану III от 4 декабря 1473 г., которое привез в Москву Антон Фрязин-Гислард.

³ Ср. о посольстве Семена Толбузина сообщение Доменико Малипьеро в его *Венецианских анналах* (См.: Приложение III).

⁴ Два шурина Ивана III, братья Софьи Палеолог, Андрей и Мануил Палеологи, прибывшие в Рим (позднее Мануил Палеолог уехал в Константинополь и стал подданным Мухаммеда II).

великы посла Болшие Орды Кара Кучюка, а с ним — посла своего Дмитрея Лазарева, да и Венецейского посла Ивана Тривизана¹ с ними же отпустил, а подмогши его всем, и людьми, и коньми, и поминкы.

Софийская Вторая летопись. —
ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853

5) 6980 = 1471 г. (с. 196–197)

Того же лета посла князь велики Фрязина² в Рим к папе свататися, занеже сказал ему царевну греческого царя Амореяского, именем Зинаиду,³ а папе во племени, и родителем ея умершим и папе взя к себе и хотяше ю выдати.

И посла папа юргу с ним [с Фрязиным] в проводех, что знает тот путь итти на Новгород, и оттуда на Немци и на Венецию город, и оттуду к Риму, занеже близок путь к Риму туда.

Он же [Фрязин] приде в Венецию и сказался большой боярин у великого князя, и был в Риме и тамо с папою сговорил, и папа восхоте дати ея на

¹ Это последнее сообщение летописи о Тривизане.

² Фрязин здесь — Иоанн Баптиста Вольпе, «денежник московский». Он был направлен Иваном III в Рим для переговоров с папой Павлом II о бракосочетании с византийской царевной и уехал из Москвы 20 марта 1469 года (Моск. свод. С. 281). В Софийской Второй летописи рассказ о посольствах Ивана Фрязина в Италию и о деле Тривизана помещен целиком под 6980 = 1471/72 г., без указания последовательных дат.

³ Очевидно, имя дочери деспота Фомы Палеолога и невесты московского великого князя претерпело искажение и из Зои превратилось в Зинаиду. Так же в Львовской летописи (ПСРЛ. Т. XX. Ч. I, СПб., 1910. С. 299).

Русь. А и сама деи рекше хрестьянства ради за великого князя похотела...

И иде Фрязин тем путем на Венецию. Князь же Венецийский¹ сдума с бояры своими, хоте ити на Турского царя, что во Цареграде сидит, взяв за собою хрестьянский град и церковь великую Софею в мизгить² учини, Рже созда Устиниян великий царь.³ И не можаша [дож] един и восхоте орду поднять с собою, но не знаяху гражане его, куды послу дойти до орды; и слыша, что от Руси есть путь, и нача чтити Фрязина, и дарити, и говорити ему, чтобы посла его (Тривизана. — *Авт.*) взя с собою на Русь да велел проводить до орды. Фрязин же обещася, возьм посла его и прииде к великому князю, и речи вси папины сказа, а посла того гостем назва, а царевну на иконе⁴ написану принесе.

Князь же велики, сдумав с матерью своею, великою княгинею, посла ее [Зою — Софью] взяти.

Тот же Фрязин, толмача добыв, и посла того отпусти, Тривизана зовома, на Рязань да и к орде, втай великого князя.

Яко Фрязин отиде⁵ в Рим, тогда прииде весть к великому князю, яко посла приведши Венецийско-

¹ «Венецийский князь» — венецианский дож Николо Трон (1471–1473). Ни в Софийской Второй, ни в Львовской летописях имя дожа не называется; не упоминается также и его обычный титул, переданный Московским летописным сводом в форме «дюка».

² Мизгить — мечеть.

³ «Устиниян, великий царь» — император Юстиниан (527–565). В Львовской летописи — «Устиан».

⁴ Икона не в церковном смысле, а в значении изображения, портрета.

⁵ Иван Фрязин уехал с посольством из Москвы в Рим за невестой Ивана III 16 января 1472 г. (Моск. свод. С. 293).

го (Тривизана. — *Авт.*) Фрязин да отпустил к орде; тогда посла повеле [великий князь] изымати на Рязани, и с толмачем, и повеле его всадить в тюрьму.

Тогда же посла [великий князь] Фрязинова брата¹ к нему [к дожу] в Венецию и поношася ему: «Что тако сотвори? С меня честь сняв, а втай через мою землю плешь посла, а меня не доложася».

Брат же Фрязинов Онтон еха, то ему [дожа] сказа все: и посол его сидит поиман в тюрьме. Князь [дож] же той с ним наказа к великому князю, чтобы князь велики нелюбие отдал, а посла бы его отпустил к орде, а что будет на подкруту² бы еси ему дал, «а яз сам платежник».³

Тогда князь велики по Онтоновым речем отпусти его [Тривизана], а с ним толмача и дьяка отпусти, и седмьдесят рублей дасть ему; тогда седмьсот сказа ему и посла все взять.

И доиде тот посол до орды, зва царя; он [Ахмед] же не обещася, но проводити его повеле татаром к морю.⁴

¹ Судя по Московскому своду (с. 281), Антон Фрязин приходился Ивану Фрязину «денежнику» не братом, а племянником, сыном его старшего брата.

² «Подкруту бы... дал» — в Московском своде (с. 301 и 303) «подмог его всем», «подмогши его всем».

³ Здесь идет речь о послании венецианского сената к Ивану III 4 декабря 1473 года, где высказана просьба оказать содействие Тривизану после освобождения от ареста, но слов, хотя бы близких по значению словам «а яз сам платежник», там нет.

⁴ Тривизан был освобожден в конце апреля 1474 г. и уехал в Орду 19 августа 1474 г. с послом хана Ахмеда, Кара Кучуком, и с русским послом Дмитрием Лазаревым (Моск. свод. С. 303). По окончании переговоров, ко-

6) 6983 = 1474/75 г. (с. 199)

Послал князь велики посла своего Семена Толбузина во град Венецию к тамошнему их князю, извет кладучи таков: что посла его Тривизана отпустил со многою приправою, а серебра пошло, рече, семь сот рублей; повеле и мастера пытать церковного.¹ Он же [Толбузин] тамо быв и честь прия велику и сребро взя. А мастера избра Аристотеля. «Многи, рече, у них мастера, но ни один избрася на Русь; той же восхоте, и рядися с ним по десяти рублей на месяц давати ему. И хитрости ради его Аристотелем зваху его, рече Семион, да сказывают еще и Турьской деи царь звал его, что во Цареграде сидит, того ради... Да то деи слыша князь его [дожа] думу их [посла Толбузина и мастера Аристотеля] не хотяше пустити его на Русь; занеже деи не тот уже у них князь, кой посла [Толбузина] отпускал, той деи умер при нем».²

торые не привели Ахмеда к готовности двинуть свои войска на турок, Тривизан был препровожден татарами «к морю», очевидно, к Каффе, еще не захваченной турками. Менгли-Гирея, враждебного хану Ахмеду, тогда в Крыму не было.

¹ «Мастер церковный» — строитель каменных церковных зданий; таким был в данном случае знаменитый архитектор Аристотель Фиораванти. В Московском своде он назван точнее: «мастер муроль, кои ставит церкви и полати», «Венецейский муляр Аристотель». Контарини, пробывший в Москве четыре месяца, был знаком с Аристотелем и даже жил с ним в одном доме.

² Московский свод обозначает датами и начало, и конец какого-либо события. В рассказах о посольствах обычно указывается число и месяц, когда они выходят

из Москвы, и также число и месяц, когда они возвращаются. Подобным образом определено и посольство Семёна Толбузина в Италию: он покинул Москву 24 июля 1474 г., а вернулся туда 26 марта 1475 г., в день Пасхи («на велик день»). Софийская Вторая летопись объединяет под одним годом (6983 = 1474/75) рассказ и об уходе из Москвы, и о возвращении в Москву посольства Толбузина, хотя к этому году относится только его возвращение. При учете вполне установленной хронологии правлений венецианских дождей получается, что посольство Семёна Толбузина отправилось в путь и прибыло в Венецию в 1474 г. при доже Николо Марчелло. Во время прибытия посольства в Венецию этот дож умер (1 декабря 1474 г.), дожем был избран Пьетро Мочениго (14 декабря 1474 г.). Софийская Вторая летопись, которая не дает имен венецианских дождей, правильно отмечает, что в течение пребывания посольства Толбузина в Венеции произошла смена дождей: смерть одного и избрание другого. Московский свод, при всей точности и обилии его дат, и в сообщении о посольстве Толбузина продолжает ошибочно называть дожа Николо Трона как лицо, к которому было направлено это посольство. На самом деле дож Николо Трон умер ровно за год до того, как посольство Толбузина ушло из Москвы (Трон умер 28 июля 1473 г., Толбузин уехал в Венецию 24 июля 1474 г.). Ср. Приложение III, о посольстве Семёна Толбузина в *Венецианских анналах* Доменико Малипьеро.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Документы венецианского сената

Текст по изданию: *La guerre dei Veneti nell' Asia 1470-1474. Documenti cavati dall' Archivio ai Frari in Venezia e pubblicati per Enrico Cornet.* Vienna, 1856.

1) а. 1473, Iul. 21 (doc. 77, p. 98)

Elapsi sunt anni duo,³⁵ quod fidelis secretarius noster,³⁶ Ioanes Baptista Trivisano, missus fuit in Russiam,³⁷ ut inde — per medium Ioanis Baptiste a Vulpe, primi motoris huius practice³⁸ — transiret ad imperatorem tartarum³⁹ pro tentando illum, ut contra turchum descenderet in Traciam,⁴⁰ sicut predictum Ioanem Baptistam Vulpem facilem fore ostendebatur.

Et postquam secretarius noster in Moscha applicuit, impredictus et retentus fuit ab ipso Vulpe, ne ad imperatorem tartarum se conferret,⁴¹ quin imo relicto ipso nostro secretario semiobside⁴² in Moscha, ipse Vulpe in Italiam venit et cum uxore⁴³ illustrissimi domini ducis Russie illuc rediit. Et astucia tandem vel perfidia potius cuiusdam legati apostolici, natione Ianuensis,⁴⁴ detecta materia, acusati ambo, capti et retenti sunt suspitione criminis lese maiestatis, cum manifesto periculo vitae.⁴⁵ Quamvis cognitus ipse Ioanes Baptista, sacretarius noster, a duce predicto a carcere dimissus, custoditur tantummodo, ne possit recedere cum aliqua provisione impensarum, ut ab Antonio Gislardo,⁴⁶ cive vicentino, illinc veniente relatum est; liberatione autem supradicti nostri secretarii providendum est.

Icirco vadit pars, quod literis illustrissimi domini ducis Russie,⁴⁷ lectis huic consilio, responderi humaniter debent et veritas declarari practice predictae, ad finem nocendi turcho, communi christianorum hosti, non celsitudini sue neque ulli alio christiano principi, cum omnibus illis bonis et amicabilibus verbis, quae collegio visa fuerint accomodata ad liberationem dicti secretarii.

Et cum literis ipsis expediatur unus alius sufficiens nuntius et provideatur de pecuniis, ut licentiatus illinc se levare et redire ad presentiam nostram possit, informatissimus omnium illarum rerum, ut, si materia illa factibilis intelligetur iuxta rerum conditiones, possit per hos consilium deliberari, prout visum fuerit.

De parte — 121; De non — 1; Non sincere — 0.

2) a. 1473, Nov. 20 (doc. 85, p. 106–107)

Missus alias fuit in Russiam fidelis secretarius noster Ioanes Baptista Trivisano pro tentanda materia proposita incitandi et movendi imperatorem tartarorum contra turchum. Qui Ioanes Baptista post diurnam moram factam in Moscha, accusatus illo domino duci et factus suspectus, — quod cum tartaris consuetudinem et practicam haberet conducendi illos ad damna sua⁴⁸ — retentus fuit una cum Ioane Baptista a Vulpe, primo motore et propositore⁴⁹ huius scitici negotii,⁵⁰ de cuius retentione scripsit alias ad nos suprascriptus dominus dux satis dulciter et humaniter.

Et captum fuit in hoc consilio de respondendo ei et mittendo nuntio cum pecuniis pro liberatione suprascripti secretarii et reditu suo in patriam.

Sed expectatum est, ut Antonius Gislardus, nuntius alias practice predictae et comes suprascripti

secretarii usque in Moscham,⁵¹ rediret ex Neapoli,⁵² per cuius novam relationem et per ea que ab aliis etiam italicis, qui hoc anno ex provincia illa rediere,⁵³ intelligatur materia illa et motus scythorum non solum possibilis esse, sed etiam satis facilis et comodus. Et offert se idem, Antonio volente⁵⁴ et passum prestante duce Moschovie, ire cum ipso secretario nostro ad imperatorem tartarorum et omnia facere, que iusserimus.

Nihil autem est relinquendum intentatum pro nocendo inimico nostro, et hec presertim materia non est negligenda. Cum parva impensa possit experiri et illa fere, que necessaria omnino est et deliberata alias per hoc consilium fieri,⁵⁵ pro liberando suprascripto secretario. Propterea vadit pars, quod scribatur duci Moschovie et declaretur issum a nobis fuisse predictum Ioannem Baptistam non solum pro offendendo aut nocendo sibi aliquo, sed liberando potius eo ab omni lesione tartarorum, quos delongare a sua provincia cupimus et ducere per regiones vicinas Euxino et Valachiam⁵⁶ ad oppressionem comunis hostis christianorum, occupatoris imperii Orientis, quod — si successores mares deessent — iure ad excellentiam suam per illustrissimum matrimonium suum pertineret.⁵⁷

Et rogetur cum omne instantia suprascriptus dominus dux, ut contentus esse velit et omne possibile prestet secretario nostro et Antonio Gislardo auxilium et favorem, quo ad imperatorem tartarorum securi transire possint, tentaturi motum suum contra ottomanum.⁵⁸

Et committatur Ioanni Baptiste, quod, volente et consentiente suprascripto domino in bona gratia, quanto potest celerius se conferat, una cum Antonio Gislardo, ad reperiendum suprascriptum imperatorem

et sub litteris credentibus, post consueta bona et generalia verba, servato ritu et more illius gentis, illum invitet et inflammat ad se movendum contra turchum, suum naturalem et acerrimum inimicum, et cum aliis verbis, que alias sibi commissa fuere ⁵⁹ et addenda etiam pro bono materie videbantur collegio. Si vero dux Moschovie assentiri nolet transitum suum ad predictum imperatorem, facta omni experientia, cum — invito eo — ire non posset, in hoc casu, sumpta bona et grata licentia, redeat ad presentiam nostram.

Et sic committatur ⁶⁰ Antonio Gislardo et dentur ei duo capitia panni aurei pro duabus vestibus, unum portandum duci Moschovie et alterum imperatori tartarorum, et de pecuniis etiam providentur, sicut collegio visum fuerit, et subito expediatur.

De parte — 146; De non — 2; Non sincere — 3.

3) a. 1473, Dec. 4 (doc. 90, p. 112–113)

Illustrissimo et potentissimo domino duci Russie.⁶¹

Reddite superioribus diebus fuerunt nobis per fidelem civem nostrum Antonium Gislardum litere vestre sublimitatis, quamvis de re aliquantulum molesta nobis tam gratissime et iocundissime, utpote plene humanitatis et singularis erga nos benivolentie.

Gravat nos plurimum, quod Ioannes Baptista Trivisanus, secretarius noster, in aliquam suspicionem venire potuerit vestre sublimitati, quod venerit aut missus fuerit a nobis turbandi et incomodandi status vestri gratia, id enim non solum alienum semper fuit ab nostra intentione, sed etiam adversum et oppositum qui omnium christianorum conservationem et commoda semper cupivimus et procuravimus. Et si id fecimus in omnes indifferenter christianos, christianitatis solo

nomine, quanto verisimilis est ut faciamus in amicos amoris et coniunctionis cuiuspiam adiunctos causa?

Excellentiam autem vestram semper duximus ut inclitam et sublimem ita inter primos amicos nostros collocandam et reputandam et honorandam a nobis. Sed quicquid de ipso nostro secretario accidit, fortune potius aut cuiuspiam sinistre informationi, quam voluntati imputandum censemus, cum maxime videamus, quam humaniter et quam benigniter sublimitas vestra — post conceptam tanti criminis suspitionem, — nostra causa et respectu, illum tractaverit; et merito vestre celsitudinis plurimum debemus agimusque amplissimas gratias, quicquid enim clementie et mansuetudinis in personam suam contulistis, amicite nostre ascripsimus.

Verum ut vestra sublimitas veritatem omnem intelligat, misimus predictum secretarium nostrum, non ut ulla ratione statui rebusque vestris illum incomodum aut periculum procuraret cum imperatore tartarorum, quin potius, invitati literis dicti serenissimi imperatoris, illum et copias suas vicinas vestro statui et propter ea molestus et infestus averteret et dilongaret, si fieri aliqua ratione potuisset, a vestris finibus et vicinitate et per provincias mari Mediterraneo, quod Euxinum vel mari Maius ⁶² appellant, [proximiores] ⁶³ ad rippas Danubii duceret in oppressionem comunis omnium christianorum hostis... othomani, occupatoris imperii Orientis, quod — cum stirpe mascula deesset imperatoria — ad vestram illustrissimam dominationem iure vestri faustis simi coniugii ⁶⁴ pertineret. Hec sunt unica et verissima causa adventus ad partes vestre celsitudinis suprascripti nostri secretarii; qui si ulterius progressus in tanto temporis spacio, quanto trivit in vestra ditione, et si minus forte aut prudenter aut confidenter cum vestra sublimitate

egit, non est illi ad illam malam intentionem impu-
tandum, sed aut modice potius experientie, aut cui-
piam alteri necessarie forte cause, que nos fugit.

Perseverantes autem nos in nostro proposito et
desiderio, ut iam Ioannes Baptista suum ad impera-
torem tartarorum prosequatur et perficiat iter, hortan-
di illius et inducendi causa, ut contra othomanum per
viam superius declaratam se moveat in vindictam tam
vestram, quam ceterorum omnium christianorum,
expediendum ad celsitudinem vestram istis nostris
litteris duximus suprascriptum Antonium, civem
fidelissimum nostrum et nuntium in hoc negotio, quem
cum eodem nostro secretario comitem et mandatorum
nostrorum participem transire ad suprascriptum
tartarorum imperatorem vehementissime cupimus.

Et propterea vestram sublimitatem, quo possumes
studio et efficacia, rogamus, ut non solum transitum,
sed etiam omne auxilium, consilium et favorem uter-
que eorum prestare in singularem nostram grati-
ficationem placeat, quo valeant honestissima nostra
mandata exequi et tam perfectum opus universe chris-
tianitatis procurare et perficere, quare nullam posset
vestra sublimitas omnipotenti deo facere acceptiorem,
nomini et glorie vestre accomodatorem, nobis autem,
precipuis amicis vestris, gratiorem iucundioremve.

Quando vero sublimitas vestra ad id induci non
posset assentiendum, quod non credimus, cum nulle
cognoscantur a nobis cause, cur fieri a vestra subli-
mitate non debeat, rogamus saltem, ut suprascriptum
nostrum secretarium liberet omni custodia et suspi-
tione et ad nos redire illesum sinat.

Litteras autem nostras patentes pro tuto transito
oratorum vestrorum per omnem nostram ditionem,
una cum munusculo nostro — signo nostre benivolentie

et amoris, mittimus per suprascriptum Antonium Gislardum, cui circa suprascriptam materiam othomani commisimus, ut vestram sublimitatem copiosius etiam alloquatur. Verbis igitur suis sublimitati vestre fidem adhibere placeat indubitam.

4) a. 1473, Dec. 4 (doc. 91, p. 113–114)

Ioanni Baptiste Trivisano, secretario nostro Moschovie.

Tedet nos et incomodi et periculi in quod incidisti et rerum nostrarum et tua causa. Verum constantiores et cupidiores sumus quam unquam, ut ad imperatorem tartarorum iter prosequaris tuum, cognita maxime facilitate illius rei, aptitudine et comoditate descensus illus contra othomanum per Valachiam et tuis literis et relatione etiam multorum, confirmatam commoditatem supradictam.

Expediendum igitur ad istum illustissimum dominum ducem curavimus Antonium Gislardum, fidelissimum nostrum, cum literis, quarum exemplum erit presentibus introclusum. Et non dubitamus, quod cognita rei veritate illustrissimus dominus dux te liberabit et transitum prestabit tibi, sed etiam favebit, quantum fuerit opus, cum aversio et dillongatio illius gentis a suis finibus non posset non esse statui et rebus suis singulari tutamento et liberationi a perpetuo metu et infestatione.

Est igitur nostre intentionis et volumus, ut liberatus et licentiatus a suprascripto illustrissimo domino, comite Antonio Gislardo, transeas, quanto potes festinantius, ad serenissimum imperatorem tartarorum et sub literis nostris credentialibus quas cum istis accipies, presentato capitis panni aurei, quod mittimus

per eundem Antonium (simile uni alteri, quod presentandum eidem Antonio dedimus isti illustrissimo duci) et factis salutationibus pro ritu et more illius gentis, cum qua, ut audivimus — et gratissimum nobis fuit auditu, — optimam iam cepisti consuetudinem et suis sermoni et moribus accomodasti, sumpto principio unde tibi visus fuerit, nostram singularem in celsitudinis illius benevolentiam et in nomen et gloriam eius cultum et reverentiam, memora postea odium implacabile inter illum et othomanum, et non solum id memora, sed etiam accende et inflama, quantum potes, propone illi victoriam, ut opulentam, pinquem et gloriosam, ita indubitatissimam, fractis et debilitatis ⁶⁵ hoc anno ab illustrissimo domino Ussono Cassano viribus eius et futuris, qui illi supersunt, occupatissimis et destructis et ab eodem potentissimo domino Ussono et a nobis et a reliquis etiam principibus christianis, ut universa ditio suprascripti turci in Europa parata sit et exposita certissima preda sublimitati antedictae, si per partes, Euxino proximiores, in Valachiam venerit et traiecto Danubio in Traciam fuerit ingressus.

Hanc gloriosissimam expeditionem futuram celsitudini predictae et genti universe sue lucri et divitiarum incredibilium hortare et persuadere, quantum fieri a te possibile sit, et nihil ommitte, quod ad illius magnitudinem glorie, ad utilitatem, ad facilitatem, ad vindictae de perpetuae hoste suo voluptatem et iocunditatem, declarandum poterit et imaginari et exprimi a te.

Hec est intentio et desiderium nostrum et fuit prima causa missionis tuae.

Cogitasti tu iamdiu super hac materia et tibi iam omnia nota esse possunt et debent, quae in rem et ad

propositum voti consequendi sint necessaria et accomodata. Utere igitur et prudentia et solertia tua et illa practica et experientia, quam nactus es ex diuturna mansione et consuetudine ⁶⁶ tua cum gente illa, ut fructus rebus nostris et christianis afferratur ex tua industria, qui dignum te faciat perpetua laude et gratia nostra.

Si per responsionem, que tibi dabitur, intelligeres illum serenissimum imperatorem applicare aures et cogitationem ad hanc expeditionem et motum, tu apud illum remane, ut assidue cures et solicates; et apud te etiam sumus contenti ut remaneat Antonius Gislardus, si melius fore intellexerit, et ad nos actutum nuntium sive nuntios quospiam expedias cum litteris, declarantibus omnem successum, statum et conditionem rerum et spem, quam conceperis. Et si quid ille serenissimus imperator petierit, quod fieri a nobis possit, cum omnia facturi sumus, que possibile sunt, sicque promitte, scribe et declara, ut tibi respondere valeamus. Et si melius forte et utilius iudicares, ut Antonium cum tuis literis et ipse ex se informatissimus veniret ad nos, erimus etiam contenti, sed tu omnino in tali casu bone responsionis et spei remane et expecta mandatum.

Si vero animum illius indispositum cognosceres et impersuasibilem immobilemque ad hanc impresam et motum aut aliter materiam impossibilem, in hoc casu sumpta grata et bona licencia ad nos una cum Antonio redeas.

Si autem illustrissimus dominus dux Russie transitum tibi concedere nollet, quod difficile creditu nobis videtur, et per aliam viam non posses ullo modo te ad presentiam imperatoris predicti conducere, in hoc casu liberatus et licentiatus ab eo, obmissa profectione ad tartaros, redeas ad presentiam nostram.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

**Выдержки из Венецианских анналов Доменико
Малипьеро и «Путешествия в Персию»
Аброджо Контарини**

Текст по изданию: *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinati et abbreviati del senatore Francesco Longo. Con prefazione e annotazione di Agostino Sagredo*. Archivio storico italiano. 7, 1-2. Firenze, 1843-1844.

а. 1474 (p. 106)

El dose ha referido al consegio de Pregadi, che un ambassador del re de Russia ⁶⁷ e stà alla sua presenza; e dopo presentade le lettere de credenza, ⁶⁸ ghe ha esposto:

— che 'l suo re è, molto affettionado alla Signoria ⁶⁹ e stima la sua amicizia;

— che 'l sente gran dispiaser della molestia che dà alla Terra le cose turchesche; ⁷⁰

— che ordenariamente l'ha 1000 000 cavalli, e in tempo de guerra ne puol fare 300 000, a che tutti son parechiadi a servizio nostro ⁷¹ e di chiarirse amico di suoi amici e nemico di nemeci; ⁷²

— che Zuan Batista Trivisan secretario, che va all' 'imperator de Tartari, ⁷³ e stà retegnudo per non esser cognossudo; ma dapoi che s'intese, che 'l passavà per nome della Signoria, è stato fatto liberar e ghe è stà data scorta e ogni favor; ⁷⁴

— che quel Tartaro è molto potente, che in tempo de pase l'ha 300 000 cavalli e 700 000 in tempo de guerra.

E dopo finido la esposizion, l'ha presentà tre mazzi de zebellini finissimi, de 40 pele per uno:⁷⁵ due a nome del so re e un per conto suo. Se crede, che 'l ditto re vegnira prontamente a questa impresa de Turchi, perchè l'è genero del despoto Thomaso Paleologo, che morì a Roma; e mancando due suoi figli stnza posterita,⁷⁶ l'imperio de Romania pervien in lui. E se Ussan Cassan se muove per l'imperio de Tribisonda,⁷⁷ rasonevolmente el re de Russia diè far el simile ⁷⁸ per quello de Romania.

a. 1488 (p. 310)

A '3 de Settembrio é zonto do ambassadori ⁷⁹ del re de Russia con 20 cavalli. E hanno comunicà che 'l so re ha habudo vittoria contro Tartari,⁸⁰ che haveva 120 000 cavalli. E va a Roma a far el medemo officio co 'l papa.⁸¹

E ha presentà al dose ⁸² tre mazzi de zebellini, e a i consegieri un mazzo per un, tutti de quaranta pele l'un.⁸³

Hanno allozà a s. Zorzi ⁸⁴ e la Signoria che ha donà una vesta d'oro e 100 ducati per un.

Амброджо Контарини. *Путешествие в Персию.*

Текст по изданию: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 202–203.

Ambrogio Contarini. *Viaggio in Persia*

29. Ma non mi lasciò compitamente parlare,⁸⁵ che con volto quasi turbato, si lamentò di Zuan Battista Trivisano (non dirò altro circa ciò, per non esser a proposito)... Così fui chiamato al suo palazzo davanti tre suoi principali baroni,⁸⁶ i quai mi risposero per nome del signor duca, che io fussi il ben venuto et replicommi tutte la parole, dettemi per esso signore de i lamenti del detto Zuan Battista.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Русские переводы.

Документы венецианского сената.*

1. 1473 г. 21 июля

Прошло уже два года,³⁵ как верный наш секретарь,³⁶ Иоанн Баптиста Тривизано, был послан в Россию,³⁷ чтобы оттуда — при посредстве Иоанна Баптисты Вульпе, начинателя этого дела — он отправился к татарскому хану³⁹ с целью склонить

* См. нумерацию примечаний также в оригиналах текстов в Приложениях II, III.

³⁵ В официальном документе венецианского сената соблюдена точность дат: Тривизан прибыл в Москву 10 сентября 1471 г. (*Моск. свод.* С. 292); следовательно, он уезжал из Венеции в июле 1471 г. С этого времени протекло два года, как сказано в начале документа.

³⁶ Секретарь — чин служащего при венецианском сенате, исполняющего поручения в области внешней политики. Секретарь рангом ниже посла, но может исполнять важные поручения международного порядка.

³⁷ В латинских текстах документов и в итальянском тексте хроник (например, в *Венецианских анналах* Доменико Малипьеро) всегда употребляется форма «Russia» (v. G. Giraud. *Op. cit.*).

³⁸ Ввиду значительной роли Иоанна Баптисты Вульпе в политике между Москвой и Венецией обращаем внимание на определение его в венецианском документе: он был «первым двигателем», то есть начинателем, зачинщиком «этого дела» (татарского похода на Францию) — *primus motor huius practice*.

³⁹ Ахмед, хан Большой Орды (ок. 1460–1480).

последнего предпринять поход во Фракию ⁴⁰ против турок. Сделать это, судя по словам упомянутого Иоанна Баптисты Вульпе, будет нетрудно.

Но когда наш секретарь приехал в Москву, Вульпе воспрепятствовал ему и задержал его, чтобы он не отправлялся к татарскому хану;⁴¹ он — Вульпе — даже оставил нашего секретаря в виде полужаловника ⁴² в Москве, а сам поехал в Италию и вернулся оттуда (в Москву) вместе с супругой ⁴³ светлейшего русского великого князя. Однако, вследствие коварства или, вернее, вероломства папского лега-

⁴⁰ Судя по указанию на Фракию, венецианцы имели в виду поход во всяком случае за Дунай и даже к самому Константинополю.

⁴¹ Ср. Моск. свод, с. 292 о действиях Ивана Фрязина, сумевшего задержать Тривизана в Москве. Сведения в летописи и свидетельство венецианского документа совпадают.

⁴² Неясно, почему венецианцы сочли выжидательное положение Тривизана в Москве в течение времени с 16 января 1472 г., когда Вольпе уехал из Москвы в Рим за Софьей Палеолог, и 12 ноября 1472 г., когда он вернулся в Москву, положением «полужаловника», *semiobses*. Вероятно, Тривизан ни в скрытом, ни тем более в явном смысле не был оставлен заложником, но Вольпе находил более перспективным устраивать с татарами дело о походе на турок после бракосочетания Ивана III и Софьи Палеолог: тогда можно было бы, по мысли Вольпе, сильнее заинтересовать московского великого князя в планах отвоевания у турок захваченных ими земель Восточно-Римской империи.

⁴³ Софью Палеолог, еще не венчанную с Иваном III, уже называют супругой, *uxor*, потому, что она в Риме была обручена со своим будущим мужем, которого представлял Иван Фрязин. Софье уже пришлось пережить

та (генуэзца по происхождению),⁴⁴ поступки эти были открыты; оба (Тривизан и Вульпе) были схвачены и задержаны по подозрению в преступлении оскорбления величества, причем их жизни угрожала явная опасность.⁴⁵

Хотя теперь известно, что Иоанн Баптиста, наш секретарь, уже выпущен — по разрешению великого князя — из тюрьмы, но все же он содержится под стражей, чтобы не мог уйти не уплатив некоторых расходов. Об этом рассказал приехавший оттуда виченцкий гражданин Антоний Гислард.⁴⁶ По-

подобную церемонию, когда летом 1466 г., вскоре по приезде из Анконы в Рим, ее обручили с неким «архонтом» из рода «Паракиолов». Об этом событии известно только по хронике Георгия Франдзи (IV, 22), где употреблены термины, определяющие богослужение, которое сопровождает акт обручения: *be ton mnestron bierologia* (Scriptores byzantini. T. V. 1966). Ср. *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from 146 B. C. to A. D. 1100)*, New York, 1887, s. v. *ta mnestra*.

⁴⁴ Венецианцы постоянно не ладили, а то и враждовали с генуэзцами, главными их соперниками по торговле в Константинополе и в портах Черного моря в XIV–XV вв. До 1475 г. Генуя сохраняла свои позиции в Каффе, но Тана, где сильнее генуэзцев были венецианцы, уже потеряла свое значение после 1453 г. Папский легат Антонио Бонуомбре, прибывший вместе с Софьей Палеолог в Москву 1472 г., был генуэзцем, епископом на Корсике, подчинявшейся Генуе.

⁴⁵ Перечисленные факты вполне сходятся с фактами, упомянутыми в Московском своде и в Софийской Второй летописи.

⁴⁶ В Московском своде Антоний Гислард (или Джисларди) называется Антоном Фрязиным. В Софийской Второй летописи он назван «брат Фрязинов Онтон».

этому необходимо позаботиться об освобождении вышеупомянутого нашего секретаря.

В связи с этим было внесено предложение, чтобы на письмо светлейшего великого князя русского,⁴⁷ оглашенное в сенате, был дан вежливый ответ и чтобы было сообщено об истинной сущности дела, затеянного с целью нанести вред туркам, общему врагу всех христиан, но отнюдь не его высочеству, как и новому из христианских государей. В письме надо употреблять всевозможные добрые и дружественные слова, такие, которые покажутся сенату подходящими, чтобы добиться освобождения упомянутого секретаря.

С письмом (от сената) следует снарядить особого, достаточно опытного посла и позаботиться о деньгах, чтобы он (Тривизан), отпущенный оттуда и будучи в высшей степени осведомленным о всех тех делах, мог собраться (в путь) и возвратиться (к нам). Представ перед сенатом, (Тривизан доложит), выполнимо ли (намеченное) предприятие, и тогда совет обсудит все, как найдет нужным, принимая во внимание общее положение вещей. (Голосование):

За — 121

Против — 1

Воздержались — 0

2. 1473 г. 20 ноября

Несколько времени тому назад в Россию был послан наш секретарь, Иоанн Баптиста Тривизан, для попытки побудить татарского хана идти про-

⁴⁷ Здесь вполне определенно говорится о том, что Иван III отправил в Венецию письмо по поводу Тривиза-

тив турок. После длительного пребывания в Москве этот Иоанн Баптиста был обвинен перед великим князем и оказался под подозрением в том, что, имея общение и деловую связь с татарами, затеял подкупить их (для действий) в ущерб великому князю.⁴⁸ Иоанн Баптиста Тривизан был задержан вместе с Иоанном Баптистой Вульпе, первым, кто выдвинул и предложил⁴⁹ это скифское предприятие.⁵⁰

на. По-видимому, это отразилось в Софийской Второй летописи (с. 197), где приведены разгневанные слова московского великого князя, с возмущением обращающегося к дожу («Что тако сотвори? С меня честь сняв!»). Это послание Ивана III венецианскому сенату не найдено. Вероятно, оно относится к январю 1473 г., так как 26 января 1473 г. ушли из Москвы папский легат и его спутники, которых Иван III задержал после своей свадьбы на 11 недель и которые хлопотали о том, чтобы великий князь списался с дожем относительно арестованного Тривизана. Надо думать, что они понесли в Италию письмо Ивана III дожу Николо Трону.

⁴⁸ В первом постановлении сената от 21 июля 1473 г. сказано, что в Москве обвинили Тривизана в оскорблении величества (*crimen lese maiestatis*), во втором постановлении от 20 ноября 1473 г. преступление Тривизана определено как намерение подкупить татар в ущерб великому князю (*conducendi illos [tartaros] ad damna sua*).

⁴⁹ Как и в первом постановлении, подчеркнута инициатива Вольпе в деле вовлечения татар в поход против турок. Он назван *primus motor* — первым двигателем и *propositor* — первым, внесшим такое предложение.

⁵⁰ В византийских источниках татары нередко называются скифами (по примеру древнегреческих писателей, сообщавших о настоящих скифах в причерноморских степях). В Венеции до XV в. сохранилась эта манера даже в официальных документах. Здесь «скифское предприятие», «скифское дело» — *sciticum (sic) negotium*, «скиф-

О его, Тривизана, аресте тогда писал нам — очень мягко и вежливо — сам великий князь. В совете было принято решение ответить великому князю и направить посла с деньгами для освобождения упомянутого секретаря и возвращения его на родину.

Но теперь ожидается, что Антоний Гислард — некогда посол по упомянутому делу и спутник выпеназванного секретаря вплоть до Москвы⁵¹ — вернется из Неаполя.⁵² По его новому донесению и по сведениям от других итальянцев, которые в этом

ский поход», «скифское движение» — *motus scythorum* (рядом с искаженным правильное написание).

⁵¹ Речь идет об описанном в Московском своде посольстве Антона Фрязина, пришедшем в Москву 10 сентября 1471 г. С ним в Москву явился и Тривизан (Моск. свод. С. 292).

⁵² Джисларди, опытный дипломат, известный в Москве, мог, конечно, поехать с дипломатическим поручением и в Неаполитанское королевство, тем более что король Фердинанд I интересовался положением дела обороны от турок. Здесь о Гисларде вскользь сказано, что он «вернется из Неаполя» — *rediret ex Neapoli*, по-видимому, из Неаполя в Италию. Однако следует заметить, что в Венеции Неаполем постоянно называли один из венецианских портов восточного Пелопоннеса, античную Навплию на берегу Аргонидского залива. Правда, и в документах, и на средневековых картинах Навплия — Неаполь почти всегда именуется «Неаполем в Романии»: *Neapolis Romanie*, *Napoli di Romania*. См.: *Documents inédits, relatifs à l'Histoire de la Grèce au Moyen Age*, publiés par C. N. Sathas. T. I. 1880. Doc. 161, 173, 185, 192, 194; T. III, 1882. Doc. 735, 743, 798, 839, 854, 954. См. также венецианский портолан XVI в. с изображением Пелопоннеса в приложении к первому тому названного издания.

году возвратились из тех областей ⁵³ (= из России), выясняется, что это предприятие, а именно — скифский поход, не только возможен, но даже мог бы оказаться легким и удобным. Поэтому сейчас складывается следующее: если Антоний согласится, ⁵⁴ а великий князь даст пропуск, то Антоний сможет отправиться с этим нашим секретарем к татарскому хану и выполнить все, что мы раньше приказывали.

Ничто не должно быть оставлено неиспробованным для того, чтобы нанести урон нашему врагу, особенно же недопустимо пренебрегать этим именно предприятием. С небольшими затратами можно было бы попытаться сделать и то, что вообще необходимо — и уже некогда было постановлено в этом совете ⁵⁵ — относительно освобождения упомянутого секретаря. По этому поводу было внесено предложение написать великому князю московскому и

⁵³ Интересно, что венецианский документ отмечает обычное, очевидно, явление — поездки итальянцев в Россию.

⁵⁴ После того как в венецианском сенате было принято решение направить посла с известным поручением в какую-либо страну, намечались кандидаты на этот пост. В связи с этим в сенате практиковалось правило, по которому каждый кандидат имел право отказаться от такого поручения, особенно если оно касалось отдаленной страны и поездки, сопряженной с трудностями и опасностями. Поэтому в постановлениях сената после записей о результатах голосования по поводу решения о посольстве отмечалось согласие или отказ выдвинутых лиц. Например: *Oratores electi: ser Franciscus Michael refutavit, ser Jacobus de Medio refutavit, ser Carharinus Zeno acceptavit* (*Cornet*. 1885. Doc. 13. P. 24, a. 1471, Mart 7).

⁵⁵ Это — ссылка на постановление от 21 июля 1473 г.

объявить ему, что вышеназванный Иоанн Баптиста (Тривизан) был назначен нами послом не только не для оскорбления или нанесения каким-либо образом вреда (великому князю), но, вернее, для освобождения его от всякой обиды со стороны татар: ведь мы стремимся отдалить их от его страны и отвести их в области, соседние с Евксином, и в Валахию⁵⁶ в целях подавления общего врага всех христиан, захватчика Восточной империи, которая — в случае, если не будет наследников мужского пола — по праву принадлежала бы его высочеству через его светлейший брак.⁵⁷

К упомянутому великому князю обращается настоятельная, просьба, чтобы он соизволил предоставить нашему секретарю (Тривизану) и Антонию Гисларду всю возможную помощь и проявил бы свою благосклонность в том, что касается их безопасного перехода к татарскому хану с целью попытаться склонить его к походу против турок.⁵⁸

⁵⁶ Здесь намечен путь, по которому должны были двигаться татары — Причерноморье, Нижний Дунай.

⁵⁷ Здесь впервые высказана изобретенная в Венеции (не без хитроумия Вольпе) «приманка» для Ивана III — овладеть Константинополем или быть наследником Восточно-Римской империи в силу брака с Софьей Палеолог. Следует обратить внимание на констатацию венецианской дипломатией положения с «восточно-римским наследством».

⁵⁸ По этой части постановления венецианского сената можно судить о большой точности сообщений русских источников — Московского свода и Софийской Второй летописи. Перед отправкой Гисларда в Москву с посланием сената Ивану III в предшествовавшем этому посланию постановлении от 20 ноября 1473 г. говорится о

Иоанну Баптисте (Тривизану) поручается, чтобы он — в случае соизволения и милостивого согласия великого князя — как только сможет скорее отправился вместе с Антонием Гислардом к упомянутому татарскому хану и, подав ему верительные грамоты, после положенных приличествующих и общих слов, соблюдая обряд и обычай того народа, призвал бы и воспламенил хана двинуться походом против турок, естественного и злейшего врага татар: чтобы вообще он (Тривизан) обратился (к хану) также и со всеми другими речами — как некогда

просьбе к великому князю московскому представить венецианскому послу и Тривизану (если он будет освобожден, в чем сенаторы были уверены и что и случилось) всю возможную помощь (*ut omne possibile prestat auxilium et favorem*), а также обеспечить им безопасный переход к хану Ахмеду (*quo ad imperatorem tartarorum securi transire possint*). В Московском своде (с. 301–303) при описании прихода Антона Фрязина (Гисларда) в Москву 25 апреля 1474 г. передана просьба дожа, чтобы великий князь выпустил Тривизана «из нятя», «подмог его всем» и «отпустил к царю Болшиа Орды Ахмату». Те же три пункта просьбы повторены в ответе Ивану III дожу, судя по содержанию поручения послу Семену Толбузину: «Ивана Тривизана из нятя выпустил, и подмогши ему всем, отпустил к царю Ахмату в Большу Орду». Не менее точно Софийская Вторая летопись, которая передает просьбу дожа, принесенную Антоном Фрязином великому князю: «чтобы князь велики нелюбие отдал, посла бы его (Тривизана) отпустил в Орде, а что будет на подкруту бы еси ему дал»; в дальнейшем летопись сообщает, что сделал великий князь «по Онтоновым речам»; «отпусти его, а с ним толмача и дьяка отпусти, и седмьдесят рублей дасть ему».

уже было ему поручено,⁵⁹ которые необходимо добавить, по решению сената, для пользы дела.

Если же великий князь московский не пожелает согласиться на поездку его (Тривизана) к упомянутому хану, то, прибегнув еще раз ко всяческим попыткам и не получив тем не менее возможности — ввиду нежелания великого князя — отправиться (послом к хану), пусть в таком случае возьмет (Тривизан) надлежащее милостивое разрешение и возвратится к нам.

Таковы поручения⁶⁰ Антонию Гисларду. Кроме того ему будут даны два куса золотой парчи на две одежды: один кусок надо отвезти великому князю московскому, другой — татарскому хану. Еще следует снабдить (Антония) деньгами, по усмотрению сената, и немедленно отправить его. (Голосование):

За — 146

Против — 2

Воздержались — 3

3. 1473 г. 4 декабря

Письмо великому князю московскому Ивану III от венецианского сената

Светлейшему и могущественнейшему великому князю русскому⁶¹ — Антоний Гислард, наш вер-

⁵⁹ Напоминание о «комиссии», официальном поручении от сената, которая была дана Тривизану еще в 1471 г., когда он направлялся в Москву.

⁶⁰ Данным постановлением намечается содержание «комиссии», которая будет написана как руководство Гисларду в его посольстве в Москву.

⁶¹ Это текст того послания Ивану III, которое решено отправить в Москву после получения письма от москов-

ный гражданин, передал нам на днях письмо вашего высочества. Хотя оно касается обстоятельства немного неприятного, тем не менее — полное обходительности и особенного к нам благоволения — оно было для нас весьма приятно и радостно.

Чрезвычайно огорчает нас, что Иоанн Баптиста Тривизан, наш секретарь, оказался на подозрении у вашего величества, как будто он приехал, или был послан нами, ради того, чтобы причинить волнение и неудобство вашему государству. Это всегда было не только чуждо нашим намерениям, но противно им и противоположно. Ведь мы неизменно желаем сохранить всех христиан и печемся об их благополучии. Если же мы поступаем по отношению ко всем христианам одинаково и без всякого различия, единственно во имя христианства, то насколько же вполне правдоподобно должно это быть по отношению к друзьям, связанным (с нами) любовью и союзом?

Мы всегда считали ваше высочество лицом славным и знаменитым и ставили его в ряд первых наших друзей, которых надлежит и ценить, и почитать. Все, что случилось с нашим секретарем, мы полагаем относящимся больше к превратной фортуне или к чьей-то ложной информации, чем к (злой) воле. Мы очень хорошо видим, насколько милостиво и доброжелательно — уже после того, как укрепилось в умах подозрение о столь важном преступлении, — ваше высочество обращалось с ним (с Тривизаном), по причине и признания нашего государства, и уважения к нему. Мы особенно обязаны благородному достоинству вашего высочества и приносим ему свою глубочайшую благодарность за проявленные милосердие и мягкость к нашему секре-

тарю и приписываем это дружественному к нам отношению.

Поистине — (пишем мы с целью), чтобы ваше высочество знало всю правду — послали мы упомянутого нашего секретаря не для того, чтобы каким-либо образом, в связи с татарским ханом, вызвать что-нибудь затруднительное или опасное для вашего государства и для ваших дел, а потому, что побуждаемые письмом упомянутого яснейшего хана [мы стремились], чтобы он, если можно, отвел и удалил от ваших границ и ближайшего с ним соприкосновения свои войска, стоящие по соседству с вашим государством, избавив вас от связанных с этим действий и тягот; чтобы он повел эти войска через области, примыкающие ⁶³ к Средиземному морю, а именно к той его части, которую называют Евксином, или Великим морем, ⁶² к берегам Дуная, для подавления (турок), общего врага всех христиан, захватчика Восточной империи, которая — в

ского великого князя (*littere illustrissimi domini ducis Russie*), как сказано в постановлении венецианского сената от 21 июля 1473 г. Ответ Ивану III был послан позднее, так как Гислард, которого намечали отправить послом в Москву, был в отъезде, и в Венеции ждали его возвращения из Неаполя.

⁶² Примечательно, что здесь отражено весьма давнее, восходящее к античным географам представление о Черном море (Евксине, или Великом море — *mare Maius*) как части в системе Средиземного моря. К этой системе относили Мраморное, Черное и Азовское моря, соединенные проливами со Средиземным морем.

⁶³ Вставка слова *proximiores*, предполагаемого определения к слову *provincias*, по-видимому, пропущенного в издании Корне, сделана нами соответственно тексту по-

случае, если в императорском доме не будет потомка мужского пола — принадлежала бы светлейшему вашему господству по праву вашего благополучнейшего супружества.⁶⁴

В этом и состоит единственная и самая истинная причина прихода в земли вашего высочества упомянутого нашего секретаря. Если же он пошел дальше (своих полномочий) за столь длительный отрезок времени, который он провел в ваших владениях, и если, быть может, он вел себя не совсем благоразумно или доверительно с вашим высочеством, то не следует подозревать здесь какое-либо злое намерение, но скорее объяснить или недостаточным опытом, или какой-то другой — возможно, необходимой — причиной, смысл которой нам неизвестен.

Мы продолжаем настаивать на нашем предложении и желании, чтобы Иоанн Баптиста (Тривизан) совершил свой путь к татарскому хану, имея целью убедить его и побудить двинуться походом по вышеуказанному пути против турок как для вашей защиты, так и для спасения всех остальных христиан.

Мы считаем нужным послать к вашему высочеству упомянутого Антония (Гисларда), нашего верного гражданина и посла по этому делу, и мы силь-

слания сената от того же 4 декабря 1473 г. (Приложение II, 4), где есть выражение «per partes Euxino proximiores».

⁶⁴ В этом послании Ивану III венецианцы пытаются внушить ему интерес и стремление к отвоеванию Восточно-Римской империи. Мысль о принадлежности империи великому русскому князю, как мужу восточно-римской царицы, формулирована в постановлении сената от 20 ноября 1473 г.

нейшим образом хотим, чтобы он отправился к упомянутому татарскому хану вместе с нашим секретарем (Тривизаном) в качестве его спутника и участника в исполнении наших поручений.

И поэтому мы, со всем рвением и старанием, просим ваше высочество соизволить обеспечить им обоим не только переход (в Орду), но — в знак особого к нам благоволения — оказать им также всяческую помощь, совет и участие, чтобы они могли выполнить почетнейшие наши поручения и наладить и довести до конца столь превосходное дело всего христианского мира. Поступив так, ваше высочество не сможет сделать ничего более угодного Богу, ничего более соответствующего своему имени и славе, ничего более приятного и радостного нам, вашим преимущественным друзьям.

Если же не удастся склонить ваше высочество (к выполнению нашей просьбы), — чему мы не верим, потому что не знаем никаких причин, отчего бы ваше высочество не смогло этого сделать, — то в таком случае мы просим об одном: освободить упомянутого нашего секретаря (Тривизана) от стражи и от подозрения и позволить ему в неприкосновенности вернуться к нам.

Наше открытое письмо для безопасного прохода ваших послов по всем нашим владениям вместе с небольшим даром — знаком нашего расположения и любви — мы посылаем с упомянутым Антоном Гислардом. Ему мы поручили подробно изложить все, касающееся предприятия в отношении турок. Да будет угодно вашему высочеству без сомнения доверять его словам.

4. 1473 г. 4 декабря

**Письмо Иоанну Баптисте Тривизану
от венецианского сената**

Иоанну Баптисте Тривизану, нашему секретарю в Московии.

Трудности и опасности, в которые ты попал в связи с нашими, а также с твоими собственными делами, особенно тревожат нас (сейчас), потому что поистине никогда так, как теперь, не желали мы более упорно и жадно, чтобы ты предпринял путешествие к татарскому хану. Нам стало известно, что (именно сейчас) крайне легко без особых усилий (организовать) поход хана против турок через Валахию. Это ясно и из твоих писем, и из сообщений многих других лиц, которые подтверждают эту возможность.

Поэтому мы позаботились об отправке к светлейшему великому князю нашего верного Антония Гисларда с письмом, копия которого прилагается к настоящему письму к тебе. Мы не сомневаемся, что, узнав правду, светлейший великий князь освободит тебя и предоставит тебе (пропуск на) проезд, а также проявит необходимую благосклонность, потому что отвлечение и удаление этого народа от его границ не может не доставить его государству исключительной безопасности и освобождения от постоянного страха и от нападений.

Наше намерение и желание состоят в том, чтобы ты, освобожденный и отпущенный упомянутым светлейшим государем, в сопровождении Антония Гисларда, отправился как можно скорее к яснейшему татарскому хану. Ты представишь ему наши верительные грамоты (их ты получишь вместе с этим

письмом) и преподнесешь кусок золотой парчи (его мы посылаем с Антонием, и он подобен другому, который мы также передали Антонию для преподнесения светлейшему великому князю). После приветствий по обряду и обычаю того народа — с чем ты, как мы слышали (и нам было приятно слышать это!), весьма хорошо ознакомился и к тому же вполне привык к их речи и нравам — ты приступишь к основному в тот момент, когда ты найдешь это удобным. Заявив о нашей чрезвычайной благосклонности к его высочеству (хану) и о нашем почитании и уважении его имени и славы, напомним затем о непримиримой ненависти между татарами и турками, причем не только напомним, но (речами своими) зажги и, в меру своего умения, воспламени (хана)! Нарисуй перед ним победу великолепную, богатую добычей, славную и совершенно несомненную. Ведь после того как светлейший государь Узун Хасан в этом году сломил и ослабил турецкие силы,⁶⁵ войска, которые еще остались у турок, будут в дальнейшем крайне заняты войной, хотя они уже изнурены усилиями могущественного Узуна, и нами, и другими христианскими государями. Таким образом, все турецкие владения в Европе открыты и уже готовы стать вернейшей добычей татарского хана в случае, если он придет в Валахию

⁶⁵ Действительно, 10 августа 1473 г. при Эрзинджане произошло крупное сражение между войсками правителя Персии Узун Хасана и войсками Мухаммеда II. Решительную победу одержали турки, но венецианцы убеждают Ивана III, — который мог быть осведомлен (через татар) о результате сражения, — что тем не менее турецкие силы «сломлены» и «ослаблены».

через области, прилежащие к Евксину, и, перейдя Дунай, вступит во Фракию.

Уговори и убеди — насколько будет возможно — его высочество (хана) и весь его народ, что этот поход, сулящий огромную славу, (чреват) наживой и несметными богатствами. Ничего не пропусти из того, что только можно сказать, представить себе и выразить относительно величия славы хана, пользы и легкости (похода), наслаждения и упоения свободой от (угрозы) постоянного врага.

Это и есть наша цель и наше пожелание. Это и составляет основу твоей миссии.

Ты уже обдумал это предприятие, и тебе может и должно быть известно все, что окажется необходимым для достижения желаемого. Поэтому употреби все благоразумие и всю изобретательность, воспользуйся практикой и опытом, которые ты приобрел в течение долгого пребывания среди такого народа и в результате общения с ним.⁸⁶ Надо, чтобы из твоего искусства — да сделает оно тебя достойным постоянной хвалы и нашей благодарности — получились плоды (полезные) и для нашего дела, и для дела всех христиан.

Если по ответу, который будет тебе дан, ты поймешь, что яснейший хан готов слушать и размышлять об этом походе, оставайся при нем, чтобы непрерывно иметь наблюдение и побуждать его. Мы согласны, чтобы у тебя задержался Антоний Гислард (если он найдет это необходимым), но в таком случае немедленно отправь одного или несколько посланцев с письмами, в которых ты опишешь со-

⁸⁶ Эти слова указывают, что Тривизан бывал у татар, знал их обычаи, быть может, даже мог понимать их язык.

стояние и положение вещей, а также сообщишь о том, какие питаешь надежды.

Если яснейший хан попросит о чем-нибудь, что мы имеем возможность сделать, — так как мы готовы выполнить все, что только возможно, — обещай ему, а нам напиши и объясни, чтобы мы могли тебе ответить.

Если ты сочтешь более полезным, чтобы Антоний, превосходно обо всем осведомленный, приехал к нам с твоим письмом, то мы согласны и на это, ты же — в случае благоприятного ответа (хана) и надежды (на успех) — оставайся на месте и жди указаний.

Если же ты поймешь, что хан не расположен к этому предприятию и что дух его не поддается убеждению и остается неподвижным, иначе говоря, что наше дело невозможно, то в таком случае возьми милостивое разрешение (на выезд) и возвращайся к нам вместе с Антонием.

Если светлейший великий князь русский не пожелает даровать тебе пропуск для прохода (в Орду) — хотя, как нам кажется, этому трудно поверить — и ты никакими способами не сможешь попасть к хану другой дорогой, то в таком случае, освобожденный и отпущенный великим князем, отложив путешествие к татарам, возвращайся к нам.

**Выдержки из «Венецианских анналов»
Доменико Малипьеро. 1474 г.**

Дожд сообщил сенату, что к нему явился посол русского короля ⁶⁷ и, представив верительные гра-

⁶⁷ Малипьеро называет московского великого князя «королем» (ге), но в официальных венецианских доку-

моты,⁶⁸ доложил ему следующее: что его король весьма расположен к Венецианской республике⁶⁹ и ценит ее дружбу;

что он (король) чувствует сильное недовольство по поводу ущерба, наносимого Венеции военными действиями турок;⁷⁰

что в обычное время он располагает 100 тысячами конницы, а в военное может созвать до 300 тысяч, и что все готовы выступить нам на помощь⁷¹ и

ментах главу Московского государства принято называть: «*dux Russie*» («*illustrissimus et potentissimus dux Russie*»). Ср. письмо венецианского сената Ивану III. «Посол русского короля», *un ambascador del Re de Russia* — это Семен Толбузин, отправившийся из Москвы в Венецию 24 июня 1474 г. (Моск. свод. С. 303). Как в летописи, так и в итальянской хронике указано, что одним из пунктов доклада посла дожу было известие, что Иван III освободил Тривизана и дал ему возможность отправиться в Орду к хану Ахмеду.

⁶⁸ Верительные грамоты — *lettere de credenza* — вполне установившаяся в XV в. форма документа, представляемого послами главе правительства той державы, куда посол приехал. Русские послы так же, как и все другие послы, снабжались верительными грамотами.

⁶⁹ Правительство Венецианской республики обычно определялось словом «синьория».

⁷⁰ *Cose turchesche* — букв. турецкие дела, обстоятельства, но главным образом военные действия.

⁷¹ По итальянскому тексту получается, что «*tutti*» — «все», относится к тем русским войскам, которые были названы в предыдущем пункте, тем более что слово «*servizio*» означает службу, особенно военную службу. В таком смысле, то есть что войска Ивана III готовы (*parechiadi*) выступить на стороне Венеции против ее врагов, в данном случае против турок, понял этот текст издатель «Анналов» Малипьеро — Агостино Сагрето; в сделанном им

назваться другом друзей и врагом врагов ⁷² (Венецианской республики);

и еще, что секретарь Дзуан Баттиста Тривизан, который направляется к татарскому императору, ⁷³

резюме сообщений «Анналов» на каждый год он написал: «Русский посол предлагает помощь Венецианской республике в войне против турок» (р. XXV). Однако сомнительно, чтобы Семен Толбузин привез подобное предложение от Ивана III венецианскому правительству. Москве еще предстояло довести до конца подчинение Новгорода, завершившееся в 1478 г. Был еще жив Ахмед, хан Большой Орды (убит в конце 1480 г.), и граница по Оке требовала настороженного внимания, а с востока немалое беспокойство вызывало Казанское ханство. Кроме того, интересы Венеции никак не могли быть жизненно важны для Московского государства. На этом фоне едва ли возможно, чтобы Иван III обещал дать свои войска в помощь далекой Венеции. Московский свод и Софийская Вторая летопись отмечают лишь две цели посольства Семена Толбузина: сообщить дожу об освобождении Тривизана и о поездке последнего в Орду с целью убедить хана Ахмеда двинуться на турок; привезти из Италии опытных мастеров — строителей и пушечников-литейщиков.

⁷² Обычная дипломатическая формула — быть другом друзей и врагом врагов союзной стороны. В этой нечетливо построенной фразе следует понимать, что та сторона, которая обещает предоставить войска, объявляет себя другом друзей и врагом врагов, то есть что эту формулу следует отнести к московскому князю, который будто бы объявляет себя союзником Венецианской республики.

⁷³ В латинских и итальянских источниках главного татарского хана (или «Хана Большой Орды» русских летописей) называли «императором», в Москве же его именовали «царем».

был задержан по той причине, что его не распознавали; однако позднее, когда стало понятно, что он едет от имени Венецианской республики, он был освобожден, ему были даны сопровождающие и оказаны всяческие милости;⁷⁴

и что татарский хан очень силен: в мирное время у него бывает 300 тысяч конницы, а в военное — до 700 тысяч.

Закончив доклад, посол преподнес три связки превосходнейших соболей, по 40 шкурок в каждой;⁷⁵ — две от имени короля и одну от себя.

⁷⁴ В Софийской Второй летописи (с. 197) объяснено, из кого состоял «эскорт» Тривизана и в чем выразились оказанные ему милости: с ним были отпущены в Орду толмач и дьяк, и ему было выдано 70 рублей.

⁷⁵ Дары, которые русские послы подносили иноземным правительствам, почти всегда состояли из редких и ценных мехов. Всевозможные меха — *pelletaria*, *pelliceria* — доставлялись из различных лесных областей, с Верхнего Поволжья, из северных Новгородских земель, а центрами торговли пушниной были Москва, Казань, Новгород. Об этом упоминали и итальянские авторы, Контарини и Барбаро. Среди русских мехов особое место занимали превосходные по качеству соболя — *zebellini finissimi*, как писал Малипьеро, сам, вероятно, видевший связки прекрасных собольих шкурок, привезенных в Венецию московским послом Семеном Толбузиным. В трактате флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти, который перечислил множество товаров в связи с их происхождением или концентрацией в различных городах, особенно в городах Восточного Средиземноморья и в связанных с ними городах Западной Европы, соболя упомянуты только один раз в части, касающейся товаров, свозимых в Тану. Эти меха названы в ряду ценных вещей, продававшихся поштучно, подобно кускам самых дорогих шелковых и златотканых материй (*Pegolotti F. B.*

Предполагается, что этот король в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он — зять деспота Фомы Палеолога, умершего в Риме, и, в случае смерти обоих сыновей последнего без потомства,⁷⁶ Римская империя перейдет именно к нему. А если Узун Хасан двинется на завоевание Трапезундской империи,⁷⁷ то само собой разумеется, что русский король должен сделать то же самое⁷⁸ по отношению к Римской империи.

La pratica della mercatura. Ed. by A. Evans. Cambridge (Mass), 1936. P. 24). Другие меха, в большинстве своем употреблявшиеся для подбивки одежды (Пеголотти так их и называет — *pelle di foderatura*), продавались по сотням и по тысячам штук. Интересно, что еще в XII в. в богатом приданом норманнской принцессы Констанции, вышедшей замуж за Генриха, сына императора Фридриха Барбароссы, среди прочих богатств были указаны только простые меха: лошади везли тюки с приданным, полные золота и серебра, аксамитов и парчи, белых и различных им подобных мехов: (*grisii varii*) — *auri et argenti, xamitorum et paliorum, et grisiorum et variorum* (*Annales Placentini Guelfi*. MGH SS. XVIII. P. 415; *Annales Placentini Gibelini*. Ibid. P. 465).

⁷⁶ Глагол *manсage* значит убыть, умереть. Неясно, почему венецианцы, хотя и стремились, чтобы Иван III «наследовал» Восточно-Римскую империю, допускали, что находившиеся в живых братья Софьи Палеолог рискуют умереть без потомства.

⁷⁷ Узун Хасан с 1459 г. был женат на Феодоре, христианке, дочери предпоследнего трапезундского императора Иоанна IV (умер в 1458 г.), и потому в качестве зятя мог считать себя наследником Трапезундской империи. Ср.: *Malipiero*. *Ann. Veneti*. P. 25 (a. 1464); p. 44 (a. 1469); p. 79 (a. 1472); p. 106 (a. 1474).

⁷⁸ В данном случае венецианское правительство, пожалуй, выдавало желаемое за действительное: Иван III

1488 г.

3-го сентября пришли два посла ⁷⁹ от русского короля, с 20 всадниками, и сообщили, что их король одержал победу над татарами, ⁸⁰ у которых было 120 000 конницы; послы направляются в Рим по этому же делу к папе. ⁸¹

Они преподнесли дожу ⁸² три связки соболей, а советникам по одной связке каждому; в связках было по 40 шкурок. ⁸³

не проявлял никакого намерения отвоевывать для себя «Римскую империю» в качестве наследства в связи с браком на наследнице Палеологов. Впрочем, Малипьеро соблюдал некоторую осторожность в выражениях, сообщая о «планах» московского великого князя: он сказал, что действия последнего только «предполагаются», что они «вероподобные» (*si crede*), и не заявил категорически, что Иван III непременно начнет завоевание Византии, но что он должен будет сделать то же самое, что собирается сделать (по той же причине брачных отношений) персидский шах Узун Хасан.

⁷⁹ Эти два посла, не названные здесь по именам, известны по русской летописи. Иван III, после победы над Казанью 9 июля 1487 г., на следующее лето послал Дмитрия и Мануила Ралевых в Рим, Венецию и Милан с оповещением об этом крупном военном успехе. См.: Сокращенный летописный свод 1493 г. С. 288–289.

⁸⁰ Имеется в виду взятие Казани 9 июля 1487 г. См.: Моск. свод. С. 331.

⁸¹ Папа Иннокентий VIII (1474–1492).

⁸² Дож Агостино Барбариго (1486–1501).

⁸³ Такие же дары — связки отборных собольих шкурок — привез в Венецию русский посол Семен Толбузин в 1474 г.

Послы остановились у св. Георгия;⁸⁴ правительство подарило каждому из них по одежде из золотой парчи и по 100 дукатов.

**Отрывок из гл. 29 «Путешествия в Россию»
Амброджо Контарини**

Однако его высочество⁸⁵ не дал мне сказать все с полной ясностью, но со взволнованным лицом он стал жаловаться на Дзуана Баттисту Тривизана; впрочем, я здесь не скажу ничего, так как это сюда не относится... Я же стремился уехать (из Москвы) и потому добивался ответа на свою просьбу его высочеству. Меня позвали во дворец; там я предстал перед тремя важнейшими баронами,⁸⁶ которые ответили от имени государя великого князя, что я желанный гость, но повторили все сказанные великим князем слова и его жалобы на Дзуана Баттисту.

⁸⁴ Св. Георгий, *san Giorgio*, или, на венецианском диалекте, *san Zorzi* — по всей вероятности, монастырь св. Георгия на острове против Дворца дождей в Венеции.

⁸⁵ Иван III. Его встреча с Контарини состоялась 26 сентября 1476 г.

⁸⁶ Речь идет о знатных боярах.

Содержание

<i>Н. Ф. Котляр. Елена Чеславовна Скржинская и её труды по истории средневековых Руси, Византии и Италии</i>	<i>5</i>
Половцы. Опыт исторического истолкования этникона	36
Греческая надпись из Тмутаракани	90
Венецианский посол в Золотой Орде	114
Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию ...	153
Московская Русь и Венеция времен Ивана III ...	180
Приложение I	238
Приложение II	249
Приложение III	258
Приложение IV	260

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Научный редактор:

Н. Ф. Котляр

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректоры:

Н. М. Баталова

Л. Ю. Румянцева

Оригинал-макет:

Е. Н. Ванчурина

ИЛ № 064366 от 26. 12 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, 13

Телефон: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 20.05.1999. Подписано в печать 30.10.1999

Формат 70×100/32. 9 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3649.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia